

Морские цари Крита

Джеймс Бейки

The Sea-Kings of Crete

James Baikie

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of The Sea-Kings of Crete.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Морские цари Крита

Автор: Джеймс Бейки

Дата выхода: 19 сентября 2006 [eBook #19328]

Язык: Английский

Credits: Продюсер: Роберт Дж. Холл

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE SEA-KINGS OF CRETE ***

ТРОН МИНОСА (сmp. 72)

МОРСКИЕ ЦАРИ КРИТА

BY REV. JAMES BAIKIE, F.R.A.S.

С 32 ПОЛНОСТРАНИЧНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ С ФОТОГРАФИЙ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ЛОНДОН

АДАМ И ЧАРЛЬЗ БЛЭК

1913

МОИМ СЕСТРАМ И МОИМ БРАТЬЯМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этих страниц - предложить широкому читателю ясный отчет о замечательных исследованиях, которые перевернули все представления о древности и уровне самой ранней европейской культуры, и попытаться сделать понятным смысл и значение результатов этих исследований. В надежде, что необыкновенное воскрешение первой европейской цивилизации может привлечь более широкий круг читателей, чем те, кто исповедует древнее происхождение, книга была максимально свободна от формальностей и обсуждения спорных моментов; на протяжении всей книги я старался писать для тех, кто, хотя со школьных лет любит благородную и романтическую историю Древней Греции, был лишен возможности более тщательного ее изучения, чем это возможно в рамках обычного образования.

Может показаться, что в первой главе эта точка зрения была излишне подчеркнута, а пересказ древних легенд может показаться излишеством. Несомненно, так оно и будет для некоторых читателей, но, возможно, их уравновесят другие, чьи воспоминания о великих историях классической Греции немного потускнели с годами, и кто не прочь вновь обратиться к ним. Обращение к легендам в любом случае было неизбежным, поскольку одним из самых замечательных результатов исследований стало раскрытие прочной основы исторических фактов, на которых они покоились; и, если книга должна была выполнить свою задачу для читателей, на которых она была рассчитана, обращение к ней почти обязательно должно было включать пересказ.

Я должен признать свой долг перед трудами и отчетами различных исследователей, которые совершили столь чудесное воскрешение этого древнего мира. Мой долг перед работами доктора А. Дж. Эванса очевиден для всех, кто хоть немного знаком с темой; но перед такими авторами, как миссис Х. Б. Хоуз, доктор Маккензи, профессора Берроуз, Мюррей и Браун, а также господ Д. Г. Хогарт и Х. Р. Холл, если назвать лишь некоторых из многих, мои обязательства лишь меньше, чем перед признанным вождем критских исследователей.

Преподобному Джеймсу Кеннеди, доктору философии, библиотекарю Нового колледжа в Эдинбурге, и преподобному К. Дж. М. Миддлтоу, магистру искусств, Крейлинг, я благодарен за неоценимую помощь в сборе материала, и не меньше я обязан мистеру А. Брауну, Галашиэлс, и господам К. Х. Брауну и К. Р. А. Хаудену, Эдинбург, и другим за их помощь в подготовке иллюстраций. В частности, мистеру А. Брауну принадлежат листы II., III., IV., V., IX., X., XV., XVI., XX., XXIII., XXIV. и XXV.; а господам К. Х. Брауну и К. Р. А. Хаудену - листы I., VII., VIII., XI., XII., XVII. (I) и XXI. Я должен выразить сердечную благодарность Совету Общества содействия эллинским исследованиям за использование пластин XXIX. и XXX.,

воспроизведенных с их разрешения из "*Журнала эллинских исследований*"; Комитету Британской школы в Афинах за использование пластины XIX. и плана Кносса из их *Ежегодника*; а также доктору А. Дж. Эвансу и мистеру Джону Мюррею за пластины VI., XIII. и XIV. из "*Monthly Review*", март, 1901. За перерисовку и адаптацию плана Кносса я обязан мистеру Х. Бейки, бакалавру наук, Эдинбург, а за эскиз карты Крита - моей жене.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

ЛЕГЕНДЫ

ГЛАВА II

ГОМЕРОВСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ГЛАВА III

ШЛИМАН И ЕГО РАБОТА

ГЛАВА IV

ДВОРЕЦ В ШИРОКОМ КНОССЕ

ГЛАВА V

Дворец "Широкий Кноссос" - продолжение

ГЛАВА VI

ФЕСТ, АГИА ТРИАДА И ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

ГЛАВА VII

КРИТ И ЕГИПЕТ

ГЛАВА VIII

РАЗРУШИТЕЛИ

ГЛАВА IX

ПЕРИОДЫ МИНОЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ГЛАВА X

ЖИЗНЬ ПОД ВЛАСТЬЮ МОРСКИХ ЦАРЕЙ

ГЛАВА XI

ПИСЬМА И РЕЛИГИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

ИНДЕКС

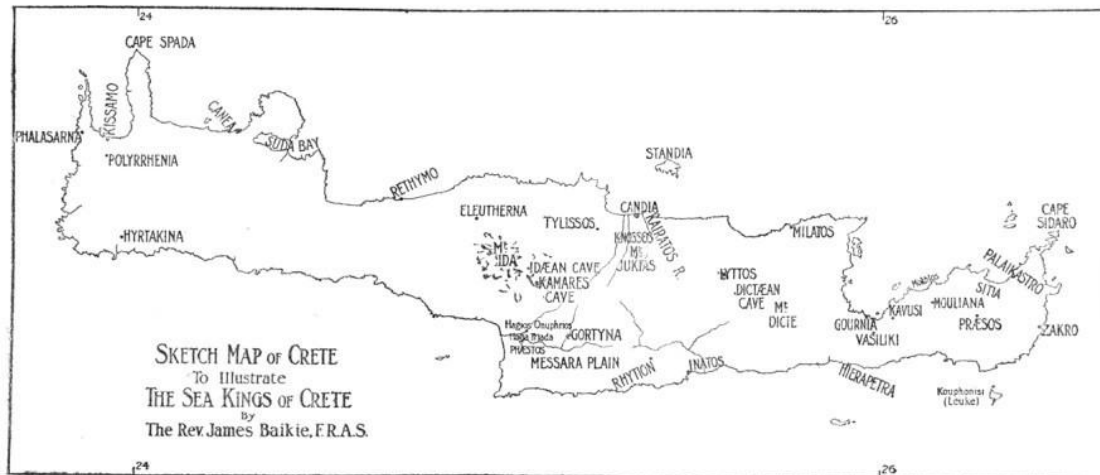
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ПЛАТА

- I. Трон Миноса
- II. (1) Рампа, Троя, второй город; (2) Круговые могилы, Микены
- III. Стена шестого города, Троя
- IV. Львиные ворота, Микены
- V. (1) Сводчатый проход в стене, Тиринс; (2) Гробница с ульем (сокровищница Атрея), Микены
- VI. Кубконосец, Кносс
- VII. Длинная галерея, Кносс
- VIII. Журнал с кувшинами и каселлами, Кносс
- IX. (1) Журнал с кувшинами и каселлами; (2) Большой кувшин с орнаментом в виде струйки
- X. (1) Часть фрески с дельфинами; (2) Большой кувшин, Кносс
- XI. Столб двойных топоров
- XII. (1) Минойская мощеная дорога; (2) Северный вход, Кносс
- XIII. Рельеф головы быка
- XIV. Глиняная табличка с линейным письмом, Кносс
- XV. (1) Стена дворца, западная сторона, гора Юктас на заднем плане; (2) Ванная комната, Кносс
- XVI. Пролет четырехмаршевой лестницы; (2) Стена с водостоком
- XVII. (1) Зал двойных топоров; (2) Большая лестница, Кносс
- XVIII. Игровая доска короля
- XIX. Фигурки из слоновой кости
- XX. (1) Главный водосток, Кносс; (2) Терракотовые водосточные трубы
- XXI. Театральная зона, Кносс: До реставрации
- XXII. Театральная площадь, Кносс: Восстановленный
- XXIII. Большой кувшин с папирусными рельефами
- XXIV. Царская вилла: (1) базилика; (2) каменная лампа
- XXV. (1) Кносская долина; (2) Раскопки в Кноссе
- XXVI. Большая лестница, Фестос
- XXVII. Ваза "Жатва", Агия Триада
- XXVIII. Саркофаг из Агия Триады
- XXIX. Минойская керамика
- XXX. Позднеминойская ваза из Микен
- XXXI. Камаресские вазы из Фестоса и Агия Триады
- XXXII. Работы ювелиров из ульевых гробниц, Фестос

ЭСКИЗНАЯ КАРТА КРИТА

ПЛАН КНОССА

МОРСКИЕ ЦАРИ КРИТА И ДОИСТОРИЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ГРЕЦИИ

ГЛАВА I

ЛЕГЕНДЫ

Воскрешение доисторической эпохи Греции и раскрытие поразительного уровня цивилизации, достигнутого на материке и островах Эгейского моря по меньшей мере на 2000 лет раньше того периода, с которого начинается история Греции в ее нынешнем понимании, можно отнести к числу наиболее интересных результатов современных исследований реликвий жизни прошлых эпох. Нынешнее поколение стало свидетелем замечательных открытий в Месопотамии и Египте, но ни Нифур, ни Абидос не раскрыли мир, столь совершенно новый и неожиданный, как тот, что был открыт благодаря работе Шлимана и его преемников в Трое, Микене и Тирине, а также Эванса и других исследователей - итальянских, британских и американских - на Крите. Месопотамские и египетские открытия проследили чуть дальше ручьи, за которыми уже следили далеко вверх их течения; открытия Шлимана и Эванса открыли реальность того, что, так сказать, до сих пор считалось текущим только через страну снов легенд. Очевидно, что могущественные люди существовали и до Агамемнона, но что это были за люди и в каком мире они жили, было совершенно неизвестно, и, судя по всему, так и останется. Обильные легенды рассказывали о великих царях и героях, о величественных дворцах, могучих армиях и мощных флотах, обо всем материале развитой цивилизации. Но легенды были в значительной степени вымышленными - боги и полубоги, люди и сказочные чудовища были смешаны в них на одном уровне, и казалось невозможным, что мы когда-нибудь вернемся на твердую почву, если таковая вообще существовала, на которой впервые покоились эти древние истории.

Для историка середины XIX века греческая история начиналась с Первой Олимпиады в 776 году до нашей эры. До этого история о возвращении Гераклидов и завоевании дорийцами людей бронзового века могла с большой вероятностью воплощать в причудливой форме подлинный исторический факт; к гомеровским поэмам следовало относиться с уважением не только из-за их высочайших поэтических достоинств, но и как к возможному отражению достоверной традиции, хотя, конечно, их картины развитой цивилизации были более или менее воображаемыми проекциями на прошлое культуры собственного периода или

периодов писателя. За этим лежала великая пустынная земля легенды, в которой боги и богоподобные герои двигались и разыгрывали свои романы среди "горгон и гидр и химер ужасных". Какая доля фактов, если таковые вообще имеются, содержится в историях о Миносе, великом законодателе, и его военном флоте, и его Лабиринте с его чудовищным обитателем; о Тесее и Ариадне и Минотавре; о Дейдале, первом аэронавте, и его чудесных произведениях искусства и науки; или о любом другом из тысячи и одного прекрасного или трагического романа древней Эллады - попытка определить это лежит совершенно за пределами сферы деятельности серьезного историка. Анализировать басни, - говорит Гроте, - и выуживать из них какие-либо достоверные факты представляется мне бесплодной попыткой. Религиозные воспоминания, романтические выдумки и факты, *если таковые имеются*, должны навсегда остаться неразрывно соединенными, как их первоначально смешивал поэт, для развлечения или назидания своих слушателей..... Одной из приятных мечтаний греческого эпоса было то, что человек, путешествующий достаточно далеко на север за Рифейские горы, со временем достигнет восхитительной страны и благодатного климата добродетельных гиперборейцев, почитателей и любимцев Аполлона, которые жили на крайнем севере, за ледяными порывами Борея. Теперь надежда на то, что мы сможем, ведя наши исследования вверх по течению времени, исчерпать пределы вымысла и в конце концов приземлиться на какие-то точки твердой истины, кажется мне не менее иллюзорной, чем это путешествие на север в поисках гиперборейского элизиума". Откровенно скептическое отношение Гроте вполне отражает общее мнение середины прошлого века. Мифы были прекрасны, но их ценность не была в каком-либо смысле исторической; она проистекала из света, который они бросали на работу активного греческого ума, и откровения, которое они давали о врожденной поэтической способности, создававшей мифы, намного превосходящие мифы любого другого народа.

За последние сорок лет все это изменилось. Мнения, столь догматично высказанные нашим великим историком, больше не разделяются теми, кто следит за течением современных исследований, и остаются лишь памятниками опасности догматизации в вопросах, относительно которых все предвзятые идеи могут быть разрушены результатами одного сезона работы лопатой на каком-нибудь древнем участке; И был бы смельчаком тот, кто решился бы сегодня назвать "иллюзорным" поиск "точек твердой истины" в старых легендах или утверждать, что "элементы фактов, если таковые имеются", неотделимы от массы романтических выдумок, в которые они вплетены. Работа, конечно, ни в коем случае не завершена; очень вероятно, что она едва ли более чем хорошо начата; но уже темная пропасть времени, лежащая за дорийским завоеванием, начинает давать неоспоримые свидетельства великой, и великолепно, и почти невероятно древней цивилизации, которая ни по своей древности, ни по своим фактическим достижениям не имеет никаких причин уклоняться от сравнения с великими историческими цивилизациями Месопотамии или долины Нила; И хотя процесс отделения исторического ядра легенд от их чисто мифических и романтических элементов еще не может быть предпринят с какой-либо степенью уверенности, становится все более очевидным не только то, что во многих случаях такое ядро существовало, но и то, каковы были некоторые исторические элементы, вокруг которых поэтическая фантазия более поздних времен набросила причудливые обертки героических сказаний, какими мы их знаем. Пока невозможно установить реальные личности героев доисторической Греции: вероятно, это никогда не станет возможным, если только в еще не переведенной критской письменности не появятся записи более древнего Геродота, а новый Шампольон не расшифрует их; но вряд ли можно сомневаться, что подлинные мужчины и женщины эгейского происхождения исполняли роли в этих древних романах и что чудесная история их деяний, по крайней мере частично, является записью реальных достижений.

В этом удивительном воскрешении прошлого наиболее важную и убедительную роль сыграли свидетельства с Крита. Открытия, сделанные в последней четверти XIX века Шлиманом и его последователями в Микенце, Тирине, Орхоменосе и других местах, были весьма убедительными в отношении существования в прошлом цивилизации, вполне равной и, по всей вероятности, первоначальной той, что описана в гомеровских поэмах; Но только после того, как в 1900 году и в последующие годы стали открываться сокровища Кносса и Фестоса, стало ясно, что то, что известно как микенская цивилизация, само по себе было лишь упадком гораздо более богатой и полной культуры, чей источник и чья главная сфера развития находились на Крите. И именно на Крите исследования и открытия привели к наиболее ярким иллюстрациям многих утверждений в легендах и преданиях, и сделали практически уверенным, что многое из того, что раньше считалось просто романтической басней, представляет собой, конечно, со многими приукрашиваниями фантазии, значительную часть исторического факта.

Поэтому наша первая задача - собрать воедино основные черты того, что древние легенды Греции рассказывали о Крите и его жителях, а также об их отношениях с остальным эгейским миром. Положение Крита - "дом на полпути между тремя континентами, омываемый великим Ливийским мысом и связанный меньшими островными ступенями с Пелопоннесом и материковой частью Анатолии" - указывает на то, что он был задуман природой как центр развития культуры ранней эгейской расы, и, по сути, древние традиции единодушно указывали на этот великий остров как на место рождения греческой цивилизации. Самая амбициозная традиция смело перешагнула границы человеческого обитания и отвела самому божееству место для воспитания в горных массивах Крита. Это многоликое божество, верховный бог греческой теологии, в одном из своих аспектов имело особую связь с островом. Великий сын Кроноса и Реи, которому протиеестественный отец угрожал той же участью, что и его братьям, был, как говорят, спасен своей матерью, подменившей его камнем, который ее ничего не подозревающий супруг съел, приняв за своего сына. Рея бежала на Крит, чтобы родить своего сына в Идейской или Диктейской пещере, где его вскормила медом и козьим молоком нимфа Амалтея, пока не пришло время отомстить отцу. (Было высказано предположение, что в этой несколько гротескной легенде мы имеем параболическое представление об одном из величайших религиозных фактов того древнего мира - вытеснении новой антропоморфной верой более древнего культа, объектами поклонения которого, сделанными без рук и лишенными человеческого подобия, были священные камни или деревья. Кронос, представитель старой веры, цеплялся за свой священный камень, в то время как рождался новый человеческий Бог, перед поклонением которому должен был исчезнуть древний культ столба и дерева).

В Диктейской пещере Зевс, достигший зрелости, соединился с Европой, дочерью человека, в священном браке, от которого произошел Минос, великая легендарная фигура Крита. И на Крит островной бог вернулся, чтобы завершить свою божественную жизнь. Первобытная легенда утверждала, что его гробница находится на горе Юктас, коническом холме, с которого открывается вид на руины города Миноса, его сына, друга и жреца. Именно это удивительное притязание критян на обладание местом погребения верховного бога Эллады впервые прикрепило к ним незавидную репутацию лжецов, которая цеплялась за них на протяжении всего классического периода и была кристаллизована Каллимахом в форме, принятой Святым Павлом в Послании к Титу - "критяне всегда лжецы".

Именно вокруг Миноса, сына Зевса и Европы, собрана основная часть критских легенд. С большой долей вероятности было высказано предположение, что имя Минос - это не столько имя одного человека, сколько титул целого рода царей. "Я подозреваю, - говорит профессор

Мюррей, - что Минос был именем, подобно "фараону" или "Сезарю", данным всем критским царям определенного типа". Однако сейчас нам не стоит беспокоиться об этом, кроме как заметить, что носитель этого имени появляется в легендах во многих различных образах, едва ли согласующихся друг с другом или с тем, что он был одним человеком. Согласно истории, Минос - не только сын, но и "сплетник" Зевса; он, как и Авраам, "друг Бога". Он получает из рук Бога, подобно другому Моисею, свод законов, который становится основой всего последующего законодательства; он часто и привычно общается с Богом, а раз в девять лет поднимается в диктейскую пещеру Быка-Бога, чтобы "поговорить с Зевсом", получить новые заповеди и дать отчет о своем правлении за прошедший период. Наконец, в конце жизни его переносят в подземный мир, и великий человеческий законодатель становится судьей мертвых в Аиде.

Это одна сторона легенды о Миносе, возможно, самая древняя; но наряду с ней существует и другая группа историй совершенно иного характера, настолько иного, что это дает основания предполагать, что мы имеем дело не с отдельным Миносом, который первым дал этому имени распространение, а с преемником или преемниками в том же звании. Минос, наиболее знакомый нам по греческим сказаниям, - это не столько законодатель и жрец бога, сколько великий морской царь и тиран, владыка Эгейского моря, чья месть была побеждена храбростью афинского героя Тесея. С этой точки зрения Минос был первым из людей, кто осознал важность морской мощи и использовал ее для установления господства своего островного царства. Первым человеком, о котором мы знаем, что он создал флот, - говорит Фукидид, - был Минос. Он стал хозяином того, что сейчас называется Эллинским морем, и правил Кикладами, в большинство из которых он отправил первые колонии, изгнав карийцев и назначив губернаторами своих собственных сыновей; таким образом он сделал все возможное, чтобы подавить пиратство в этих водах, что было необходимым шагом для обеспечения доходов для собственного использования". Для Геродота Минос, хотя и явно теневая фигура, является первым великим талассократом. "Поликрат - первый из греков, о котором мы знаем, кто задумал стать хозяином моря, кроме Миноса Кносского". Но доказательства существования этого раннего морского царя и его власти опираются на более надежные основания, чем туманные предания, записанные двумя великими историками. Власть Миноса оставила свой неизгладимый след в местах, которые были названы его именем. Каждый из Миносов, которые так часто появляются на побережье Средиземного моря, от Сицилии на западе до Газы на востоке, отмечает место, где царь или цари, носившие имя Миноса, когда-то держали гарнизон или торговую стоянку, и их количество показывает, насколько широкой была власть критских морских царей.

Но великий царь отнюдь не был столь удачлив в своих внутренних отношениях, как в своих внешних приключениях. Домашним скелетом в его деле было составное чудовище Минотавр, наполовину человек, наполовину бык, по легенде, ставший плодом чудовищной страсти жены царя, Пасифаи. Это чудовище держали взаперти в огромном и запутанном здании под названием Лабиринт, созданном для Миноса его знаменитым искусником Дейдалом. Далее, когда его собственный сын Андрогей отправился в Афины на Панафинейские игры, победив в них всех остальных греков, он стал жертвой подозрений афинского царя Эгея, который убил его, либо подстерегнув на дороге в Фивы, либо послав против марафонского быка. В печали и праведном гневе Минос, уже завоевавший Мегару благодаря вероломству Сциллы, собрал большой флот и начал войну с Афинами; опустошив Аттику огнем и мечом, он довел ее до такого состояния, что царь Эгей и его афиняне с радостью согласились на тяжелые условия, которые от них потребовали. Минос потребовал, чтобы каждые девять лет Афины присылали ему в качестве дани семь юношей и семь девиц. Они были выбраны по жребию, или, согласно другой версии легенды, выбраны самим

Миномом, и по прибытии на Крит были брошены в Лабиринт, чтобы стать добычей чудовищного Минотавра.

Первая и вторая части этой ужасной дани уже были выплачены, но когда приблизилось время третьей дани, в лице героя Тесея явился predetermined избавитель Афин. Тесей был непризнанным сыном царя Эгея и принцессы Аитры из Трезена. Он воспитывался матерью в Трезене, а по достижении зрелого возраста отправился ко двору Эгея и добился признания себя законным сыном афинского царя. Легенда рассказывает, что по пути в Афины он очистил земли, через которые пролегал его путь, от вредителей, которые их населяли. С Синнисом, сгибателем сосен, который привязывал свои несчастные жертвы к верхушкам двух сосен, наклоненных друг к другу, а затем позволял деревьям отпружинить назад, молодой герой расправился так же, как и с другими; Керкуон, борец, был убит им в борцовском поединке; Прокруст, который заманивал в свой дом путешественников и устраивал их на своем ложе, растягивая на дыбе низкорослых и отрубая конечности слишком высоким, получил свою меру; и другие язвы общества были утихомирены молодым героем. Вскоре после его прибытия в Афины и признания его отцом наступило время, когда минойские глашатаи должны были прибыть в Афины, чтобы потребовать жертвы для Минотавра. Видя царившее в городе горе и гнев людей на своего отца Эгея, которого они считали причиной своего несчастья, Тесей решил, что, если возможно, он положит конец этому унижению и несчастью, и предложил себя в качестве одного из семи юношей, которые должны были быть посвящены Минотавру. Эгей не хотел расставаться со своим вновь обретенным сыном, но в конце концов согласился на эту затею, и было решено, что если Тесею удастся победить Минотавра и вернуть своих товарищей в целостности и сохранности, он должен поднять на возвращающейся галере белых парусов вместо черных, которые она всегда несла в знак своей печальной миссии.

И вот печальный корабль пришел в гавань в бухте под широким Кноссом, где царствовал Минос, и когда царь осмотрел своих пленников, их бросили в темницу, чтобы они ожидали своей страшной участи. Но прекрасная Ариадна, дочь Миноса, заметила Тесея, когда он стоял перед царем, и в ее сердце вспыхнула любовь к нему и жалость при мысли о его судьбе; И вот ночью она пришла к нему в темницу и, не сумев убедить его спастись бегством, потому что он поклялся убить Минотавра и спасти своих товарищей, дала ему нить, по которой он мог бы проследить свой путь по всем темным и извилистым ходам Лабиринта, и меч, которым он мог бы сразить Минотавра, когда встретит его. И вот Тесей увел стражники и ввели в Лабиринт, чтобы он встретил свою судьбу; и он пошел дальше, а подсказка, которую он прикрепил к руке, разматывалась по мере того, как он проходил проход за проходом, пока наконец не встретил страшное чудовище; и там, в глубине Лабиринта, Минотавр, убивший столько людей, был убит сам. Тогда Тесей и его спутники спаслись, взяв с собой Ариадну, сели на свой черный корабль и снова отправились в Афины; высадившись на острове Наксос, Ариадна стала женой героя. Но она так и не приплыла с Тесеем в Афины, а была либо покинута им на Наксосе, либо, как говорят некоторые, отнята у него там силой. Так, без нее, Тесей снова отплыл в Афины. Но в волнении от надежды вновь увидеть родной дом, на который, как считалось, они смотрели в последний раз, он и его спутники забыли поднять белый парус, и старый Эгей, изо дня в день напрягая глаза на Суниуме в поисках возвращающегося корабля, увидел, что он, как он и боялся, вернулся чернокрылым; в горести он упал или бросился в море и умер, и поэтому море до сих пор называется Эгейским. Другая традиция, записанная поэтом Вакхилидом, рассказывает о том, как Тесей по вызову Миноса спустился во дворец Амфитриты под воду и принес с собой кольцо, "блеск золота", которое царь бросил в глубину.

Так гласит великая история, связывающая Миноса и Крит с любимым героем Афин. Но другие легенды, не столь известные и не столь романтичные, продолжают историю великого критского царя до плачевного конца. Дейдал, его знаменитый искусник, тоже был афинянином, причем самым хитрым из всех людей. Ему приписывают изобретение отвеса и шнека, клина и уровня; именно он впервые установил мачты на кораблях и закрепил на них паруса. Но, убив из ревности своего племянника Пердикса, который обещал превзойти его в мастерстве, он был вынужден бежать из Афин, и так попал ко двору Миноса. Для критского царя он выполнил множество чудесных работ, построив для него Лабиринт и Хорос, или танцплощадку, которую, как рассказывает Гомер, он "соорудил в широком Кноссе для прекрасной Ариадны". Но за его участие в великом преступлении Пасифаи Минос возненавидел его и заточил в Лабиринте, который сам же и создал. Тогда Дедал сделал крылья для себя и своего сына Икара, скрепил их воском, и они вместе вылетели из своей темницы высоко над преследованием царского флота. Но Икар подлетел слишком близко к солнцу, воск, скреплявший его крылья, растаял, и он упал в море. Так Дейдал в одиночку благополучно добрался до Сицилии и был радушно принят царем Камикоса Кокалосом, для которого, как и для Миноса, он совершил множество чудесных дел. Тогда Минос, все еще жаждущий мести, отплыл со своим флотом в Камикос, чтобы потребовать выдачи Дедала; и Кокалос, выразив готовность выдать беглеца, принял Миноса с видимым дружелюбием и приказал приготовить баню для своего царственного гостя. Но три дочери сицилийского царя, желая защитить Дедала, утопили критянина в ванне, и он погиб. Многие из тех, кто плыл с ним, остались в Сицилии и основали там город, который называли Миноа в память об убитом короле.

(1) РАМПА, ТРОЙ, ВТОРОЙ ГОРОД (стр. 38)

(2) Круговые могилы, Микен (стр. 43)

Геродот сохранил для нас еще один отголосок истории о Миносе в виде причин, побудивших критян отказаться в помощи остальным грекам во время персидского нашествия. Дельфийский оракул, к которому они обратились в этот кризисный момент, внушил им, что они уже достаточно насмотрелись на страдания, причиняемые иноземными экспедициями. Глупцы, вы жалуетесь на все беды, которые Минос в своем гневе послал вам за помощь Менелаю, потому что они не помогли вам отомстить за его смерть при Камикосе, и все же вы помогли им отомстить за женщину, унесенную из Спарты варваром". В комментарии к этому изречению Геродот приводит объяснение, которое дали ему жители Прэсоса на Крите. После смерти Миноса критяне с огромной армией вторглись в Сицилию и в течение пяти лет безрезультатно осаждали Камикос, но, оказавшись не в состоянии продолжать осаду и будучи вытесненными на берег Италии во время отступления, основали там город Гирию. Опустевший Крит был вновь заселен другими племенами, "особенно греками"; и в третьем поколении после смерти Миноса новые критяне отправили отряд на помощь Агамемнону в Троянской войне, в наказание за что на них обрушились голод и мор, и остров обезлюдел во второй раз, так что критяне времен персидского нашествия - третья раса, населяющая остров. В этой традиции мы можем увидеть искаженное отражение различных превратностей, которые, как мы увидим позже, постигли минойское царство, и вторжений, которые после падения Кносса постепенно изменили характер населения острова.

Таковы наиболее известные легенды и предания, связанные с доисторическим Критом. Некоторые из них, затрагивающие личность Миноса и его отношения с Зевсом, имеют свое собственное значение в связи с тем немногим, что известно о минойской религии, и будут рассмотрены позже с этой точки зрения. Знаменитая история о Тесее и Минотавре, хотя она тоже может иметь отношение к религиозным представлениям, связанным с именем Миноса, на первый взгляд кажется полностью царством чистой романтики. Однако убежденность в его реальности была очень сильна среди афинян и выражалась в церемонии, которая

сохранилась до позднего периода афинской истории. Корабль, на котором Тесей, как говорят, совершил свое путешествие, сохранялся с величайшей бережностью по крайней мере до начала III века до н. э., его бревна постоянно "так скреплялись и обрамлялись новыми прочными досками, что служили примером для философов в их спорах о тождестве вещей, которые изменяются в процессе роста: одни утверждали, что это то же самое, а другие - что нет". Именно эта галера, или судно, которое, по преданию, было галерой Тесея, ежегодно отправлялась из Афин на Делос с торжественными жертвоприношениями и специально назначенными посланниками. Одно из ее плаваний навсегда запомнилось тем, что смерть Сократа была отложена на тридцать дней из-за отсутствия галеры; ибо так велико было почтение к этой ежегодной церемонии, что во время ее плавания город был обязан воздерживаться от всех действий, связанных с общественной нечистотой, так что нельзя было предавать осужденного смерти до возвращения галеры. Сам факт существования такого предания, как предание о галере, по крайней мере, является предположительным доказательством того, что за столь устойчивым верованием лежит некая историческая основа, как бы ни была дополнена и украшена сверхъестественными деталями эта история позднейшим воображением; И трудно понять, как Гроте, на пороге рассказа об убеждениях афинян относительно корабля и их торжественном жертвоприношении, должен был сделать паузу, чтобы подтвердить свое неверие в существование исторических оснований для главной особенности легенды - дани человеческими жертвами, которую Афины платили Криту.

СТЕНА ШЕСТОГО ГОРОДА, ТРОЯ (стр. 41)

Более поздние афинские писатели рационалистического толка попытались низвести благородную старую легенду до уровня обыденности, превратив Минотавра в простого полководца или знаменитого атлета по имени Тавр, которого Тесей победил на Крите. Но рационалистическая версия никогда не находила особого отклика, и афинский гончар всегда был уверен в том, что его вазы с изображениями быкоголового Минотавра, падающего от меча национального героя, найдут рынок. Не более удачной оказалась и попытка германцев превратить историю о Миносе и Минотавре, Лабиринте и Пасифае в неуклюжий солярный миф. Вся легенда о Минотавре, согласно этой теории, была связана с поклонением небесному воинству. Минотавр был Солнцем; Пасифая, "очень яркая", жена

Миноса, - Луной; а Лабиринт - башней, по стенам которой астрономы того времени отслеживали странствия небесных тел, "образом звездного неба с его бесконечно извилистыми путями, по которым, тем не менее, так уверенно движутся Солнце и Луна". Среди рационалистических объяснений это, несомненно, должно держать пальму первенства по громоздкости и сложности, и мы можем быть благодарны, что лопата исследователя разрушила его вместе с другими теориями и вернула нам, как мы увидим, хотя бы элементы романтики, столь дорогой афинской публике.

ГЛАВА II

ГОМЕРОВСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Между Грецией таких легенд, как те, что мы рассматривали, и Грецией самого раннего исторического периода всегда лежала огромная пропасть тьмы. С одной стороны - страна сказочных царей, героев и чудовищ, сказочных дворцов и городов; с другой - Греция, какой мы ее знаем в младенчестве. Греция в том виде, в каком мы ее знаем, на ранней стадии своего развития, с совершенно иным состоянием общества, совершенно иной организацией и культурой; а в промежутке никто не может сказать, сколько поколений, относительно которых, их условий и развития, было лишь пустое неведение. Поэтому казалось, что чудесная ткань греческой цивилизации, какой мы ее знаем, действительно была чем-то беспримерным, почти сразу же поднявшимся из ничего к своему великолепию, как стены Илиума, по легенде, поднялись под руками их божественных строителей. Действительно, определенная часть студентов, казалось, скорее превозносила факт этой кажущейся изолированности греческой культуры и считала не более чем профанацией поиск каких-либо предшествующих источников для нее. 'Отталкивание греческого от уже существовавших профанных культур было выпячено ревностными эллинистами в терминах, которые подразумевали, что они считают это не более чем нечестием. Не допуская никаких более земных причин, чем смутные местные влияния воздуха и света, гор и морей, они хотели бы, чтобы эллинизм появился на свет чудом рождения, подобно собственной Афине из головы Зевса"[*] Но великая цивилизация никогда не может быть объяснена таким чудесным образом. Истоки даже египетской культуры начали поддаваться терпеливому исследованию, и нельзя верить, что греческая нация родилась в один день и получила свое великое наследство, или что она ничего не взяла от более ранних эпох и рас.

[Сноска *: D. G. Hogarth, "Ionia and the East", p. 21].

Действительно, высший памятник бесподобной литературы Эллады свидетельствует о том, что до начала греческой истории на греческой земле существовала цивилизация очень высокого типа, отличающаяся от той, что пришла ей на смену, а в некоторых отношениях даже превосходящая ее, но явно отказывающаяся быть оставленной без внимания при любой попытке описать зарождение греческой культуры. Гомеровские поэмы сияли как свет маяка через темную пропасть, отделявшую Элладу мифа от Эллады истории, свидетельствуя о великолепии, которое было до наступления тьмы, и пророчествуя о великолепии, которое должно быть, когда тьма пройдет. Но сам блеск их картин и великолепие общества, с которым они имели дело, только усложняли вопрос и подчеркивали трудность выведения культуры исторической Греции путем законного происхождения из прошлого, которое, казалось, не имело с ним ни связи, ни общности характера. Ведь гомеровская цивилизация не была другой стадией развития той самой цивилизации, которая появляется, когда перед нами предстают первые зачатки того, что мы привыкли называть эллинизмом; она была совершенно иной, во многих отношениях более сложной и более великолепной.

Начиная с VIII века мы находимся на достаточно безопасной почве, когда имеем дело с историей Эллады и ее культурой. Мы знаем кое-что о фактах ее истории, литературной и политической. Хроники важнейших городов известны с определенностью, вполне сопоставимой с той, которую мы могли бы ожидать на таком этапе развития. Но гомеровские поэмы уводят нас от всего этого в мир, в котором царит совершенно иное положение вещей. Сама география не соответствует историческому эллинскому периоду. Знакомые нам названия главных греческих городов-государств имеют сравнительно небольшое значение в гомеровском мире; Афины упоминаются, но не слишком часто; Коринф - всего лишь зависимость от соседней Микены; Спарта занимает лишь место среди других городов Лаконии; Дельфы и Олимпия еще не заняли того места, которое они впоследствии займут в качестве религиозных центров в исторический период. Главные города Эллады - Микены, Тиринс и Орхомен. Крит, хотя его вожди, Идомей и Мерионес, занимают лишь второстепенное место среди героев "Илиады", очевидно, является одной из важнейших греческих земель. Она посылает восемьдесят кораблей ахейскому флоту под Троию, она описана и в "Илиаде", и в "Одиссее" как очень густонаселенная (сто городов, "Илиада" II.; девяносто городов, "Одиссея" XIX.), и только к ее столице, Кноссу, среди греческих городов Гомер применяет эпитет "великий". Все это составляет поразительный контраст со сравнительной незначительностью городов Аргολиды в поздней греческой истории и с той незначительной ролью, которую сыграл Крит.

Таким образом, центры власти в гомеровском повествовании значительно отличаются от центров власти в исторический период. То же самое расхождение с более поздними реалиями проявляется, когда мы рассматриваем социальную организацию, о которой идет речь в "Илиаде" и "Одиссее". Гомеровское состояние общества в некоторых отношениях достаточно грубое. Пиратство, например, признается если не похвальным, то уж во всяком случае вполне обычным способом добывания средств к существованию. Кто ты такой?" - спрашивает Нестор у Телемаха. Откуда ты пришел? Занимаешься ли ты торговлей или странствуешь в поисках приключений, как морские разбойники, которые, рискуя жизнью, навлекают беду на чужеземцев? Тот же вопрос задает Одиссею Полифем, и, очевидно, это было первое, о чем думали, когда встречали морского чужеземца. Как и среди горцев и бордеров Шотландии, угон скота рассматривался как вполне уважаемая форма работы, а украденный скот считался вполне подходящим подарком для будущего жениха, который он должен был преподнести своему тестю. Власть сильной руки в большинстве случаев была верховной, и права племени или города уважали скорее из-за способности его мужчин защитить их, чем из-за каких-либо моральных обязательств. Мы разграбим для тебя город", - говорит Менелай Телемаху, чтобы побудить его поселиться в Лаконии.

Вместе с этой примитивной грубостью приходит, с другой стороны, ярко выраженная аристократическая конституция общества. Великие вожди и предводители, длинноволосые ахейцы, совершенно отделены от простого народа не только по рангу, но и по расовому признаку. Они представляют собой высшую касту и другую породу. Даже своему царю они подчиняются не более чем номинально, и он должен быть очень осторожен, чтобы не оскорбить их восприимчивость или не ранить их чувство собственной важности, в то время как их отношение к нижестоящим общинам достаточно пренебрежительное. Хотя общинников иногда созывают на Совет, их функция там просто пассивная; их призывают выслушать решение и одобрить его, если они того пожелают, но ни в коем случае у них нет альтернативы принять его, даже если они не согласны. В целом превосходство ахейской знати и надменность, с которой они себя держат, заставляют предположить, что они занимают положение не племенных вождей, управляющих единоплеменниками, а

отдельной и завоевательной расы, которая властвует над побежденными и пользуется их услугами, во многом подобно норманнскому владычеству в Сицилии.

Все это в достаточной степени отличается от положения вещей в исторический период. Перед нами не неразвитое состояние того же общества; это совершенно иная социальная организация. Что касается положения женщины, то здесь факты еще более примечательны, ведь если гомеровская картина верна, то историческая Эллада, вместо того чтобы представлять собой прогресс по сравнению с доисторической эпохой, является явным регрессом. В гомеровских поэмах женщина занимает положение, не только важное, но даже во многом сравнимое с тем, которое она занимает в современной жизни. Она не укрыта от посторонних глаз и не находится на заднем плане, как в более позднем эллинском обществе; напротив, она свободно общается с представителями другого пола наедине и на публике и неизменно изображается как оказывающая очень сильное и, как правило, благотворное влияние. Сами имена Андромахи, Пенелопы, Наусикаа служат образцами всего самого чистого и прекрасного в женской жизни. Тот факт, что жену покупают с помощью подарков, не мешает тому уважению, с которым к ней относятся, и тому почтению, которое уделяется ее правам. Контраст между этим положением вещей и тем, что преобладает в позднем греческом обществе, достаточно заметен, чтобы сделать комментарии излишними.

Но, пожалуй, самой яркой особенностью обстановки гомеровского повествования является тип материальной цивилизации, описанный в поэмах. Перед нами предстает общество, отнюдь не находящееся на примитивной стадии развития, а, напротив, далеко продвинувшееся в мирных искусствах и способное на самые высокие достижения в искусстве и архитектуре. Можно кратко остановиться на некоторых доказательствах его продвинутой. В спорный вопрос о гомеровском дворце, его форме и обозначенных в нем условиях жизни нет необходимости вступать, поскольку в том, что касается нашей непосредственной цели, вопросов нет вообще. Гомеровский дворец, подробно описанный, по крайней мере, в трех случаях, представляет собой здание не просто большое и просторное, но и несколько внушительное по великолепию. Дворец Алкиноя, например, представляется нам сверкающим в блеске солнца и луны, со стенами из бронзы, фризом из *куаноса* (синего стекла), золотыми дверями, с перемычками и дверными косяками из серебра, а подходы к нему охраняют собаки, выкованные из серебра. Все это напоминает скорее описание одного из огромных египетских храмов Восемнадцатой или Девятнадцатой династии, чем то, что можно было бы представить как дворец островного вождя. Дворцы Приама в Трое и Одиссея на Итаке, менее великолепно украшенные в деталях, не менее величественны, и даже обитель Менелая в сравнительно незначительной Спарте описывается как "сверкающая золотом, янтарем, серебром и слоновой костью". Мелкое убранство этих великолепных домов соответствует их структурному великолепию. Большие сосуды из золота, серебра и бронзы находятся в общем пользовании, богато окрашенные и вытканые одежды вождей, их жен и дочерей хранятся в сундуках, великолепно украшенных и инкрустированных, а украшения женщин состоят из дорогих и красивых тканей из золота и серебра. В нравах и обычаях обитателей этих величественных домов присутствует некая патриархальная простота. Принцесса Наусикаа, дочь царя Алкиноя, проводит семейную стирку как обычную и ожидаемую часть своей работы, а сами великие вожди - люди руки не только на поле боя, но и в мирных трудах. Одиссей - умелый пахарь, плотник и корабельщик, а также хороший воин. Но простота - это отнюдь не грубость, это высокоразвитый кодекс манер и даже значительная утонченность. Грубияны вроде женихов Пенелопы могут в полубезумном гневе швырнуть в объект своего презрения мебель или бычье копыто; но грубияны есть в любом обществе, а манеры ахейцев в целом величественны и достойны.

На поле боя все еще сохраняются свидетельства развитой стадии цивилизации. Вопрос о снаряжении гомеровских героев вызывает, пожалуй, еще больше споров, чем вопрос о гомеровском доме. Бесконечные усилия были потрачены на то, чтобы показать, с одной стороны, что снаряжение, которое носили герои "Илиады", было более древнего типа и состояло в основном из большого щита из бычьей шкуры, достаточно большого, чтобы покрыть все тело, за которым воин приседал, В качестве защитных доспехов он носил не более чем льняной корсет, кожаную шапочку и гетры, а с другой стороны, герой носил практически полную экипировку позднего эллинского гоплита: маленький круглый щит, бронзовый шлем, металлический кирасу, пояс и поножи; В то время как вопрос о том, было ли наступательное оружие железным или бронзовым, обсуждается с не меньшим упорством. Обсуждение таких деталей выходит за рамки нашей цели, достаточно сказать, что поэмы, похоже, рассматривают обе формы оборонительного снаряжения, старую форму большого щита и легкого доспеха, и более позднюю форму малого щита и металлического панциря, как общеупотребительные, а что касается вопроса о железе и бронзе, свидетельства, похоже, указывают на то, что эпоха, рассматриваемая в большинстве упоминаний, в основном бронзовая, хотя знание о превосходстве железа начинает становиться очевидным.

Но для нашей цели важно то, с каким великолепием ковалось и украшалось оружие эллинских героев, если оно было металлическим. Полированные шлемы с плюмажами из конского волоса разных цветов, кованые нагрудники и поножи с серебряными креплениями - это не только оружие, но и произведения искусства. Высшим образцом, конечно, являются доспехи Ахилла, изготовленные, по словам поэта, руками Гефеста, но от этого не перестающие считаться идеалом того, какими должны быть высокохудожественные доспехи того времени. Щит Ахилла с его великолепными изображениями различных сцен мира и войны, кажется, почти превосходит возможности реальной работы с металлом в этот период; однако мы можем полагать, что поэт не просто опирался на свое воображение, а давал более полное представление о том, что он сам наблюдал в искусстве оружейника. В первую очередь следует обратить внимание на то, как он описывает метод, использованный Гефестом для создания своих эффектов - инкрустацию различных металлов для получения нужных цветов, например, в сцене виноградаря с его свисающими гроздьями пурпурного винограда, столбами, рвом и оградой. Мог ли поэт представить себе такое, если бы не был знаком с подобными изделиями оружейного искусства? Как мы увидим, именно такое использование инкрустации металла металлом, чтобы изобразить различные цвета различных фигур, характерно для работы искусного оружейника в микенский период.

Таковы, таким образом, некоторые из выдающихся черт состояния общества, описанного для нас в гомеровских поэмах. Они ставят нас лицом к лицу с цивилизацией, которая имеет очень четкие и ярко выраженные собственные характеристики. Это, конечно, не цивилизация самого раннего исторического периода Греции; политическая организация, относительная важность государств и городов, социальная жизнь, искусство и войны - все это отличается от того, что мы находим в исторической Элладе; во многих отношениях этот мир поэм находится на более высокой стадии развития, чем тот, который его сменил; но, безусловно, он другой. Теперь перед нами стоит важный вопрос: имеет ли этот поэтический мир "Илиады" и "Одиссеи" какую-либо фактическую основу, или же это всего лишь творение поэта или поэтов, ответственных за рассказы об Илиуме и Одиссее? Описывали ли они то, что видели сами, или то, что, по крайней мере, передавали им те, кто их видел, или же они рассказывали о вещах, которые никогда не существовали, кроме как в их собственном воображении?

Этот вопрос, конечно, совершенно отличен от вопроса о том, являются ли рассказываемые ими истории или романы. Истории о бегстве Елены, об осаде Трои, о гнев Ахилла, доблести Гектора и любви Андромахи, о странствиях многострадального Одиссея и испытаниях его верной жены Пенелопы могут быть фактами, а могут быть вымыслом, или, что более вероятно, они могут быть фактами, в значительной степени смешанными с вымыслом; но дело не в этом. Главное - среда, в которой разворачиваются эти истории, фон человеческой жизни и общества, на который они проецируются. Перед нами мир, поразительно реальный на вид и, если он реален, чрезвычайно интересный для нас, как представляющий то, что последующие эпохи знали или слышали по преданию о самых ранних этапах величайшей европейской цивилизации. Можем ли мы доверять этой картине или должны считать ее всего лишь сном о положении вещей, которое никогда не существовало в действительности? Поверить в то, что гомеровский мир - это исключительно плод поэтического воображения, мягко говоря, крайне сложно. Воображение может творить чудеса, но для этого ему необходимо иметь определенный материал в реальности, чтобы отталкиваться от него в своей работе. Если оно создает мир исключительно из собственного сознания, этот мир может быть чрезвычайно красив и великолепен, но очень маловероятно, что он будет иметь какое-либо сходство с реальной жизнью. Он будет либо смутным и тeneвым, либо настолько грандиозным и неземным в своем великолепии, что не будет иметь никакой связи с обычной земной жизнью. Но именно здесь реализм гомеровского мира поражает ученика. Он не расплывчат - напротив, точность его деталей почти столь же поразительна, а иногда почти столь же прозаична, как и детали, которые делают Робинзона Крузо самым реалистичным из всех произведений художественной литературы; и хотя его великолепие таково, что мы напрасно ищем в ранней исторической Греции, и уж точно не заимствовано у великих цивилизаций Месопотамии или долины Нила, оно таково, что мы вполне можем поверить в его существование, и что его можно прекрасно воспроизвести, хотя и в совершенно разных стилях, в Вавилонии или в Фивах.

Разве не более вероятно, что картина, столь точная в своих очертаниях, столь последовательная, столь мыслимая и возможная даже в своих самых великолепных деталях, должна была иметь за собой что-то, возможно, очень многое, из реально увиденного и известного, чем то, что она должна была быть просто миражом мечты поэта?

"Представленная нам картина гомеровских героев и их окружения, - говорит отец Браун, - не просто яркая и полная; она величественна, хотя с величием, которое является домашним и простым. Отсюда очарование, которое мы находим в предмете поэм, в отличие от самих поэм. Возможно, этот эффект объясняется искусством бардов, которые хорошо знали, как скрыть себя, чтобы еще больше очаровать слушателя. Но, отдавая должное силе искусства, разум еще не был удовлетворен. Мы уже говорили, что стихи, казалось, несли в себе собственное доказательство того, что они не являются чистым вымыслом, а содержат, по крайней мере, элемент объективной, возможно, традиционной правды. Это был прекрасный мир, о котором они рассказывали, и все же это был отдельный мир. Агамемнон в поле и Ахилл в своем шатре; Приам в своем дворце; Одиссей в своих странствиях; Алкиной со своими прислужниками и Арета с дочерью; Пенелопа и Телемах среди злых женихов, старый свинопас и верная кормилица; тени мертвых за потоками Океана - как могли барды описать все эти чудеса, если они не жили в своем собственном мире или хотя бы не получили знания о нем от своих непосредственных предшественников? Великолепные дворцы царей со стенами из бронзы, золотыми и серебряными водоемами и раковинами, резными ложами, креслами и пуфиками; и все сверкающие одежды, и скипетры с золотыми наконечниками, и мечи с золотыми рукоятками, и серебряные налокотники, и изделия из слоновой кости и янтаря, и инкрустированные металлы, и колесницы с железными осями и восемью спицами в колесе, и корабли с малиновыми щеками, и прекрасные девы, и изящество и грация среди

великолепия всего этого - почему мы должны упрямо отказываться верить, что эти барды знали больше нас, что они видели видение своим смертным глазом, прежде чем взяли в руки кисть, чтобы написать картину?[*]

[Сноска *: Н. Browne, 'Homeric Study,' pp. 242, 243].

Две линии доказательств, если дать им справедливый вес, казалось бы, указывают в одном направлении. С одной стороны, существовали легенды о доисторической эпохе героев, с их путешествиями, экспедициями и войнами, легенды, которыми изобиловала греческая литература, и которые, как бы неразрывно ни смешивались с фантазией, с деталями, очевидно чудовищными и невозможными, едва ли можно предположить, что они возникли без чего-то, что стояло бы за ними, чтобы объяснить их существование. С другой стороны, существовал этот странный, удивительный, реалистичный мир гомеровских поэм, уже не существующий, правда, даже на самой ранней стадии греческой истории, но почти абсолютно не допускающий, чтобы его отбрасывали как плод воображения. Так неужели нельзя было поверить, что в лоне великой пропасти, отделявшей Элладу легендарную от Эллады исторической, лежала цивилизация, реальная и некогда живая, от которой легенды и гомеровские картины сохранили лишь скудные уцелевшие руины и реликвии?

Железные ворота, Микен (стр. 42)

Здесь необходимо напомнить о двух важных фактах. Во-первых, общегреческая традиция утверждала, что до рождения исторической Греции наступил Темный век, вызванный приходом с севера грубых, использующих железо дорийских племен, которые обнаружили в захваченных ими землях цивилизацию бронзового века, гораздо более развитую, чем их собственная, и с помощью своего превосходного оружия завоевали и, по сути, уничтожили ее. И во-вторых, даже в великолепной картине, которую дают гомеровские поэмы тому периоду, о котором они повествуют, постоянно прослеживается тенденция считать этот период лишь упадочным и низшим наследником предшествовавшей ему цивилизации. Нет ничего более откровенного у Гомера, чем предположение, что люди эпохи, предшествовавшей Троянской войне, были более великими, сильными, мудрыми, лучшими

во всех отношениях, чем даже те герои, которые сражались на "звонящих равнинах ветреной Трои", даже если они были более великими, чем люди вырождающихся дней самого поэта. Не кажется ли нам, что нас подводят к выводу, что гомеровская цивилизация сама по себе является отображением вполне реального факта истории, картиной состояния вещей, которое было затоплено и сметено приходом дорийцев или наплывом диких северных племен, которые греки могли называть этим общим именем, но которое само по себе было лишь последней упадочной стадией предшествующей культуры, еще более великой и высокоразвитой - той, что была в легендарный период? Ответ на этот вопрос был получен самым удивительным и романтическим образом в результате археологических открытий последних сорока лет.

ГЛАВА III

ШЛИМАН И ЕГО РАБОТА

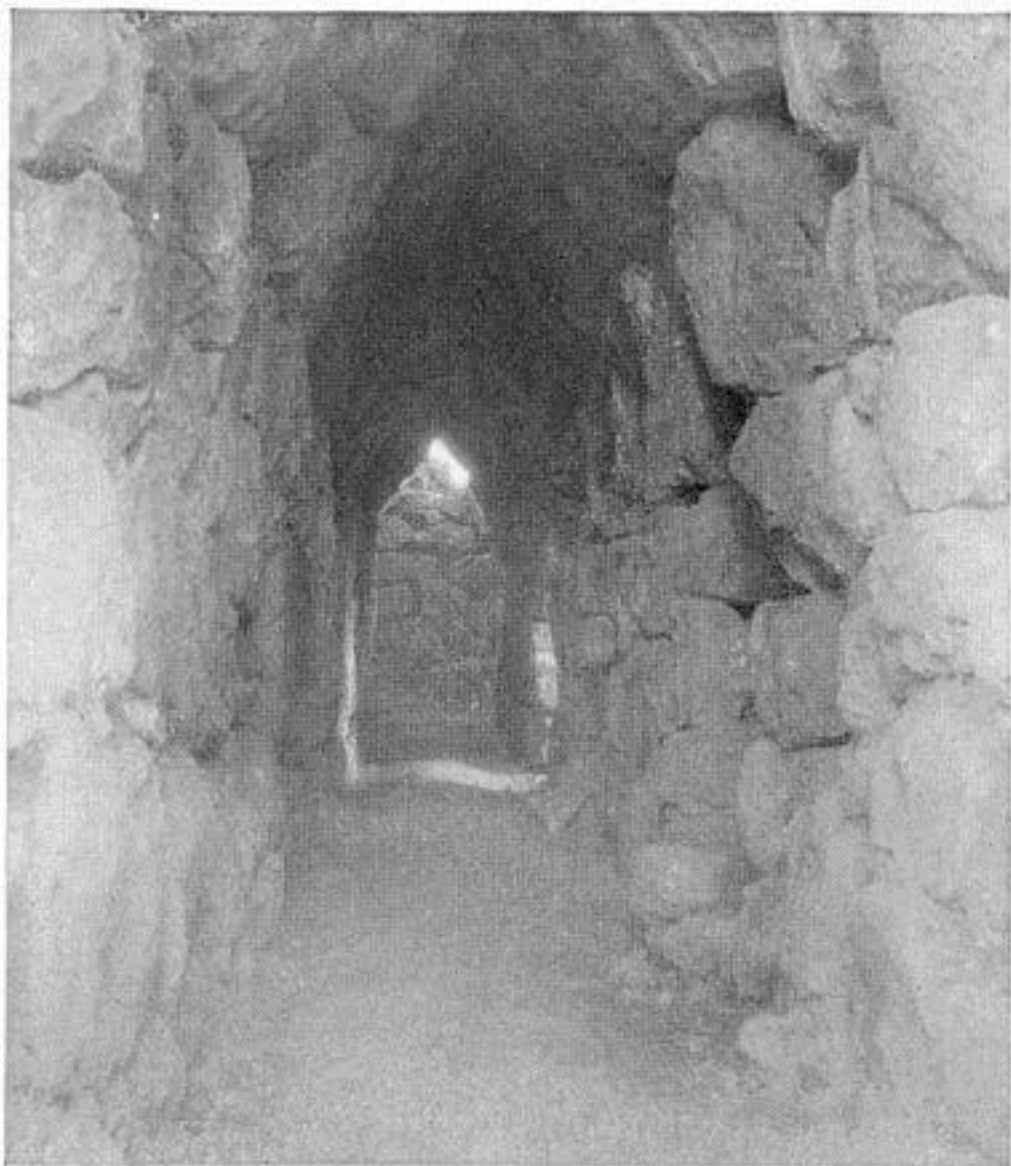
Человек, чьи труды должны были придать новый импульс изучению греческих истоков и стать началом открытия неизвестного мира древних дней, родился 6 января 1822 года в Ной-Букове в Мекленбурге-Шверине. Он был сыном священнослужителя, который сам питал глубокую любовь к великим сказаниям древности, а его сын рассказывал, как его отец часто и ярко пересказывал истории о разрушении Помпеи и Геркуланума и о Троянской войне. Когда Шлиману было всего семь лет, он получил в подарок детскую историю мира, в которой картина разрушения Трои и бегства Энея произвела глубокое впечатление на его юный ум и пробудила в нем страстное желание поехать и увидеть своими глазами то, что осталось от древнего великолепия Илиума. Он не мог поверить, что массивные укрепления Трои исчезли, не оставив следов своего существования. Когда отец признал, что стены когда-то были такими же огромными, как те, что изображены в его книге по истории, но утверждал, что они теперь полностью разрушены, он возразил: "Отец, если такие стены когда-то существовали, они не могут быть полностью разрушены; огромные руины их должны оставаться, но они скрыты под пылью веков". Уже тогда он решил, что когда-нибудь раскопает Трою.

Романтика ушедших дней и спрятанных сокровищ окружала мальчика с ранних лет и, несомненно, оказала свое влияние на его наклонности. Пруд, расположенный за садом его отца, имел легенду о деве, которая каждую полночь поднималась из его вод с серебряной чашей. В деревне был древний курган с историей о рыцаре-разбойнике, который похоронил там своего любимого ребенка в золотой колыбели; неподалеку находился старый замок Хеннинга фон Гольштейна, который, будучи осажден герцогом Мекленбургским, зарыл свои сокровища рядом с крепостью. На таких романтических легендах питалось юное воображение Шлимана. К десяти годам он написал на латыни сочинение о Троянской войне. Такие вещи, которые в другом случае могли бы показаться просто детскими предосторожностями, в нем были признаками увлечения античностью, которому суждено было стать главной страстью всей его жизни.

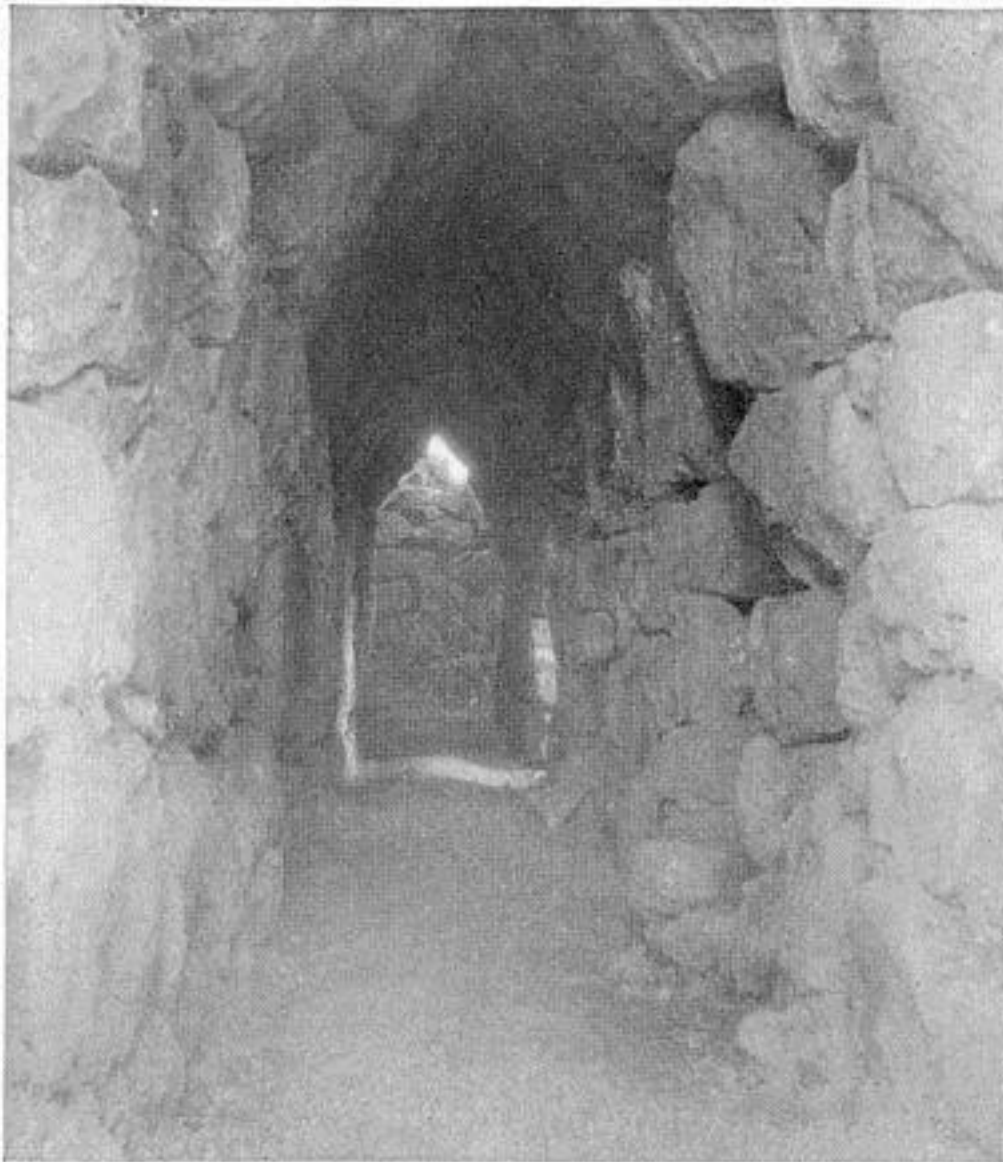
Однако начало его карьеры в мире было неромантичным до последней степени. Бедность отца заставила его отказаться от надежды на ученую жизнь, и в четырнадцать лет он поступил в подмастерья к мелкому бакалейщику в деревенской деревне, на работе у которого, безусловно, достаточно неблизкой для такого духа, он провел пять с половиной лет, продавая масло, селедку, картофельное бренди и тому подобное, а в свободные минуты занимаясь наведением порядка в маленькой лавке. Но даже в таких условиях его страсть к гомеровской истории находила достаточно причудливые средства для своего удовлетворения. Однажды вечером в лавку пришел мельник, который был хорошо

образован, но попал в бедные обстоятельства и пристрастился к выпивке, но даже в своей деградации не забыл Гомера. В тот вечер, - рассказывает Шлиман, - он прочел нам около сотни строк поэта, соблюдая ритмическую каденцию стихов. Хотя я не понимал ни слога, мелодичное звучание слов произвело на меня глубокое впечатление, и я плакал горькими слезами о своей несчастной судьбе. Я трижды заставил его повторить мне эти божественные стихи, вознаградив его труд тремя стаканами виски, которые я купил на те несколько пенсов, что составляли все мое состояние. С того момента я не переставал молить Бога, чтобы по Его милости я еще имел счастье выучить греческий язык".

Для того, чье сердце было наполнено такой страстью к учебе, никакие препятствия не могли оказаться непреодолимыми. Однако судьба в течение многих дней казалась неблагоприятной. Нездоровье заставило его эмигрировать в Венесуэлу, но его корабль потерпел крушение на голландском побережье, и он стал мальчиком на побегушках в одном из деловых домов Амстердама. Здесь за первый год службы ему удалось, выполняя поручения хозяина, выучить английский язык за первые шесть месяцев и французский за следующие, а также сохранить для интеллектуальных целей половину своего жалованья в 800 франков. Умственная подготовка первого года позволила ему гораздо быстрее выучить голландский, испанский, итальянский и португальский, причем каждый язык он осваивал за шесть недель. В 1846 году он был послан другой фирмой в качестве ее агента в Санкт-Петербург, где в следующем году основал собственный торговый дом, и с этого времени все пошло хорошо. Крымская война принесла ему возможности, которые он использовал с такой изобретательностью, что извлек из них значительную прибыль. К 1858 году он счел, что состояние, которое он заработал, достаточно для того, чтобы полностью посвятить себя археологии, и хотя исключительные обстоятельства вынудили его ненадолго вернуться к бизнесу, в 1863 году он окончательно порвал с ним и занялся делом, которое должно было занять всю его оставшуюся жизнь.

СТЕНА В СТЕНЕ, ТИРИНС (стр. [49](#))

Гробница пчелы (сокровищница Атрея), Микен (стр. 46)

Изучение греческого языка привело его к двум убеждениям, на которых основывалась вся его исследовательская работа. Во-первых, что древняя Троя находилась на месте, которое в классические времена называли Новым Илиумом, на холме Гиссарлык, недалеко от побережья Эгейского моря; во-вторых, что греческий путешественник Павсаний был прав, утверждая, что убитый Агамемнон и его родственники были похоронены в стенах Акрополя в Микенах, а не за его пределами. В обоих этих мнениях он шел вразрез с преобладающими взглядами своего времени. Обычно считалось, что если Троя и существовала когда-то, то искать ее нужно было не Гиссарлыке, а далеко в глубине страны, возле Бунарбаши; а авторитет Павсания в отношении могил Атрейдецов считался весьма ненадежным.

Шлиман решил проверить свои убеждения реальными раскопками. В апреле 1870 года он заложил первый дерн на раскопках в Гиссарлыке. Работа продолжалась с переменным успехом, но никогда не была блестящей, до 1873 года, когда его вера и постоянство наконец-то начали вознаграждаться. На юго-западе участка были открыты большие городские ворота, линии стены, уже частично раскрытые, стали проявляться все отчетливее, а совсем рядом с воротами было обнаружено знаменитое "Сокровище Приама", так называемое, значительное количество сосудов и украшений из золота и серебра, а также несколько

наконечников копий, топоров, кинжалов и кубков, выкованных из меди. По мере продвижения раскопок стало очевидно, что на этом древнем месте стоял не один, а множество городов. Первый город, обнаруженный, разумеется, на самом нижнем уровне раскопок, непосредственно над девственной почвой, относился к очень ранней стадии развития человечества. В его останках были найдены такие предметы, как каменные топоры и кремневые ножи, а также черная полированная керамика ручной работы, известная как "буккери", характерная для неолитических стоянок в Эгейском море, часто украшенная вырезанными узорами, которые заполнены белым меловым веществом. Слой обломков, относящийся к Первому городу, в среднем имеет глубину около 8 футов.

Над ним лежал слой почвы глубиной около 1 фута 9 дюймов, а затем, поверх большого слоя обломков, с помощью которого место было выровнено и расширено, появились стены Второго города. Здесь находились остатки укрепленных ворот, к которым вел вымощенный камнем пандус (Plate II. 1), и мощная стена из высушенного на солнце кирпича, опирающаяся на рубчатое каменное основание. Эта стена с выступающими башнями, очевидно, когда-то была оградой Акрополя; а внутри стены лежали остатки большого здания, которое, судя по всему, было домом или дворцом. Отдельные находки включали уже упомянутые большие сокровища и множество других предметов обихода и украшения, золотые заколки, браслеты, подвески для ушей, очень примитивный свинцовый идол женской формы и множество керамики, некоторые образцы которой относятся к классу ваз с длинными носиками, известных археологам как "шнабельканне", или "клюворылы". Над слоем Второго города лежали остатки не менее семи других поселений, более или менее четко обозначенных, заканчивающиеся в самом верхнем слое руинами римского Илиума с его мраморным храмом Афины.

Ворота и стены Второго города, тот факт, что он, несомненно, был уничтожен огнем, а также свидетельства богатства и художественного мастерства, представленные золотым кладом, показались доктору Шлиману решающим доказательством того, что это был Илион из гомеровских поэм. Сокровища были названы "Сокровищами Приама", самое большое здание - "Дворцом Приама", а ворота - "Скейскими воротами". Однако быстро выяснилось, что Второй город не может претендовать на гомеровские почести, а должен иметь еще более почтенную древность. Стиль, как городских зданий, так и найденных предметов, был слишком примитивным для гомеровского периода и указывал на гораздо более раннюю дату - вероятно, на тысячу лет раньше, чем Троянская война. Подозревали, что великое сокровище, чья искусная работа, казалось, опровергала этот вывод, каким-то образом опустилось во время раскопок с уровня Шестого города на уровень Второго, поскольку казалось невозможным, чтобы такая тонкая работа могла принадлежать к очень раннему периоду Сожженного города; но последующие открытия, особенно сделанные г-ном Сигером на маленьком островке Месса. Сигера на маленьком острове Мохлос у побережья Крита, позволили сравнить великолепия троянских сокровищ с работами, которые, несомненно, относятся к тому же раннему периоду, что и Второй город, так что точность Шлимана подтвердилась и в этом случае. Сама цитадель казалась слишком маленькой, чтобы занять то место, которое Троя занимает в описании Гомера, даже если допустить поэтическое преувеличение. В 1890 году, в год своей смерти, Шлиман был на пути к решению этой проблемы, а в 1892 году его коллега, профессор Дёрпфельд, окончательно доказал, что Шестой город, лежащий четырьмя пластами выше Трои Шлимана, и есть настоящий Илион великого эпоса. Шлиман пропустил его более широкий круг во время своих предыдущих раскопок из-за того, что в центре участка, где он работал, обломки были сровнены с землей римлянами, чтобы освободить место для зданий своего Нового Илиума. Керамика Шестого города была того типа, который в то время стал называться микенским,

судя по находкам на равнине Аргоса, а его массивная крепостная стена, ограждающая территорию, в два с половиной раза превышающую площадь Второго города, вполне заслуживает славы гомеровской Трои. Без особого риска ошибиться мы можем заключить, что перед нами на [плите III](#). та самая стена, с вершины которой Андромаха увидела труп доблестного Гектора, тащившегося за колесницей своего неумолимого врага. Однако сам факт того, что он в некоторой степени неверно истолковал свидетельства своих открытий, вряд ли можно назвать чем-то из ряда вон выходящим, что справедливо приписывается Шлиману. Если бы его пощадили еще на год или два, он не смог бы не завершить свою работу и доказать, как это сделал его коллега, что на месте, которое он с самого начала считал Троей, стоял большой и великолепно построенный город, который, несомненно, относится к периоду Троянской войны.

Работы в Трое, однако, не продолжались непрерывно с 1870 года до смерти Шлимана в 1890 году, и открытия, которые заняли несколько промежуточных лет, имели еще большее научное значение, хотя очарование романтики, связанное с именем Трои, привлекло, возможно, больше внимания к работам там. Спор с турецким правительством по поводу распоряжения "сокровищами Приама" привел к тому, что Порта поставила препятствия на пути возобновления работ на равнине Трои, и в июле 1876 года он приступил к раскопкам в Микенах, исторической столице царя людей Агамемнона, с целью доказать свою вторую теорию - захоронение Атрейдецов в акрополе Микен. Древняя цитадель Агамемнона стоит на равнине Аргоса, на изолированном холме высотой 912 футов. До того как Шлиман обратил на нее свое внимание, она уже была хорошо известна студентам-археологам по остаткам ее стен, особенно по великолепным Львиным воротам ([Plate IV.](#)) с их знаменитым рельефом священного столба, поддерживаемого двумя колоссальными львами, и по большим ульевым гробницам нижнего города - так называемым "сокровищницам". Но главное, что привлекло исследователя в Микены, - это не эти останки; это уже упоминавшееся заявление Павсания. Некоторые остатки крепостной стены, - говорит Павсаний, - еще можно увидеть, а также ворота со львами над ними. Говорят, их построили циклопы, которые делали стену в Тирине для Пройтоса". Среди руин в Микене есть фонтан, называемый Персеей, и несколько подземных зданий, принадлежавших Атрею и его детям, где хранились их сокровища. Здесь же находится гробница Атрея и тех, кого Агистос убил на пиру, когда они возвращались из Илиона вместе с Агамемноном..... Там же находится гробница Агамемнона и возницы Эвримедона, а также совместная гробница Теледамоса и Пелопса, детей-близнецов Кассандры, которых Агистос убил вместе с их родителями, когда они были еще совсем младенцами..... Клитемнестра и Агист были похоронены немного в стороне от стен, так как их не сочли достойными быть внутри, где лежал Агамемнон и те, кто пал вместе с ним".

Убедившись в правдивости этого утверждения, Шлиман, расчищая Львиные ворота и исследуя уже раскопанную гробницу, известную как Сокровищница Атрея, вырыл в стенах на расстоянии около 40 футов от Львиных ворот огромную яму площадью 113 футов. С необычайной удачей он попал именно в то место, которое искал, и даже почти точно соразмерил свою яму с площадью, на которой лежали сокровища. Уже через несколько дней раскопок стали попадаться вертикально расположенные каменные плиты, и вскоре было обнаружено полное двойное кольцо из каменных плит диаметром 87 футов ([Plate II. 2](#)). Первой мыслью Шлимана было, что он обнаружил Микенскую агору, "отполированный круг камней", на котором старейшины города заседали в совете, как их изобразил Гефест на щите Ахилла; но даже это открытие не удовлетворило его; он решил спуститься на нетронутую землю или скалу, и его настойчивость была вознаграждена.

Сначала взору предстал круглый алтарь и несколько стел из мягкого камня с грубой рельефной резьбой, которая, казалось, указывала на расположенные под ними захоронения и систему подношений мертвым или от их имени. На три фута ниже алтаря и на 23 фута ниже уровня поверхности показалась вершина первой из группы пяти вырубленных в скале могил. Могилы были прямоугольными, их глубина варьировалась от 10 до 16 футов, а размеры - от 9 на 10 футов до 16 на 22 фута. Они были тщательно выложены стеной из мелких карьерных камней и глины, а крыша покрыта шиферными плитами; но кровля разрушилась из-за гниения поддерживающих ее балок, и могилы были засыпаны землей и галькой. Среди обломков, принесенных обрушением крыш, лежали человеческие тела - одно в самой маленькой могиле, пять в самой большой и по три в каждой из остальных; вместе с ними был зарыт один из самых замечательных кладов, когда-либо встречавших взор первооткрывателя.

Из статьи "Дворец Миноса" Артура Дж. Эванса в журнале *"Monthly Review"*

Золото было в изобилии, из него выбивали маски для лиц умерших (возможно, чтобы защитить их от сглаза), головные повязки, нагрудные украшения, бляшки всех форм и размеров, из него делали браслеты, кольца, булавки, балдрики, рукояти кинжалов и мечей. Наряду с золотом здесь хранились изделия из слоновой кости, янтаря, серебра, бронзы и алебаstra. Только в одной могиле хранилось не менее шестидесяти мечей и кинжалов; В другой, где хоронили только женщин, было шесть диадем, пятнадцать подвесок, одиннадцать шейных змеевиков, восемь украшений для волос, десять золотых кузнечиков с золотыми цепочками, одна бабочка, четыре грифона, четыре льва, десять украшений, каждое из которых состояло из двух оленей, десять с изображениями двух львов, нападающих на быка, три прекрасных инталии, две пары золотых весов, пятьдесят одно чеканное украшение и более семисот украшений для пришивания к одежде! Несколько разрозненных предметов и шестое захоронение были найдены позже, но не доктором Шлиманом. В денежном выражении стоимость находок составила около четырех тысяч фунтов стерлингов!

Однако денежная стоимость была для Шлимана ничто по сравнению с мыслью о том, что он обнаружил настоящие могилы, которые видел Павсаний и в которых были похоронены Агамемнон и его спутники после трагической гибели от рук Агистоса и Клитемнестры. Его энтузиазму способствовали многие обстоятельства находки. Беспорядок, в котором были найдены тела, одно из них с раздавленной головой на груди, полузакрытый глаз одного из немых и другие признаки, казалось, указывали на поспешность погребения, которую можно было ожидать в случае с царем и его спутниками, которых постигла столь трагическая судьба. Соответственно, первооткрыватель объявил в своей знаменитой телеграмме царю эллинов и утверждал в своих работах, что он нашел Агамемнона и его семью. На какое-то время эта точка зрения и его восторженная пропаганда привлекли внимание публики; но постепенно стало очевидно, что беспорядок в могилах и состояние трупов объясняются не поспешным погребением, а обрушением крыш могил; было показано, что могильная мебель не относится полностью к одному периоду; а количество и пол погребенных не согласуются ни с легендой, ни с рассказом Павсания. Восхищение перешло в недоверие и даже в незаслуженные насмешки над исследователем-энтузиастом; но по прошествии времени критики стали менее склонны высмеивать горячую веру Шлимана, и теперь в основном признается, что хотя, возможно, гробницы и не принадлежат великому царю ахейцев и его друзьям, они, по крайней мере, те, которые долгое время считались таковыми по традиции, и которые Павсаний намеревался обозначить своими описаниями. В любом случае, вопрос о том, обнаружил ли исследователь тело одного мертвого царя или другого, имеет совершенно второстепенное значение. Найти Агамемнона было бы романтическим подвигом, полностью соответствующим складу ума Шлимана, и достойным венцом жизни, которая сама по себе была романтикой исследования. Но Шлиман совершил нечто бесконечно более важное, чем находка мертвого короля, пусть и царствовавшего более двух с половиной тысячелетий в величайшей поэме мира; он начал воскрешение мертвой цивилизации.

Помимо великого открытия Вальных могил, Шлиман продолжил исследование знаменитых ульевых гробниц в нижнем городе Микен. Одна из них, самая большая, уже была хорошо известна под названием "Сокровищница Атрея" (Plate V. 2). Она состоит из длинного входного прохода, уходящего в склон холма и ведущего в большую сводчатую камеру, вырытую в холме и имеющую форму пчелиного улья. Входной проход имеет 20 футов в ширину и 115 футов в длину, и с обеих сторон облицован стенами из массивной каменной

кладки, высота которых увеличивается по мере подъема холма. Этот проход ведет к вертикальному фасаду высотой 46 футов, пронзенному дверью высотой 17-18 футов, которая была окаймлена колоннами, несущими карниз, над которым находилось треугольное пространство, замаскированное плитами из красного порфира, украшенными спиральными украшениями, а весь фасад, похоже, был обогащен бронзовыми украшениями и цветным мрамором. Массивная перемычка двери длиной 29 футов 6 дюймов, глубиной 16 футов 6 дюймов и высотой 3 фута 4 дюйма весит около 120 тонн - масса камня, вполне сравнимая с некоторыми гигантскими блоками, которыми восхищались египетские архитекторы. Например, он примерно на десять тонн тяжелее кварцитового блока, из которого сложена погребальная камера в пирамиде Аменемхата III в Хаваре. Большая камера гробницы представляет собой впечатляющий круглый свод диаметром 48 футов и высотой 48 футов. Его конструкция не похожа на настоящий свод, но каждый из тридцати трех ярусов немного выступает за пределы нижележащего, пока, наконец, они не сойдутся вплотную у вершины, которая закрыта одной плитой. После укладки ярусы были вырезаны по идеально гладкой кривой и тщательно отполированы, и, похоже, весь купол был украшен розетками из бронзы - схема украшения, напоминающая о бронзовых стенах дворца Алкиноса. Из большой камеры боковая дверь, несущая следы богатого декора, ведет в квадратную комнату, 27 футов в квадрате и 19 футов в высоту, которая, возможно, была местом погребения. Курций считал "этот возвышенный и торжественный склеп" самым впечатляющим из всех памятников Древней Греции.

На том же склоне холма, что и Сокровищница Атрея, но примерно в 400 ярдах к северу от нее, находится гробница, известная как "Гробница Клитемнестры" или "Сокровищница госпожи Шлиман" - последнее название связано с тем, что она была частично раскопана в 1876 году женой доктора Шлимана. По размерам она очень близко соответствует более известной гробнице, а ее колонны из темно-зеленого алебаstra, дверная перемычка из зеленого мрамора и плиты красного мрамора, закрывающие рельефный треугольник над дверью, показывают, что она была не менее величественной, чем ее соседка.

ДЛИННАЯ ГАЛЕРЕЯ, КНОССОС (стр. 68)

После раскопок в Микене Шлиман в 1880-81 гг. раскопал в Орхоменосе в Беотии так называемую "Сокровищницу Миньяса", обнаружив в ее квадратной боковой камере прекрасный потолок, сложенный из плит сланца, изваянных с изысканным узором из розеток и спиралей, в котором очень отчетливо прослеживаются следы египетского художественного влияния (если только, как полагает теперь г-н Х. Р. Холл, мы не проследим происхождение спирали как декоративного мотива не в Египте, а на Крите). Х. Р. Холл теперь считает, что мы должны проследить происхождение спирали как декоративного мотива не в Египте, а у минойцев на Крите). В Тирине Шлиман начал в 1884 году очередную серию раскопок, в результате которых был открыт весь план дворца-цитадели этого древнего города-крепости с его залами и отдельными апартаментами для мужчин и женщин, а также колоссальная ограждающая стена, в некоторых местах толщиной 57 футов, с башнями, галереями и камерами, построенными в толще стены ([Plate V. 1](#)). Во дворце обнаружены свидетельства значительного мастерства в декоративном искусстве. Прекрасный фриз из алебаstra, вырезанный в виде розеток и пальметт, инкрустированный голубой пастой, наглядно показывает, что имел в виду Гомер, когда писал о дворце Алкиноя: "Медные были стены, которые шли туда и сюда от порога до самой внутренней камеры, а вокруг них был фриз голубого цвета" (*kuanos*); фресковая живопись в нескольких комнатах демонстрирует спиральный и розеточный декор Орхомена и Египта. Но, пожалуй, самой интересной находкой стали остатки большой настенной росписи, на которой изображен могучий бык, несущийся на полной скорости, а атлет, уцепившись одной рукой за рог чудовища, переваливается через его спину - картина, которая является первым важным примером хорошо известного и многочисленного набора подобных изображений, давших нам ключ к разгадке смысла старой легенды о человекоуничтожающем Минотавре и его дани человеческим жертвам.

Открытия Шлимана, несмотря на все недоверие, вызванное его иногда довольно необдуманным энтузиазмом, вызвали необычайный интерес среди ученых и студентов, изучающих раннюю европейскую культуру. Сразу почувствовалось, что он поставил мир лицом к лицу с фактами, которые должны глубоко изменить все мнения о происхождении греческой цивилизации; ведь передовое и полностью созревшее искусство, которое было раскрыто, особенно в замечательных находках из Вала или Круговой могилы, стояло на совершенно иной плоскости, чем любое искусство, которое до сих пор ассоциировалось с ранней эпохой Греции; И было очевидно, что не только дата, когда цивилизация начала проявлять себя в Элладе, должна быть отодвинута на несколько столетий назад, но и что огромные различия между зрелым микенским искусством и младенческим искусством Греции требуют объяснения. Для самого первооткрывателя высший интерес его находок всегда заключался в мысли, что они являются прямыми прототипами, если не подлинниками, цивилизации, описанной в гомеровских поэмах; но на вопрос, так это или нет, вопрос сам по себе интересный, но во многом академический, наложился гораздо более важный. Здесь было доказательство существования цивилизации, очевидно, великой и долговечной, чьи изделия нельзя было отождествить ни с одним другим известным искусством. Какой расе людей можно было приписать достижения этой ранней культуры и какое отношение они имели к эллинам в истории?

Работа Шлимана была продолжена и расширена такими преемниками, как Дёрпфельд, Цунтас, Маккензи и другие, и к концу XIX века стало очевидно, что культура, первые важные следы которой были обнаружены в Микенах, в определенной степени распространилась всю Элладу, но главным образом на юго-восточную часть материка и Киклады. Главные места находок в самой Греции находились в Аργοлиде и Аттике, но, кроме них, богатый материал был обнаружен в Энкоми (Кипр) и в Филакопи (Мелос), а из Вафио, близ Амikleи в Лаконии,

среди прочих сокровищ, пришла пара самых замечательных золотых кубков, чья работа превосходит все, что можно было представить в столь ранний период, и может сравниться только с ювелирными работами эпохи Возрождения. Гиссарлык под руководством доктора Дёрпфельда с Шестого города дает свидетельства азиатской цивилизации, действительно современной Микенской. Еще до конца века стало очевидно, что Криту суждено стать центром этой ранней культуры, и обещание, как мы увидим позже, было более чем выполнено. В Египте профессор Петри обнаружил залежи доисторической эгейской керамики в Дельте, Фаюме и даже в Среднем Египте, доказывая, что эта цивилизация, какого бы происхождения она ни была, контактировала с древней цивилизацией долины Нила, а в Западном Средиземноморье, в частности на Сицилии, в Италии, Сардинии и Испании, находки, менее многочисленные, но совершенно безошибочные, свидетельствовали о широком распространении микенской культуры.

В общих чертах результат сводится к следующему: 'что до эпохи, в которую мы привыкли относить начало греческой цивилизации - то есть первые века последнего тысячелетия до нашей эры - мы должны допустить огромную историю человеческой художественной продуктивности, восходящую к неолиту и достигающую кульминации к концу эпохи бронзы в культуре более плодотворной и более утонченной, чем та, которую мы найдем в тех же землях, пока эпоха железа не продвинулась далеко вперед. Человек в Элладе был более высокоцивилизованным до начала истории, чем когда история начинает записывать его состояние; и в эллинском регионе существовало человеческое общество, организованное и продуктивное, до периода, настолько отдаленного, что его истоки были более далеки от эпохи Перикла, чем эта эпоха от нашей собственной. Вероятно, мы имеем дело с общим периодом цивилизации в Эгеиде, не намного более коротким, чем в долине Нила.

[Сноска *: Hogarth, "Authority and Archæology", p. 230].

Оценка, приведенная в последнем предложении Хогарта, опубликованном в 1899 году, до великих открытий Эванса на Крите, должна была показаться экстравагантной тем, кто, будучи знакомым с великой древностью месопотамской и египетской культуры, привык считать, что греческая цивилизация началась не так уж и задолго до Первой Олимпиады. Однако события полностью оправдали ее, и теперь можно считать установленным фактом, что самая ранняя цивилизация Греции встречается с двумя великими древними цивилизациями Вавилона и Египта практически на равных. По древности она практически современна им, а по художественным достоинствам не уклоняется от сравнения ни с одной из них.

На ранних стадиях дискуссии, которая последовала за открытиями, предполагалось, возможно, несколько поспешно, что такая культура не могла быть местной, указывалось на сходство с египетскими и месопотамскими работами, и высказывалось предположение, что импульс и мастерство, которые породили искусство Микен, были не местными, а заимствованными, финикийцы обычно считались средой, через которую влияние Востока проникло в Эгейский регион. С течением времени, однако, финикийцы постепенно занимают все меньшее место в глазах исследователей эгейской проблемы. Уже не считается, что они внесли какой-либо оригинальный вклад в развитие микенской культуры, и даже в качестве посредников наблюдается тенденция признавать их влияние гораздо меньшим, чем считалось раньше. Стало очевидно, что, по крайней мере, в случае с Критом и Египтом, связь вовсе не обязательно должна была осуществляться через финикийских посредников, а гораздо более вероятно, что она была прямой. Что же касается вопроса о долге перед Востоком этой ранней европейской цивилизации, то вполне вероятно, что Эгейское море дало столько же, сколько и заимствовало, и что его художники были

достаточно велики, чтобы зародить свою собственную культуру. Микенское, а тем более великое минойское искусство, для которого Микенское оказалось лишь упадочной фазой, не нуждалось в восточных костылях. Что касается Египта, то обязательства двух культур были, безусловно, взаимными; каждая влияла на другую; это был случай не мастера и ученого, а двух современных цивилизаций, каждая из которых была полностью вдохновлена родным духом, каждая была готова использовать все, что казалось ей полезным в работе другой, но обе были совершенно оригинальными в своем гении.

Однако вопрос, который так интересовал Шлимана, все еще сохраняется, хотя и в более широкой и важной форме, чем та, в которой он его представлял. Теперь речь идет не о том, действительно ли найденные им могилы принадлежат Агамемнону и его товарищам по мрачной трагедии Микен, а о том, являются ли люди и цивилизация, чьи останки были обнаружены, теми людьми и цивилизацией, из которых гомеровские барды черпали сюжеты своих поэм, или нет. Были ли микенцы греками "Илиады" и "Одиссеи", и именно их культура запечатлена для нас в этих великих поэмах?

Аргументы в пользу такого предположения весьма весомы. Во-первых, мы имеем удивительное совпадение между географией поэм и местностями, на которые, как видно, распространялась микенская культура. Города и земли, которые занимают главное место в гомеровском повествовании, также являются теми, в которых были обнаружены наиболее убедительные свидетельства микенской культуры. Прежде всего, конечно, это сама Микенэ. Для Гомера "золотые", "широкоплечие" Микены - это место обитания великого вождя ахейцев, царя людей Агамемнона; это и главный очаг культуры, носящей его имя. Орхомен, Пилос, Лакедемон, Аттика, занимающие видное место в поэмах, также являются известными очагами микенской цивилизации. Крит, чье выдающееся положение в гомеровском мире уже упоминалось, как мы вскоре увидим, был, по сути, высшим центром еще более великой и богатой цивилизации, чья микенская цивилизация является более поздней и сравнительно вырожденной формой. Нет необходимости вдаваться в дальнейшие подробности, но в целом это факт, что распределение микенских останков практически следует, по крайней мере в значительной степени, географии поэм. Мир, с которым были знакомы гомеровские барды, был, в основном, миром, в котором преобладала цивилизация микенцев.

Гомеровский дом также находит поразительную параллель в деталях микенских дворцов, останки которых сохранились. Если оставить в стороне все спорные моменты, то остается очевидным тот факт, что "все описанные структурные особенности, двор с алтарем Зевсу и траншеей для жертвоприношений, вестибюль, преддверие, зал с камином и колоннами, ванная комната с переходом из зала, верхний этаж, иногда содержащий женские покои, простор, декор, даже мебель, были самым замечательным образом идентифицированы в Тирине и Микенах, а также на Крите". На Крите, наряду с вышеупомянутыми сходствами, обнаруживаются важные различия, такие как расположение очага и детали освещения. Эти различия, которые, вероятно, обусловлены разницей в климате, не отменяют, однако, факта общего соответствия.

В деталях мы имеем фриз *куано* дворца Алкиноса, параллельный фрагментам, обнаруженным, как уже упоминалось, в Тирине, и аналогичным фризам в Кноссе, а бронзовые стены того же дворца были если не параллельны, то, во всяком случае, проиллюстрированы бронзовыми украшениями сводов больших ульев в Микенах и Орхомене. Параллель, возможно, еще ближе, когда мы переходим к деталям обработки металла, которые описаны у Гомера, и иллюстрации которых были найдены в таком изобилии среди микенских реликвий. Например, нам рассказывают, что на броши Одиссея была изображена гончая, держащая между лапами извивающегося олененка, и рассказывают о

сложной работе над кубком Нестора - "хороший кубок, который старик принес из дома, украшенный золотыми шипами, и четыре ручки у него, и вокруг каждой два золотых голубя, и у кубка два донышка. Другой человек едва ли смог бы поднять чашу со стола, но Нестор Старый поднял ее легко". Микенские находки дали примеры обработки металла, которые, кажется, настолько близки к гомеровским картинам, насколько возможно для материальных вещей приблизиться к словесным описаниям. Один из золотых кубков из Четвертой могилы в Микенах мог бы быть почти копией в небольшом масштабе кубка Нестора, за исключением того, что у него было только две ручки вместо четырех. На ручках, как и на гомеровском изображении, кормятся голуби, и, как и чаша Нестора, микенская чаша украшена золотыми заклепками.

Или возьмем еще один пример другой формы художественной обработки металла - сцены охоты на льва и охоты на кошек на лезвиях кинжалов, найденных в могилах IV и V в Микенах. В первой из этих сцен мы имеем изображение пяти мужчин, нападающих на трех львов. Самый главный мужчина был повержен нападением первого льва и запутался в своем огромном щите. На помощь ему приходят четверо его товарищей, один из которых вооружен луком, а остальные несут копья и огромные щиты, два из которых имеют типичную для микенцев форму восьмерки. Только первый лев ожидает их наступления, два других находятся в полном беге. Вся работа отличается необычайной живостью, но интерес представляет именно техника исполнения. Картина составлена из различных металлов, инкрустированных на тонкой бронзовой пластине, которая вделана в лезвие кинжала. Львы и обнаженная кожа мужчин инкрустированы золотом, набедренные повязки и щиты - серебром, все аксессуары, такие как ремни для щитов и узоры на набедренных повязках, даны темным веществом, а грунт покрыт темной эмалью для придания рельефности фигурам. Сцена охоты на кошек, которая имеет удивительное сходство с известной сценой из настенной росписи в Фивах, изображает кошек, охотящихся на диких птиц на болоте, пересекаемом извилистой рекой, в которой плавает рыба и растут папирусные растения. Кошки, растения и тела уток инкрустированы золотом, крылья уток и река - серебром, а рыбы - каким-то темным веществом. На шее одной из уток красная капля крови, вероятно, выдавленная легированным золотом". Здесь мы имеем дело с тем самым видом искусства, в котором были выполнены украшения щита Ахилла. Еще он устроил в нем виноградник, изобилующий гроздьями, вытканый из золота; виноград был черный, а лозы висели повсюду на серебряных столбах. И вокруг него он провел ров из *куано*, а вокруг него - ограду из тина. И сделал он в нем стадо коней с прямыми рогами, а кони были сделаны из золота и олова".

Таковы некоторые моменты, которые подтверждают идею о том, что в микенском народе мы имеем истоки народа гомеровских поэм. С другой стороны, на пути такой веры стоят трудности, причем немалые. Главная из них - это вопрос о способе избавления от тел умерших. Люди гомеровских поэм сжигали своих мертвецов; люди микенской цивилизации хоронили своих. Несомненно, это серьезная трудность на пути идентификации, предполагающая, как и она, различные взгляды на судьбу души после смерти. Люди, сжигавшие тела своих умерших, верили, что после смерти душа больше не использует свое тело, а уходит в далекую, теневую, нематериальную область, так что тело, если оно и имело какую-то связь с душой, выступало скорее как тягость и осквернитель, от которого было бы хорошо, чтобы душа освободилась. Поэтому они дематериализовали тело, и часто вещи, которыми пользовалось тело при жизни, под действием огня. С другой стороны, те, кто хоронил своих покойников, верили, что дух умершего человека каким-то образом обитает в могиле или, по крайней мере, витает вокруг тела, ожидая, возможно, реинкарнации, и способен использовать оружие, утварь и пищу своей прежней жизни. Поэтому тело

тщательно погребали, иногда даже бальзамировали, а рядом с ним клали оружие и пищу, или, во всяком случае, их имитацию.

Различие между этими двумя направлениями мысли очевидно и сильно; но оно не обязательно предполагает абсолютное различие рас. Не исключено, что к концу микенского периода, к которому в любом случае относится связь с гомеровскими поэмами, кремация начала вытеснять более древнюю практику погребения. В позднемикенских могилах в Саламине обнаружены свидетельства кремации, а в Мулиане на Крите есть примеры, когда с одной стороны гробницы были найдены некремированные кости вместе с бронзовыми мечами, а с другой - железный меч и кремированные кости в урне. Различие, таким образом, не обязательно связано с расой, но с обычаями, постепенно меняющимися, возможно, в течение сравнительно короткого периода. Было даже высказано предположение, что никакого большого промежутка времени не требуется, так как практика кремации может быстро развиться среди любой расы, руководствуясь удобной идеей, что при утилизации плоти вместе с ней уходит и неудобный, возможно, даже вампир, призрак неприятного предка.

Еще одна трудность возникает из-за того, что гомеровские поэмы, безусловно, предполагают гораздо более широкое использование железа, чем можно найти среди останков микенского народа. Но вес этого возражения может быть легко преувеличен. Конечно, снаряжение гомеровских героев в большинстве случаев из бронзы, хотя известная строка из "Одиссеи" "железо само по себе привлекает человека" свидетельствует о том времени, когда железо стало почти универсальным боевым металлом. Но даже в некоторых микенских гробницах железо встречается в виде перстней; а в восточно-критских гробницах самого позднего минойского периода были найдены железные мечи. И если, как принято считать, гомеровские поэмы представляют собой работу нескольких бардов, охватывающую значительный период времени, то нет ничего необычного в предположении, что если ранние авторы представляли бронзу как материал для оружия, поскольку в их время она была именно такой, более поздние, писавшие в период, когда железо в значительной степени вытеснило, но еще не полностью вытеснило более древний металл, должны были, придерживаясь в целом старого поэтического слова, использовавшегося их предшественниками, время от времени вводить название металла, который становился преобладающим в их время. С этой точки зрения трудность, кажется, исчезает. Собственно гомеровский век - это век людей, использовавших бронзу; но на более поздних этапах развития поэмы появляется железо, как это постепенно происходило в микенской цивилизации, в целом использовавшей бронзу.

То же самое можно сказать и о различиях в снаряжении микенских воинов и воинов гомеровского периода. Микенцы использовали большой щит из шкуры, продолговатый или 8-образный, закрывающий своего носителя с головы до ног, с кожаным колпаком на голове и без защитных доспехов из металла. В "Илиаде", с другой стороны, очевидно, что в целом подразумевается металлический шлем, металлический кираса и сравнительно небольшой круглый щит. Но, опять же, в более поздних микенских работах, таких как знаменитая ваза воина, есть свидетельства использования маленького круглого щита, в то время как, более того, в некоторых частях поэмы есть свидетельства использования истинного микенского щита "как башня". Перифет Микенский убит Гектором из-за того, что споткнулся о нижний край его большого щита, а сам его убийца носит щит немалых размеров. "Так говоря, Гектор от сверкающего шлема отошел, и черная шкура била с обеих сторон по его лодыжкам и шее, даже по ободу, который доходил до самого края его щита". Таким образом, поэмы

представляют постепенное развитие в использовании доспехов, которое можно несправедливо сравнить с аналогичным развитием, прослеживаемым в микенских останках.

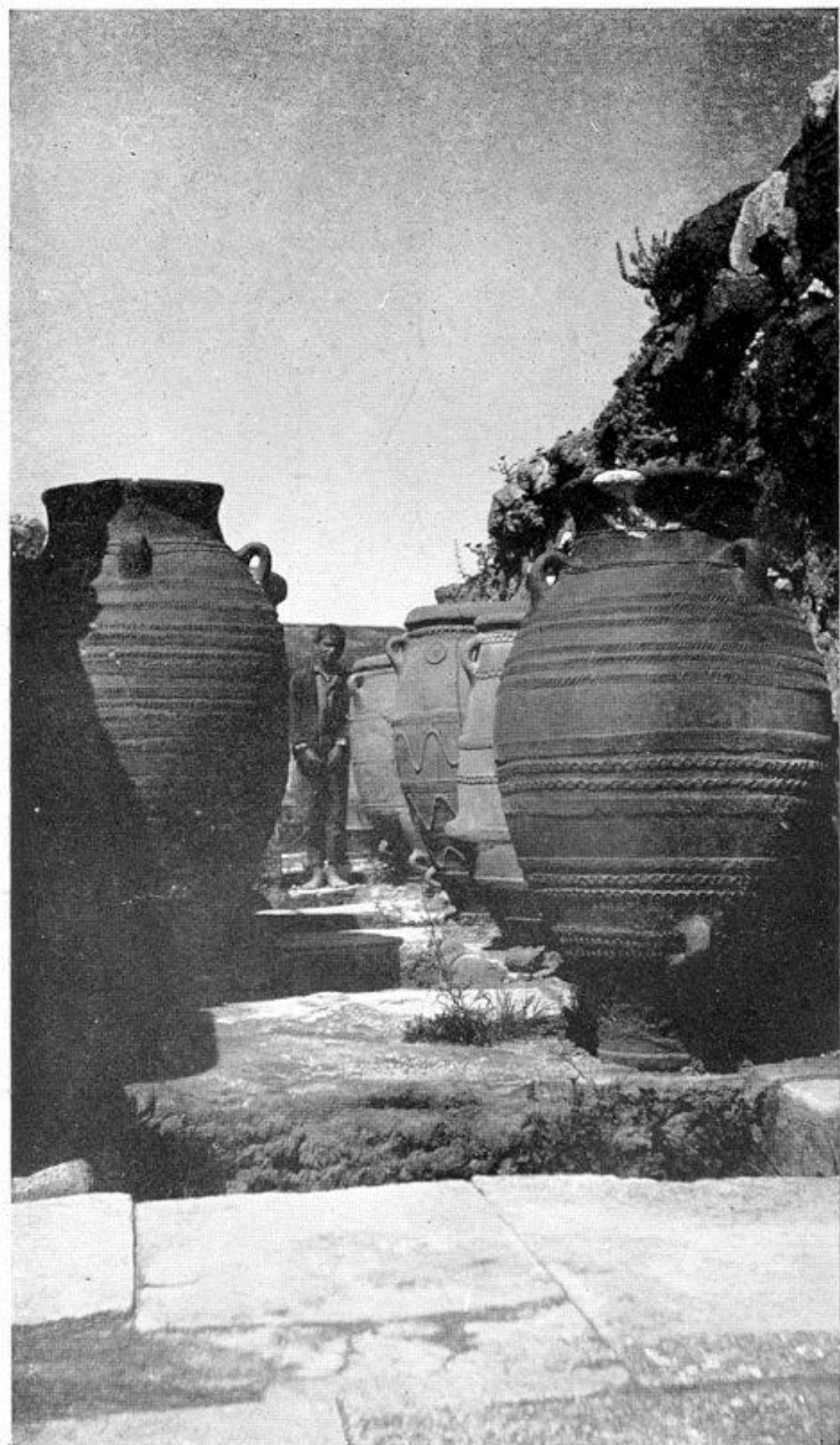
В целом же наш вывод примерно таков: Цивилизация, которую открыл Шлиман, не совсем та, что описана в гомеровских поэмах, поскольку ее расцвет относится к периоду, значительно предшествующему периоду господства ахейцев в Греции, и была делом рук расы, отличной от вождей, сражавшихся под Троей; но в целом то, что описывает Гомер, - это та же самая цивилизация на ее последней стадии, когда люди микенского или минойского происхождения, создавшие ее, перешли под власть вторгшихся ахейских владык. Ахейское вторжение, как и последующее, не разрушило великую культуру, принадлежавшую покоренной микенской расе; напротив, захватчики вошли в нее и стали ее носителями, продолжая ее традиции, пока постепенный упадок, начавшийся еще до их появления в Греции, не был завершен дорийским вторжением, или каким бы ни был процесс постепенного вторжения более грубых племен, соответствующий тому, что поздние греки называли этим именем. И именно этот последний этап микенской культуры, все еще существующий, хотя и под главенством ахейцев, запечатлен в гомеровских поэмах. Уберите из картины, - говорит отец Браун, - все черты, заимствованные из дорийского нашествия, отдайте должное последорийским поэтам за упоминание железа и других последорийских вещей, и ничего не останется, чтобы опровергнуть мнение тех, кто считает, что Шлиман нашел не гробницу Агамемнона, а гробницу той гомеровской жизни, которую Агамемнон нам представляет". В микенских останках перед нашими глазами предстала материальная форма того импульса, с духовным проявлением которого мы уже познакомились на гомеровской странице"[*].

[Сноска *: Н. Browne, "Homeric Study", pp. 313, 314].

ГЛАВА IV

ДВОРЕЦ "ШИРОКОГО КНОССА

В условиях возрождения интереса к истокам греческой цивилизации стало очевидно, что Крит не мог долго оставаться в стороне, поскольку предания о Миносе и его законах, а также замечательные работы Дейдала ясно указывали на то, что этот великий остров должен был быть ранним центром обучения и искусства. Большинство этих традиций группировалось вокруг Кносса, знаменитой столицы Миноса, где когда-то находился Лабиринт, а неподалеку располагалась гора Юктас, традиционное место захоронения Зевса. Останки, обнаруженные на месте древней столицы, отнюдь не были внушительными. В 1834 году Пэшли обнаружил, что "все ныне существующие остатки древней метрополии Крита - это несколько грубых масс римской кирпичной кладки"; а Спратт в 1851 году увидел совсем немного больше, упомянув лишь "несколько разбросанных фундаментов и несколько отдельных масс каменной кладки римского времени", хотя во времена венецианской оккупации, очевидно, можно было увидеть больше, поскольку Корнаро говорит об "очень большом количестве руин, и в частности о стене, длиной во много шагов и очень толстой". Но надежды по-прежнему возлагались на Кносс как на наиболее вероятное место критских находок.

Внимание Шлимана и Стиллмана привлек холм под названием "Кефала", возвышающийся над древним городом Кноссос, на котором стояли разрушенные стены, состоящие из огромных гипсовых блоков с выгравированными на них любопытными иероглифами; но попытки исследования были пресечены из-за препятствий, чинимых местными владельцами. В 1878 году Минос Калохеринос провел небольшие раскопки и нашел несколько больших кувшинов или *пифаев* и несколько фрагментов микенской керамики; но до 1895 года, когда доктор А. Дж. Эванс получил четверть участка Кефалы от одного из совместных владельцев, не было сделано ничего действительно важного. Доктора Эванса привлекло на Крит приобретение в Афинах нескольких найденных на острове каменных печатей, на которых были выгравированы иероглифы и линейные знаки, отличающиеся от египетских и хеттских. В надежде на открытие критской системы письма и опираясь на древнюю критскую традицию, согласно которой финикийцы не изобрели буквы, а лишь изменили формы уже существующей системы, он начал в 1894 году серию исследований на Центральном и Восточном Крите. Везде появлялись более или менее важные доказательства существования такой письменности, особенно в Диктейской пещере, где был найден каменный алтарь для возлияний с посвящением неизвестным письмом. Но доктор Эванс был убежден, что Кносс - это место, где исследования, скорее всего, будут вознаграждены, и его покупка части участка Кефалы в 1895 году стала началом серии кампаний, которые имели результаты не менее романтические, чем у Шлимана, и даже более важные в плане пополнения наших знаний о доисторической эгейской цивилизации.

Политические неурядицы того времени были неблагоприятны для исследований. На острове шли военные действия, а религиозные предрассудки были очень высоки. Когда с назначением принца Георга Греческого на пост комиссара установился новый политический порядок, на пути все еще стояло препятствие в виде претензий Франции на предварительные права на раскопки. Однако по совету принца Георга это требование было отклонено, и в начале 1900 года доктор Эванс наконец-то смог закрепить за собой оставшуюся часть участка, а 23 марта того же года начались раскопки, которые велись с персоналом от 80 до 150 человек до начала июня.

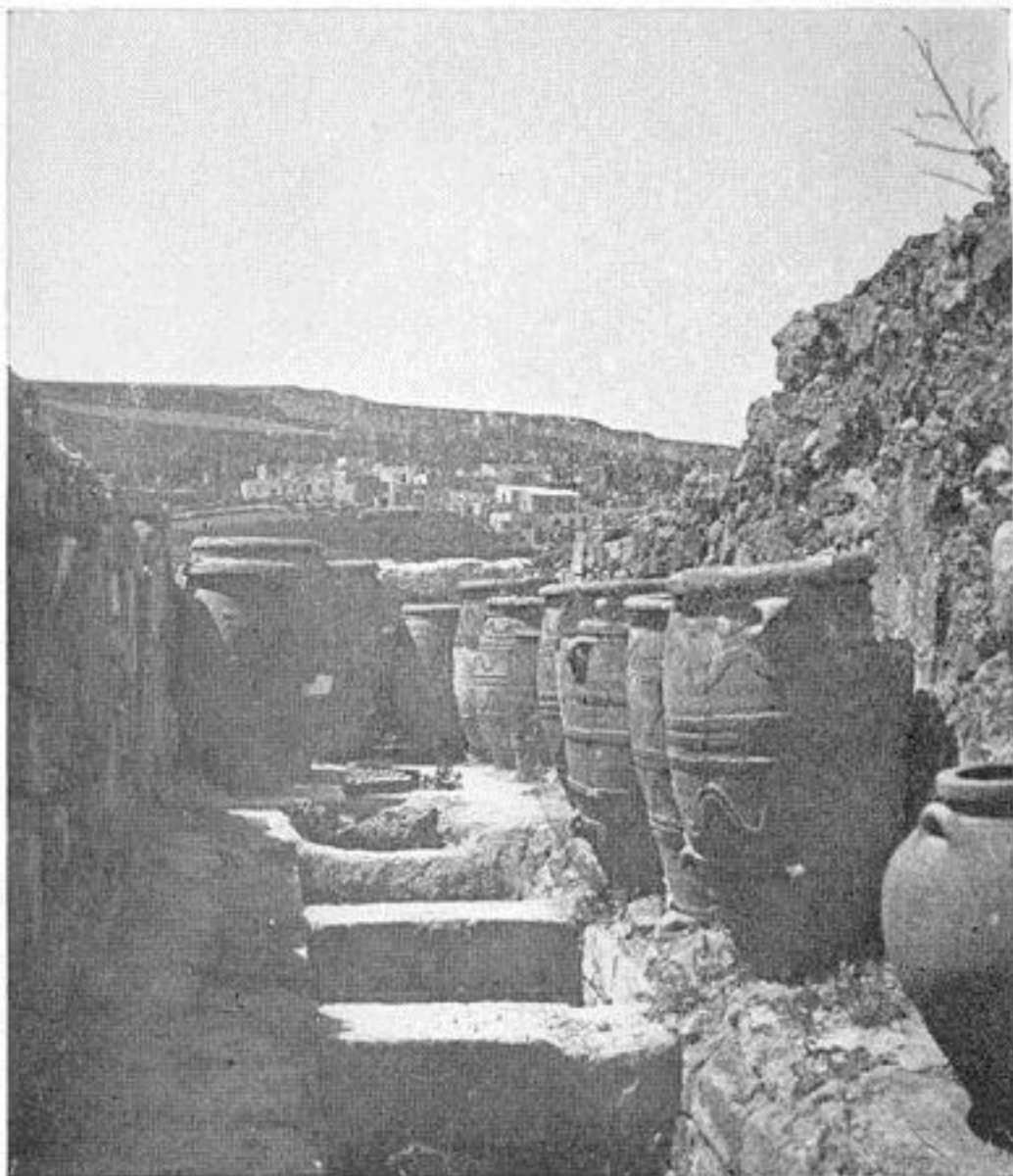
Почти сразу стало очевидно, что вера, которая так упорно боролась за достижение своей цели, будет вознаграждена. Стали появляться остатки стен, иногда всего на фут или два, иногда всего на несколько дюймов ниже поверхности почвы, и к концу девятинедельной исследовательской кампании было раскопано около двух акров огромного доисторического здания - дворца, который даже на этой ранней стадии своего раскрытия уже был намного больше Тиринского и Микенского. На восточном склоне холма, в отложениях бледной глины, были найдены фрагменты черной полированной керамики ручной работы, известной как "буккеро", характерной для неолитических стоянок, некоторые из них, как обычно, были украшены вырезанными узорами, заполненными белым цветом. К этой керамике прилагались каменные кельты и булавы, обсидиановые ножи и примитивное женское изображение из глины с насечками и инкрустацией. По всей территории дворца, по мере углубления раскопок, неолитические отложения были обнаружены поверх девственной почвы, иногда на глубине 24 футов, что свидетельствует о том, что в далекие доисторические времена это место было густо заселено.

Но неолитические отложения были не самой поразительной находкой. На юго-западной стороне площадки обнаружился просторный мощный двор, открывавшийся перед стенами, облицованными огромными блоками гипса. В южном углу этого двора находился портик, через который можно было попасть в эту часть интерьера дворца. В портике была

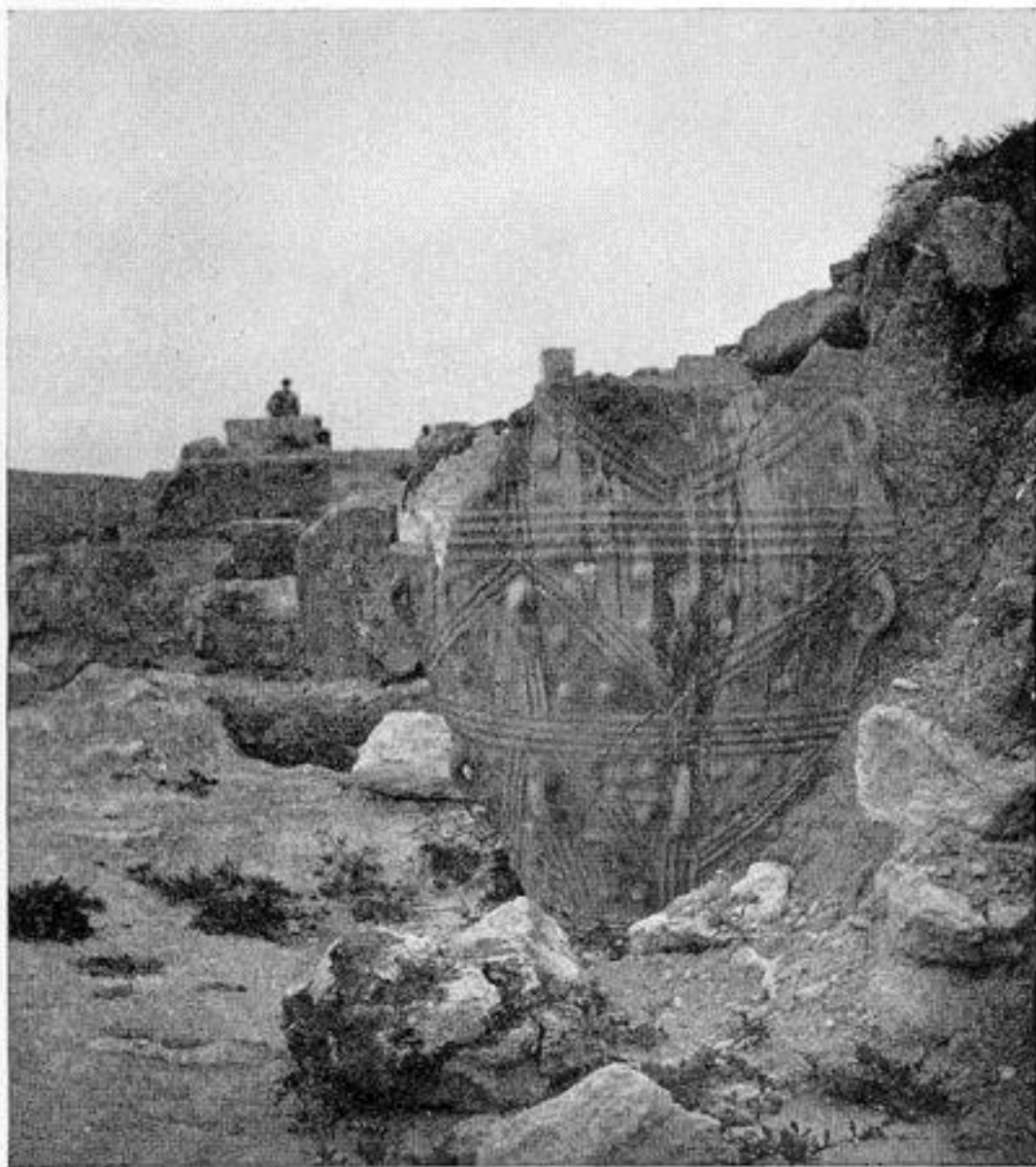
двустворчатая дверь, перекладину которой когда-то поддерживала массивная центральная колонна из дерева. Стена, обращенная к входу, была украшена фреской, часть которой изображала излюбленный предмет микенского и минойского искусства - огромного быка; на стенах коридора, ведущего от портала, сохранились нижние части процессии нарисованных фигур в натуральную величину. Среди них выделялась одна фигура, вероятно, царицы, облаченной в великолепные одежды, а также остатки фигур двух юношей, одетых в золотые и серебряные пояса и набедренные повязки, один из которых нес рифленую мраморную вазу с серебряным основанием. У южного угла здания этот коридор - "Коридор процессии" - вел к большому южному портику с двойными колоннами, и в проходе за этим портиком обнаружилось одно из первых достаточно полных свидетельств внешнего облика и моды великой доисторической расы, которая основала цивилизацию Кносса и Микен. Это фреска, сохранившаяся почти полностью в верхней части, изображающая юношу, несущего серебряный кубок с золотой оправой (Plate VI.). Его набедренная повязка украшена красивым узором в виде трилистника; на ушах - серебряное украшение, на шее и верхней части руки - серебряные кольца, на запястье - браслет с агатовым самоцветом.

"Цвета, - пишет доктор Эванс в блестящей статье в *Monthly Review*, которая впервые донесла до широкой публики историю его открытий первого сезона, - были почти такими же яркими, как и за три тысячи лет до этого. Впервые перед нами предстает истинный портрет человека этой загадочной микенской расы. Оттенок плоти, следуя, возможно, египетскому прецеденту, имеет глубокий красновато-коричневый цвет. Конечности прекрасно вылеплены, хотя талия, как обычно в микенских модах, туго стянута серебряным поясом, придающим большую рельефность бедрам. Профиль лица чист и почти классически греческий..... Губы несколько полноваты, но в физиономии, безусловно, нет семитского слепка..... Было что-то очень впечатляющее в этом видении блестящей молодости и мужской красоты, возвращенном после столь долгого перерыва в наш верхний воздух из того, что еще вчера было забытым миром. Даже наши необученные критские рабочие почувствовали чары и очарование. Они и в самом деле считали находку такой картины на лоне земли не иначе как чудом и видели в ней икону святого! Для снятия фрески потребовалась тонкая и кропотливая работа под штукатуркой, за которой нужно было следить по ночам, и для этой цели отрядили старика Манолиса, одного из самых надежных в нашей банде. Так или иначе он уснул, но во сне ему явился разгневанный святой. Проснувшись, он ощутил таинственное присутствие; животные вокруг завывали и заскулили, и "вокруг были видения"; "φαιταζεῖται", - сказал он, подводя итог своим переживаниям на следующее утро, - все это место пугает!"[*]

[Сноска *: *Monthly Review*, March, 1901, pp. 124, 125].

ЖУРНАЛ С КУВШИНАМИ И КАЗЕЛЛАМИ

БОЛЬШОЙ КУВШИН С ОРНАМЕНТОМ В ВИДЕ СТРУЙКИ

Южный портик открывал доступ к большому двору, который, как выяснилось впоследствии, был на самом деле Центральным двором дворца, средоточием жизни всего огромного здания. Блок здания между Западным и Центральным дворами был разделен на две части длинной галереей ([Plate VII.](#)), 3,40 м в ширину, идущей почти по всей длине строения, и вымощенной гипсовыми блоками. Между этой галереей и западной стеной дворца располагался длинный ряд помещений, которые, очевидно, служили для хранения масла, а возможно, и кукурузы. Они были заняты рядами огромных глиняных кувшинов, или *пифоев*, достаточно больших, чтобы вместить Сорок разбойников или солдат Тахути во время их похода на Иоппию ([таблички VIII и IX](#)). В одном из магазинов было найдено не менее двадцати таких кувшинов. Все они были орнаментированы, некоторые очень тщательно, спиральными и веревочными узорами; один из них, найденный не в магазине, а в небольшой комнате рядом с Центральным двором, был особенно тщательно украшен и достигал почти пяти футов в высоту ([табличка X. 2](#)). Внизу по центральной линии каждого журнала проходил ряд небольших квадратных отверстий в полу - "каселлес", как их стали называть, - которые когда-то, очевидно, служили местами для хранения, некоторые из них, возможно, для масла, но некоторые, несомненно, для ценностей. Они были тщательно выложены свинцом, и в

некоторых случаях каменные плиты, закрывавшие их, нельзя было снять, не подняв всю мостовую. Однако, несмотря на такие меры предосторожности, в древние времена они были хорошо разграблены, и мало что осталось, чтобы рассказать о том, что в них когда-то было. Магазины были хорошо оборудованы, чтобы создать сильное впечатление не только о размерах, но и о великолепии дворца, которому требовались такие кладовые. В домашних кабинетах дома Миноса не было ни подлости, ни убожества. Двери, ведущие в кладовые из Длинного коридора, были отделаны тонким камнем, а боковые стены галереи и кладовых были покрыты крашеной штукатуркой, представлявшей собой белую основу, по которой проходил дадо из горизонтальных полос красного и синего цветов, а также полосы тех же цветов, образующие фриз ниже уровня потолка. Разумеется, это был всего лишь цокольный этаж дворца, над которым возвышался еще один или несколько этажей, от которых не осталось ничего, кроме фрагментов расписной штукатурки, когда-то украшавшей стены.

В комнаты, составляющие блок зданий между Длинной галереей и Центральным двором, можно было попасть из последнего, и именно в них, по мере продвижения раскопок, стали раскрываться некоторые из наиболее примечательных особенностей дворца. Примерно на полпути вдоль двора были обнаружены две небольшие комнаты, соединенные друг с другом, в центре каждой из которых стояла одна колонна, состоящая из четырех гипсовых блоков, каждый из которых был отмечен знаком Двойного Топора; эти столбы наводили на мысль о связи с древними преданиями о Миносе и его делах (Plate XI.). По всей видимости, это были священные эмблемы, связанные с поклонением божеству, и знаки Двойного топора указывали на это божество. Ведь особой эмблемой критского Зевса (а также, по-видимому, женского божества, преемником которого был Зевс) был двойной топор, оружие, многочисленные votive образцы которого из бронзы были найдены в пещере-святилище Дикте, легендарном месте рождения бога. А имя двойного топора - Лабрис - встречается и в титуле карийского Зевса, Зевса из Лабраунды. Но традиция связывала имена Миноса и Кносса с великим и чудесным сооружением Дейдала, которое называлось Лабиринтом; и совпадение этого имени с отметками Лабриса на священных столбах и на многих блоках во дворце сразу же навело на мысль, что здесь находится источник старой традиции, а здесь - реальное здание, Лабиринт, который Дейдал воздвиг для своего великого господина. Остается мало сомнений, - говорит доктор Эванс, - что это огромное сооружение, которое в широком историческом смысле мы вправе называть "Дворцом Миноса", является тем же самым, что и традиционный "Лабиринт". Большая часть плана земли, с ее длинными коридорами и повторяющимися последовательностями глухих галерей, извилистыми переходами и просторными подземными каналами, запутанной системой маленьких камер, на самом деле имеет много характерных черт лабиринта"[*] Связь, предложенная даже в первый год раскопок, становилась все более вероятной с каждым последующим сезоном.

[Сноска *: Monthly Review, March, 1901, p. 131].

Пройдя дальше на север вдоль линии Центрального двора, через ряд из четырех ступеней мы попали в предбанник, из которого открылась еще одна комната, не очень большая сама по себе, но представляющая огромный интерес из-за характера ее обстановки. Уже на глубине нескольких дюймов под поверхностью виднелись свежие фрески. Вскоре были открыты стены, украшенные цветущими растениями и текущей водой, а по обе стороны от дверного проема небольшой внутренней комнаты стояли грифоны-хранители с павлиньими оперениями на фоне того же цветочного пейзажа. Вокруг стен стояли низкие каменные скамьи, а между ними, с северной стороны, отделенный небольшим промежутком и поднятый на каменном основании, возвышался гипсовый трон с высокой спинкой, изначально покрытый декоративными узорами. Его нижняя часть была украшена

любопытной резной аркой, с крокетными лепными элементами, демонстрирующими необычайное предвосхищение некоторых характерных черт готической архитектуры. Напротив трона находился изящный резервуар из гипсовых плит - возможно, заимствованный из египетских дворцов, - к которому вели нисходящие ступени, а над ним возвышались колонны из кипарисового дерева, поддерживающие своего рода *имплювий*. Здесь действительно находился зал совета микенского царя или государыни". Открытие самого трона Миноса, как его справедливо можно назвать, было, несомненно, самым драматичным и достойным вознаграждением за терпение и настойчивость исследователя. Более древнего трона не существует в Европе, а возможно, и во всем мире, и нет такого, чьи ассоциации были бы столь интересны (Plate I.).

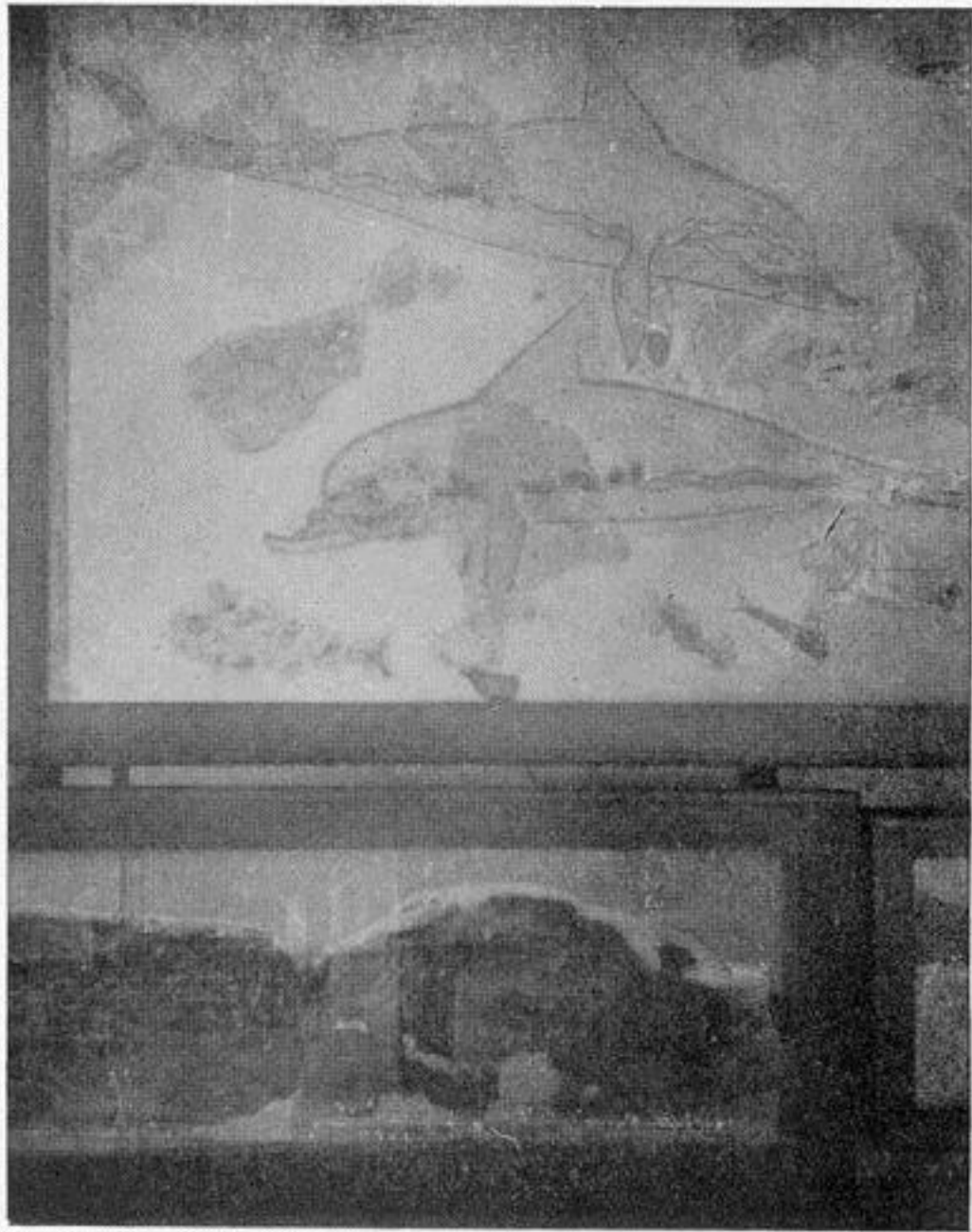
[Сноска *: *Monthly Review*, March, 1901, pp. 123, 124].

В Тронном зале среди обломков сохранилось множество реликвий былого великолепия. На полу были разбросаны осколки синего и зеленого фарфора, золотой фольги, лазурита и хрусталя, несколько хрустальных дощечек с росписью на обратной стороне, среди которых была очень тонкая миниатюра скачущего быка на лазурном фоне; а агатовая дощечка с рельефом кинжала, положенного на сложенный пояс, по стилю и тонкости исполнения почти не уступала камейной работе. В небольшой комнате на северной стороне Центрального двора был обнаружен причудливый и тонкий образец ранней фресковой живописи - фигура Голубого мальчика, более достойная этого названия, чем знаменитая картина Гейнсборо, поскольку, как ни странно, он голубой в телесных тонах, собирает и ставит в вазу белые крокусы, которые все еще красуются на критских лугах.

Северная сторона дворца завершалась еще одним портиком, и в этой части здания обнаружился ряд миниатюрных фресок, ценных не только как произведения искусства, но и как современные документы о внешнем виде, одежде и окружении загадочных людей, для которых это великое здание когда-то было домом. Здесь были группы дам с традиционным белым цветом лица, которым минойские художники наделили своих женщин, чудесно одетых в костюмы, гораздо больше напоминающие вечерние платья наших дней, чем величественные одеяния классической Греции с их строгими линиями. В своих платьях с очень низким вырезом, с пышными рукавами, слишком тонкой талией и воланами на юбках, с тщательно уложенными и завитыми волосами, они были максимально далеки от наших представлений об Ариадне и ее фрейлинах и могли сойти за современных модниц. "Mais, - воскликнул один французский знаток, впервые увидев их, - Mais ce sont des Parisiennes". Эти прекрасные придворные дамы сидели или, скорее, сидели на корточках, по любопытному минойскому обычаю, группами, беседуя во дворах и садах, а также на балконах великолепного здания. Вдали виднелись группы мужчин с тем же красновато-коричневым цветом лица, что и у Кубконосца, одетых в набедренные повязки и обувь со шлепанцами, длинные черные волосы убраны в гребень на макушке. В одной группе тридцать человек стоят у укрепленного столба, в другой - юноши метают копья в осажденный город. Чередование сюжетов в этих миниатюрных фресках напоминает контрастные эпизоды щита Ахилла. Возможно, перед нами части непрерывного исторического произведения; в любом случае эти уникальные иллюстрации огромных толп мужчин и женщин в стенах городов и дворцов дают новый и поразительный комментарий к знакомому отрывку Гомера, описывающему древнюю многолюдность критских городов"[*] Только замечательные надгробные росписи Древнего Египта могут превзойти эти яркие миниатюры в представлении нам жизни ушедшей цивилизации; ничего другого, что могло бы приблизиться к ним, не дошло до нас из древности.

[Сноска *: *Monthly Review*, March, 1901, p. 126].

Главный вход во дворец, судя по всему, находился с северной стороны, где к воротам подходила дорога из гавани, расположенной в трех с половиной милях. Здесь находился единственный след укреплений, обнаруженный во время всех раскопок. Входной проход представлял собой каменный трап, на северо-западной стороне которого возвышался большой бастион с караульным помещением и салли-портом - слабое извинение за оборону в случае такого огромного и заманчивого приза, как Кносский дворец. Очевидно, что бастион с его ничтожным помещением для незначительной стражи никогда не предназначался для защиты дворца от многочисленных нападающих или длительной осады; его могло хватить только на внезапный набег горстки пиратов, пробравшихся из порта (Plate XII. 2). Как получилось, что столь великое и богатое сооружение оказалось практически беззащитным? Материковые дворцы эпохи микенцев в Тирине и Микенах, так сказать, погребены под укреплениями. Их огромные стены, толщиной в 57 футов в некоторых частях Тириня, 46 футов в Микенах, возвышающиеся все еще после стольких веков разрушения до высоты 24½ футов в случае меньшей цитадели и 56 футов в великой цитадели Агамемнона; Их массивные ворота и хитроумные приспособления, с помощью которых нападающий должен был подвергать себя разрушительному обстрелу с незащищенной стороны - все в них указывает на страну и время, когда жизнь и имущество постоянно подвергались опасностям войны, а единственную безопасность можно было найти в воротах неприступной крепости. Но Кнос, гораздо более богатый и великолепный, чем Тиринс или Микены, лежит практически без охраны, его просторные дворы и портики с колоннами открыты со всех сторон. Очевидно, что минойские цари жили в стране, где царил мир, и где не ожидалось, что какой-либо враг грубо ворвется их роскошное спокойствие. А причину их уверенности и безопасности искать далеко не надо, если вспомнить высказывания Фукидида и Геродота.

ЧАСТЬ ФРЕСКИ С ДЕЛЬФИНАМИ

БОЛЬШОЙ КУВШИН, КНОСС

Первый царь, о котором нам известно, что он создал флот, - это Минос, - говорит великий афинский историк. Минойская империя, как и наша, опиралась на морскую мощь; ее великие цари были морскими царями древнего мира - первыми морскими царями, известными истории, владыками Эгейского моря задолго до того, как "грубый тирийский торговец" узнал "путь корабля в море" или любящий сушу египтянин отважился пустить свои робкие эскадры по приказу великой царицы далеко в Пунт. И потому укрепления их столицы и дворца были не из огромных гипсовых блоков, которые они так хорошо умели обрабатывать и возводить. Это были деревянные стены, длинные низкие черные галеры с пурпурными носами, квадратными парусами и ползучими рядами весел, которые стояли на швартовых или причалах в устье реки Кайратос или крейсировали вокруг островного побережья, поддерживая минойский мир в Эгейском море. Пока существовал военный флот Миноса, Кносс не нуждался в укреплениях. Ни одна экспедиция любого размера не могла высадиться на острове. Если экипажу случайной пиратской галеры, отчаявшемуся от голода или

соблазнившемуся сообщениями о богатствах великого дворца, удавалось ускользнуть от бдительности минойских крейсеров и стремительно броситься вверх от побережья, бастион с его вооруженной охраной был достаточен, чтобы справиться с горсткой людей, которых можно было отрядить для такого дерзкого предприятия. Но в флоте Кносса заключалась ее судьба; и если бы флот потерпел неудачу, у нее не было бы второй линии обороны, на которую можно было бы опереться в случае серьезной атаки. Есть все основания полагать, что флот в конце концов потерпел поражение. Явные следы огромного пожара, возможно, повторявшегося не раз за долгую историю дворца, и тот знаменательный факт, что металлические суда на этом месте практически неизвестны, а от золота не осталось и следа, за исключением разрозненных кусочков золотой фольги, указывают либо на то, что минойские государи не смогли сохранить оружие, которое создавало и охраняло их империю, либо на то, что минойские моряки встретили, наконец, более сильный флот или более искусных мореплавателей. Морская мощь была утрачена, а вместе с ней и все остальное.

Рядом с главным северным входом во дворец было найдено одно из величайших художественных сокровищ сезона работ. Это был гипсовый рельеф головы огромного быка, который когда-то был частью целой фигуры. Эти фигуры быков, как мы уже видели в связи с Тиринским дворцом, были одними из самых любимых предметов микенского и минойского искусства; но ничего столь прекрасного, как Кносский рельеф, до сих пор не было обнаружено. Он выполнен в натуральную величину или немного больше, и смоделирован в высоком рельефе. Глаз необычайно выделяется, его зрачок желтый, а радужная оболочка ярко-красная, из которой к нижней окружности шара появляются более узкие полосы, окружающие белый цвет. Рог серовато-голубого цвета, и как он, так и другие части рельефа выполнены из исключительно твердого гипса, соответствующего итальянскому *gesso duro*..... В таком виде этот раскрашенный рельеф является самым великолепным памятником микенской пластики, дошедшим до нашего времени. Изображение быка, к которому художники того времени проявляли столь большое пристрастие, полно жизни и духа. В нем в высокой степени сочетаются натурализм и величие, и не будет преувеличением сказать, что ни одна фигура быка, одновременно столь мощная и правдивая, не была создана более поздним классическим искусством"[*] [Пластина XIII](#). показывает, что эта высокая оценка не является незаслуженной; чтобы сравниться с натурализмом этого великолепного минойского монстра, необходимо обратиться к рельефам гробниц Старого царства в Египте или к изысканной статуе коровы Восемнадцатой династии, найденной в 1906 году Навилем из храма Ментухотепа Неб-хапет-Ра в Дейр-эль-Бахри.

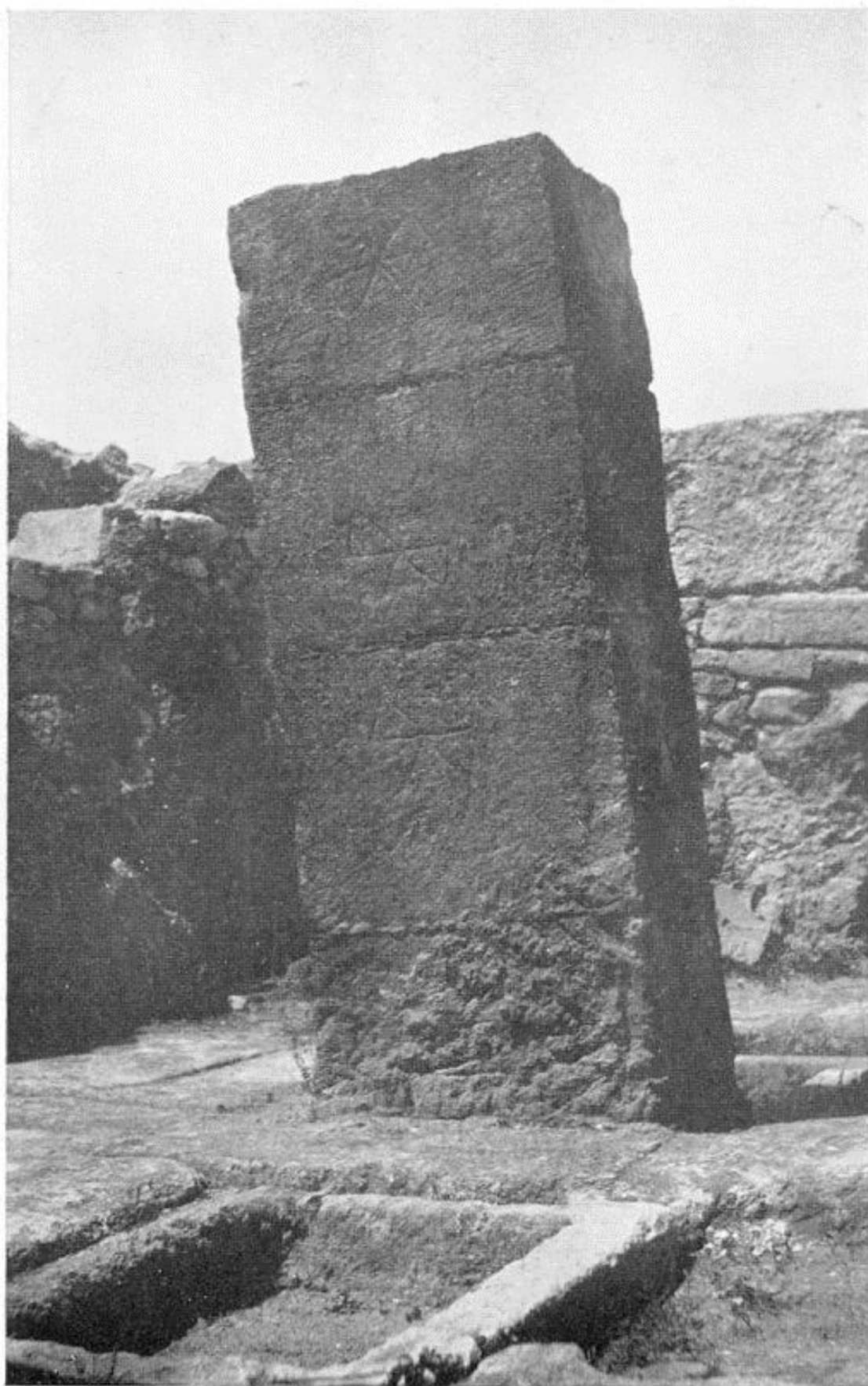
[Сноска *: *Annual of the British School at Athens*, vol. vi., p. 52].

Но открытием, которое, несомненно, в конечном итоге окажется важнее всех остальных, хотя пока основная часть его ценности остается скрытой, было обнаружение большого количества глиняных табличек с надписями на неизвестной письменности минойцев. К концу марта находка одной таблички возле Южного портика дала надежду на будущие открытия, а до конца сезона из различных месторождений дворца было собрано более тысячи. Из них одна содержала таблички, написанные иероглифами, а остальные - линейным письмом, "высокоразвитой формой, с регулярными делениями между словами, и по изяществу едва ли превзойденной любой более поздней формой письма". Таблички различаются по форме и размеру: одни представляют собой плоские, вытянутые бруски от двух до семи с половиной дюймов в длину, другие - более квадратные, вплоть до малого октаво. Некоторые из них, наряду с линейным письмом, снабжены иллюстрациями объектов, к которым относятся надписи. Здесь есть человеческие фигуры, колесницы и лошади,

кирасы и топоры, дома и амбары, а также слитки, сопровождаемые весами и цифрами, которые, вероятно, указывают на их стоимость в минойских талантах. Похоже, что это были документы, относящиеся к царским арсеналам и сокровищницам. Другие документы, в которых нельзя найти ни шифров, ни живописных иллюстраций, могут еще сильнее поразить воображение. Аналогия с более или менее современными табличками, написанными клинописью, найденными во дворце Телль-эль-Амарна, может заставить нас ожидать среди них письма от дальних правителей или дипломатическую переписку. Вероятно, некоторые из них представляют собой договоры или государственные акты, которые могут дать некоторые фактические формулы минойского законодательства. В том, как были закреплены эти записи, действительно ощущается атмосфера юридической тонкости, достойная дома Миноса. Узлы веревки, которые, согласно древней моде, служили замками для сундуков, содержащих скрижали, были сделаны неприкосновенными благодаря прикреплению глиняных печатей, оттиснутых с тонко выгравированными печатями, типы которых представляли большое разнообразие предметов, таких как корабли, колесницы, религиозные сцены, львы, быки и другие животные. Но как будто эта мера предосторожности сама по себе не считалась достаточной - пока глина была еще влажной, на лицевой стороне печати ставился контрольный знак, а на обратной стороне - надпись тем же микенским шрифтом, что и на самих скрижалях"[*].

[Сноска *: *Monthly Review*, March, 1901, pp. 129, 130].

Скрижали хранились в деревянных, глиняных или гипсовых сундуках. Деревянные сундуки погибли во время великого пожара, разрушившего дворец, и от них остались лишь обугленные фрагменты; но уничтожающий огонь, вероятно, способствовал сохранению драгоценных письменностей внутри, более тщательно пропекая глину, из которой они были сделаны. Несмотря на все усилия, расшифровать надписи пока не удалось, поскольку до сих пор не было такой удачи, как обнаружение двуязычной надписи, которая сделала бы для минойского языка то же, что Розеттский камень сделал для египетских иероглифов. Но не исключено, что еще появится какой-нибудь договор между Критом и Египтом, который даст ключ в руки нетерпеливому искателю и позволит нам прочитать оригинальные записи этого давно забытого царства ([Plate XIV](#)).

ПЛАНШЕТЫ С ДВУМЯ ОСЯМИ (стр. 70)

Даже в таком виде открытие этих табличек изменило всю концепцию относительного возраста различных ранних зачатков письменности в Восточном Средиземноморье. Видно, что эллинская письменность, по всей вероятности, не была поздним ребенком финикийской, а имела собственного предка; и старая критская традиция, на которую доктор Эванс опирался в начале своей работы, оказалась вполне обоснованной. В любом случае, - говорит доктор Эванс, подводя итоги первого года работы, - весомый вопрос, который за много лет до этого я задался целью решить на критской земле, нашел, по крайней мере, пока, ответ. Эта великая ранняя цивилизация не была немой, и письменные источники эллинского мира были перенесены на семь веков назад, за пределы даты первых известных исторических сочинений. Но что, пожалуй, еще более примечательно, чем это, так это то, что при детальном рассмотрении линейного письма этих микенских документов невозможно не признать, что перед нами система письма, слоговая и, возможно, частично алфавитная, которая стоит на явно более высоком уровне развития, чем иероглифы Египта или клинопись современной Сирии и Вавилонии. Первые датированные образцы финикийского письма мы находим лишь спустя примерно пять веков"[*].

[Сноска *: *Monthly Review*, March, 1901, p. 130].

Среди других находок этого замечательного сезона работы были несколько каменных ваз искусной работы из мрамора, алебаstra и стеатита, несколько ваз из керамики типа "стремя" (тип, распространенный на других микенских объектах, но заметно редкий в Кноссе, вероятно, потому, что в большом дворце большинство таких ваз были металлическими и уносились грабителями при разграблении), а также благородная голова львицы с инкрустированными глазами и ноздрями, которая, очевидно, когда-то была частью фонтана. Еще одна находка была наиболее ценной, не из-за своей художественной ценности, которая и так невелика, а из-за связи, которую она дает с одной из других великих родственных цивилизаций древнего мира. Это была нижняя часть небольшой диоритовой статуэтки египетской работы с иероглифической надписью, которая гласила: 'Ab-nub-mes-Sebek-user maat-kheru' (ребенок Ab-nub, Sebek-user, умерший). Имя человека и стиль статуэтки указывают на то, что Себек-узер, кем бы он ни был, был египтянином последних дней Среднего царства, вероятно, примерно тринадцатой династии. Это первое звено в цепи доказательств, которые, как мы увидим позже, свидетельствуют о непрерывной связи между минойской и нилотской цивилизациями.

Через девять недель после начала раскопок на холме Кефала сезон работ был завершен, и, конечно, никогда еще подобный период времени не был более плодотворным для свежих знаний, более освещающим условия древней жизни или более разрушающим охрипшие предрассудки. Это был новый мир, новый в силу своей древности, который начал подниматься из погребенного прошлого по зову терпеливого исследователя.

ГЛАВА V

Дворец "БРАУД КНОССОС" (продолжение)

Открытия 1900 года, какими бы важными они ни были, очевидно, далеко не исчерпали скрытые сокровища дома Миноса; но даже сам исследователь, который говорил о своей задаче как о "едва наполовину выполненной" в первый год работы, не представлял себе ни масштабов задачи, которая еще стояла перед ним, ни богатства результатов, которые ей суждено было принести. Ранние работы второго года привели к дальнейшему раскрытию большой площади западного двора дворца, который, по-видимому, служил местом встреч между жителями Кносса и их царскими хозяевами. Здесь, вероятно, велись все дела между

городом и дворцом; сюда привозили, принимали и оплачивали товары дворцовые управители и передавали их в большие магазины; здесь же, возможно, древние жители Кносса собирались на совет, чтобы обсудить дела, как это делали греческие мужи в "Илиаде", а царь восседал в западном портике, председательствуя за их обсуждениями. Сам портик с его деревянной центральной колонной высотой 16 футов, должно быть, был достаточно внушительным сооружением, а большой двор, на который он выходил, длиной более 160 футов, должен был представлять собой величественное место для собраний граждан. Будь то рыночная площадь или зал заседаний совета под открытым небом, этот Западный двор, должно быть, представлял собой яркое и оживленное зрелище, когда процветание Минойской империи было на пике. Вдоль внешней стены дворца, выходящей на площадку, проходил выступающий цоколь, служивший местом, где купцы или поданные могли ждать, укрывшись от солнца в тени огромного здания у их спин, пока не решатся их дела (Plate XV. 1). Тем временем они могли коротать время, наблюдая за постоянно меняющейся картиной перед ними, где задорные придворные, с золотом и драгоценностями на шее и руках, смешивались с серьезными горожанами или собирались вокруг египетского гостя, недавно прибывшего на борту одного из кораблей Кефтиу, чтобы обсудить какие-то торговые вопросы - чистая и строгая на вид фигура в одежде из чистого белого льна рядом с более вульгарно одетыми минойцами. Когда глаза уставали от солнечных бликов на красной цементной мостовой и блестящей толпы, они могли обратиться к стене позади себя, где над головой простиралась широкая зона фресковой росписи святилищ со сценами религии, условными украшениями и реалистичными изображениями больших быков, которые играли столь заметную, а иногда и трагическую роль в минойской экономике.

Но главные открытия сезона должны были находиться на противоположной от Западного двора стороне здания. Центральный двор, вместо того чтобы быть, как казалось вначале, границей здания с восточной стороны, теперь оказался средоточием внутренней жизни дворца. На его восточной окраине по мере продвижения раскопок обнаружилась масса зданий, по значимости полностью равных западным, а возможно, и представляющих еще больший интерес. Здесь уклон земли был таков, что этажи нагромождались друг на друга еще до того, как был достигнут уровень Центрального двора, так что с этой стороны сохранился не только цоколь здания, но и целый комплекс помещений, спускавшихся от центральной части на разные уровни и соединенных между собой большой лестницей, которая, как выяснилось в ходе раскопок этого и последующих сезонов, имела не менее пяти ступеней. Из этой лестницы сохранилось тридцать восемь ступеней, и удача распорядилась так, что при разрушении дворца некоторые верхние палаты обрушились таким образом, что их обломки фактически подперли лестницу и некоторые верхние перекрытия и удержали их на месте; таким образом, удалось восстановить значительную часть расположения различных комнат и этажей в этой четверти здания (Plate XVI. 1). Далеко внизу под уровнем Центрального двора находился прекрасный Колонный зал площадью около 26 футов, , из которого в верхний квартал вела большая лестница с колоннами и балюстрадами (Plate XVII. 2), а к нему примыкал величественный и прекрасно спроектированный зал - Зал двойных осей - около 80 футов в длину на 26 футов в ширину, разделенный поперек рядом квадратных колонн (Plate XVII. 1). В этой части здания, особенно в Колонном зале, пожар, в котором нашли свое завершение слава Кносса, был чрезвычайно сильным, и следы яростного горения были повсюду. В небольшой комнате на верхнем этаже, пол которой находился рядом с нынешней поверхностью земли, были обнаружены свидетельства, позволяющие предположить, что катастрофа дворца, в какой бы форме она ни произошла, произошла внезапно и неожиданно. Помещение, очевидно, служило мастерской скульптора, а художник, который его использовал, занимался изготовлением тех великолепных сосудов из резного камня, которыми восхищались минойские магнаты. Один из них все еще стоял в

комнате, законченный и готовый к транспортировке. Он был вырезан из известняка с прожилками, приближающегося по текстуре к мрамору, и имел благородные пропорции: высота 27¼ дюйма, обхват 6 футов 8¾ дюйма, а вес такой, что потребовалось одиннадцать человек, чтобы вынести его из комнаты, где он так долго ждал своего воскрешения. Его мастерство было превосходным. Верхний обод был украшен спиральной полосой, вокруг выпуклого плеча проходила еще одна спираль, центральные витки которой рельефно вырисовывались в форме раковины улитки, а трех ручках был еще один спиральный узор. Но рядом с ней стояла другая амфора, меньше своей соседки и дающая безошибочное доказательство того, что работа художника была внезапно прервана, так как она была только обтесана, а ее украшение не было начато. Умелая рука, которая должна была закончить ее, возможно, схватилась за меч или копье в последней тщетной попытке отразить нападение захватчика, и нам остается только удивляться его полуфабрикату и представлять, какая несчастливая судьба постигла работника, и для какого неизвестного мастера, если он пережил разграбление, он мог использовать мастерство, которое когда-то удовлетворило изысканный вкус его минойского повелителя.

Недалеко от мастерской скульптора, в том же квартале дворца, было найдено великолепное и убедительное доказательство великолепия обстановки дома Миноса в его лучшие времена. Это была доска, явно предназначенная для какой-то игры, возможно, напоминающей шашки или шахматы, в которой люди перемещались туда-сюда с противоположных концов. Доска была более ярда в длину и более полуярда в ширину. Ее каркас был сделан из слоновой кости, которая первоначально была покрыта тонкой золотой пластиной, и покрыт мозаикой из полос и дисков из горного хрусталя, которые, в свою очередь, были покрыты попеременно серебряной и голубой эмалевой пастой. По краям доски проходила кайма из маргеритов, центральными боссами которых были выпуклые диски из горного хрусталя, которые, вероятно, первоначально были вставлены в синий пастовый фон. В верхней части доски находились четыре прекрасных рельефа, изображающих раковины наutilus, окруженные хрустальными бляшками и украшенные хрусталем. Под ними располагались четыре больших медальона, помещенные среди хрустальных планок, подложенных серебряной пластиной, а затем одиннадцать планок из ребристого хрусталя и слоновой кости, чередующихся друг с другом. Восемь более коротких планок из хрусталя, покрытых синей эмалью, заполняют пространства по обе стороны от самой верхней секции в нижней части доски, состоящей из двустворчатого отделения с десятью круглыми отверстиями, медальоны которых выбиты, но, вероятно, были из хрусталя, покрытого серебром. Оставшееся пространство доски заполнено плоскими планками из позолоченной слоновой кости, чередующимися с планками из хрусталя на синей эмалевой оправе. Простое описание декора не дает представления о великолепии произведения, которое, по словам профессора Берроуза, "не поддается описанию, с его сиянием золота и серебра, слоновой кости и хрусталя". Позднеминойский монарх, использовавший его, - ведь столь великолепное изделие вряд ли могло быть предназначено для кого-то, кроме короля, - должен был быть столь же великолепен в своих развлечениях, как и во всех других принадлежностях своей королевской власти ([Plate XVIII.](#)).

Игровая доска отражала более светлую и невинную сторону дворцовой жизни. На более мрачный и трагический аспект ее намекала фреска, найденная в следующем сезоне среди обломков, выпавших из камеры, выходящей на так называемый Двор оливковых колосьев. Это было изображение тех видов спорта на арене, которыми, очевидно, так увлекались минойские и микенские монархи, и в которых главными фигурами были огромные быки и тореадоры. В данном случае изображены три тореадора, две девушки и юноша, с одним быком. Девушки отличаются белой кожей, более пестрыми костюмами, синими и красными

диадемами и более кудрявыми волосами, но в остальном они одеты так же, как и их спутники-мужчины. В центре картины - огромный бык в полном вооружении. Мальчику-тореадору удалось поймать чудовище за рога и сделать кувырок через спину, а одна из девушек протягивает руки, чтобы поймать его, когда он опускается на землю. Но другая девушка, стоящая перед быком, как раз в критический момент жестокого поединка. Огромные рога почти проходят под ее руками, и кажется, что шансы на то, что ей удастся поймать их и перемахнуть, как это сделала ее спутница, через спину быка, почти равны, или же она потерпит неудачу и будет загрызена до смерти. При таком виде спорта, где жизнь или смерть зависели от одного мгновения, где промах ногой, неверная оценка расстояния, дрогнувшая рука или взгляд означали ужасную гибель, мы можем быть уверены, что трагедий на минойском ринге быков было много и они были ужасны. И что прекрасные дамы Кносского дворца, какими бы современными по костюму и внешнему виду они нам ни казались, были так же привычны к сценам жестокого кровопролития, как и любая римская дама, наблюдавшая за спортом в Колизее и видевшая, как гладиаторы рубят друг друга на куски ради своего удовольствия.

То, что спорт на ринге с быками, и особенно такая захватывающая и опасная игра, как схватка с быком, или ταυροκαθισια, была устоявшейся и привычной формой минойского спорта, доказывается множеством сохранившихся изображений этого вида спорта. Заряжающийся бык из Тирина, первый из обнаруженных, был загадкой до тех пор, пока он стоял один; но это лишь одно из целой череды подобных изображений - нарисованных на стенах, выгравированных на драгоценных камнях и оттиснутых на оттисках печатей - которые показывают, что критяне и микенцы любили свои бои с быками не меньше, чем современный испанец свои.

Где они брали тореадоров, мужчин и женщин, чьи жизни должны были быть посвящены такому ужасному виду спорта - спорту, который практически неизбежно рано или поздно заканчивался фатально? Во всяком случае, мы можем быть абсолютно уверены, что борьба с быком не была добровольным занятием даже для мужчин, а тем более для женщин-тореадоров; одно из открытий, сделанных во время раскопок 1901 года и продолженных позже, дало свое объяснение. Недалеко от северного входа во дворец, под комнатой, где годом ранее была найдена фреска с изображением Мальчика, собирающего крокусы - невинная фигура, прикрывающая столь мрачное откровение, - обнаружили стены двух глубоких ям, спускавшихся почти на 25 футов в девственную почву. Ямы были выложены камнем, облицованным гладким цементом, и кажется наиболее вероятным, что это были подземелья дворца, в которых, как мы можем предположить, несчастные пленники, привезенные флотом великого короля из завоевательных и грабительских походов, и дань, выплачиваемая завоеванными государствами, влачили свое существование, пока не приходило время либо тренироваться для жестокого спорта, которому они были посвящены, либо действительно занимать свое место на арене для быков. Если это так, то подземелья Миноса достаточно надежно удерживали пленников; выбраться из глубоких ям с гладкими и скользкими стенами было практически невозможно, разве что попустительство со стороны стражников или вмешательство какой-нибудь нежной Ариадны.

Если бы эти мрачные стены могли рассказать историю обреченных жизней, которые они когда-то заключили, мы, вероятно, смогли бы осознать, даже более полно, чем сейчас, теневую сторону всего сверкающего великолепия Кносса, и мрачный элемент варварской жестокости, который смешивался с утонченным художественным вкусом и восхищением всеми формами красоты. Ни в одной из этих великих цивилизаций древнего мира великолепие и жестокость не были отделены друг от друга большим промежутком времени, и

ни одна из самых замечательных степеней утонченности не сочеталась с беспечным отношением к жизни и даже с такой жаждой крови, которую мы считаем более естественной в дикарском состоянии; Но редко когда свидетельства этих двух вещей лежат так близко друг к другу, как в Кноссе, где невинная фигура собирателя крокусов почти закрывает устье ужасной ямы, в которой пленники Миноса ждали того дня, когда их жизни должны были быть поставлены на карту опасности арены.

Среди других сокровищ, найденных в ходе работ этого сезона, было множество прекрасной расписной керамики, которая упала из верхних комнат в подвал, когда рухнули полы дворца. Некоторые фрагменты принадлежали к раннему полихромному стилю, известному как "камаресская посуда", из пещеры на южном склоне горы Ида, где ее впервые обнаружил мистер Дж. Л. Майрес. Ее орнаменты чисто условны и в значительной степени геометричны - зигзаги, кресты, спирали и концентрические полукруги - и выполнены в красивых оттенках коричневого, красного, желтого, черного и белого, причем иногда орнамент темный на светлом фоне, а иногда светлый на темном. Необычайная тонкость стенок этих полихромных сосудов и тонкость глины, из которой они изготовлены, показывают, какого уровня достигло гончарное ремесло в ранний период, к которому они относятся. Из более поздней керамики Кносса, в которой вместо традиционных полихромных узоров периода Камареса используются натуралистические мотивы, выполненные в монохроме, также было найдено много образцов во время раскопок этого сезона.

Фрески предыдущего года были дополнены открытием ряда других, представляющих собой зоны человеческих фигур, примерно в треть натуральной величины, расположенных на синих и желтых полях с тройной каймой из черных, красных и белых полос. Одна из хорошо сохранившихся фигур - девушка с очень большими глазами, губами ярко-красного цвета и вьющимися черными волосами. Ее платье с высокой тульей перекинута через плечо с пучком синих, с красными и черными полосами, бахромой на концах. Кайма того же халата, украшенная более мелкими петлями, пересекает грудь, а между ее синими и красными полосами виднеется белый оттенок кожи, свидетельствующий о том, что материал халата был пеленой. Рельефная лепнина была представлена фрагментами фигуры в натуральную величину, которую М. Жильерон собрал воедино и которая, должно быть, принадлежала какому-то минойскому царю. На голове - корона с флердоранжем и павлиньими перьями, а вокруг шеи тонко смоделированного торса проходит воротник с орнаментом из флердоранжа.

Снова подтвердилась связь Кносса с Египтом, и на этот раз самым интересным образом. У стены ванной комнаты, которая была раскопана у северо-западной стороны Северного портика, была найдена крышка египетского алебастрона с картушем царя, который гласит: "Нетер нефер С'юзер-ен-Ра, са Ра Хян". Это имя одного из самых известных царей загадочной расы гиксосов - Хиана - "Объяснителя земель", как он себя называл, один из памятников которого, в виде фигуры льва, высеченной из гранита, с его картушем на груди, был найден далеко на востоке, в Багдаде, и сейчас находится в Британском музее. Статуэтка Себека-Усера, сына Аб-нуба, свидетельствует о связи между Кноссом и Египтом во времена позднего Среднего царства. Этот картуш Хиана показывает, что связь поддерживалась и в тот темный период египетской истории, который лежал между падением Среднего царства и возвышением Империи. Взаимодействие между Критом и Египтом, однако, уходит гораздо дальше, чем господство гиксосов или Среднее царство. Находки различных каменных сосудов из полупрозрачного диорита и других твердых материалов, знакомых изучающим раннеегипетские работы как характерные для вкуса самых ранних династий, показывают, что для начала связи между двумя великими империями мы должны вернуться к ранним дням

Старого царства в Египте. Две цивилизации, как мы увидим позже, можно сопоставить период за периодом с самых ранних времен до катастрофы в Кноссе.

Среди оттисков печатей в глине, которые были найдены в значительном количестве в этом сезоне, было два, заслуживающих внимания: один - большой важности, другой - едва ли важный, но, по крайней мере, интересный. Первый оттиск представлял собой изображение женской божественной фигуры, одетой в обычную для микенского периода одежду с воланами, стоящей на священном камне, на который опираются передними лапами два льва-хранителя; расположение рисунка во многом совпадает с рельефом на Львиных воротах в Микене, только фигура богини занимает место священного столба. В руках богиня держит что-то, что может быть либо оружием, либо скипетром, а перед ней стоит мужчина-жертва в позе поклонения. На заднем плане - святилище со священными колоннами, перед которыми возвышаются "рога посвящения", характерные для минойских храмов, как, видимо, и для других восточных культовых сооружений. Второй находкой стала глиняная матрица, сформированная по оттиску настоящей печати и, очевидно, предназначенная для изготовления поддельных оттисков. Фактически мы имеем здесь свидетельство, обнаруженное спустя три тысячелетия, о какой-то очень древней попытке подделки в самом дворце великого законодателя.

Главным результатом сезона 1902 года стала практическая реконструкция значительной части Восточного или Внутреннего квартала дворца. Главным помещением в этой части здания был Мегарон царицы - внутренняя камера, разделенная поперечным рядом колонн, вдоль основания которых проходило возвышенное сиденье, где, несомненно, сидели и сплетничали фрейлины минойского двора. Портик с колоннами открывался на другую вытянутую площадку, характерную для минойской архитектуры, которая служила световым колодезем, освещавшим внутреннее помещение. Колодец был покрыт блестящей белой штукатуркой, на которой сохранились остатки фрески птицы - длинное, изогнутое крыло с перьями красного, синего, желтого, белого и черного цветов. К мегарону царицы примыкала небольшая ванная комната, построенная для переносной ванны, фрагмент которой, расписанный терракотой, был найден в портике прилегающего зала.

Фреска боя быков, о которой уже говорилось, была параллельна по сюжету и более чем соответствовала по художественному качеству, когда в небольшой уединенной комнате, которая, очевидно, служила сокровищницей, было обнаружено множество статуэток из слоновой кости самой изысканной работы. Высота наиболее сохранившегося экземпляра составляет около 11½ дюймов, и трудно сказать, что больше восхищает - смелость замысла или точность, с которой проработаны детали крошечной фигурки. В позе человека, совершающего стремительный прыжок вперед, вытянуты ноги и руки. Его напряженные мышцы прорисованы с идеальной точностью, и даже вены на миниатюрной руке и ногти на крошечных пальчиках четко обозначены. Волосы были сформированы завивающимися прядями из тонкой золотой проволоки, вставленной в череп. Нет никаких сомнений в том, что эти фигуры были частью сцены, подобной той, что изображена на фреске Тореадора, так как предлагаемое бурное движение не может быть ничем иным, как отчаянным подвигом, похожим на схватку с быком. Возможно, прыгающие фигуры были подвешены на тонких золотых проволоках над спинами быков из слоновой кости и таким образом представляли собой реалистичную миниатюрную репродукцию минойского кольца с быками. Необычайное количество подобных сцен в живописи, в круге, на драгоценных камнях и оттисках печатей помогает понять, насколько страсть к боям с быками, или, скорее, к борьбе с быками, владела умами критян, что, несомненно, связано с важной ролью, которую бык, по-видимому, играл в минойской религии ([Plate XIX](#)).

Минойская мощеная дорога (стр. 110)

СЕВЕРНЫЙ ВХОД, КНОССОС (стр. 75)

Одна из находок сезона оказалась особенно полезной и интересной, поскольку дала значительную массу материала для реконструкции облика минойского города. Большой сундук из кипарисового дерева, в котором, возможно, когда-то хранила свои запасы белья Кносская Наусикаа, был украшен рядом эмалированных дощечек, изображающих минойский город с его башнями и домами, полями, скотом и садами. Сам сундук погиб при пожаре во дворце, оставив после себя лишь обугленную массу деревянных изделий, но бляшки уцелели. На некоторых из них изображены дома, очевидно, из дерева и штукатурки, так как на фасаде видны круглые концы балок. На первом этаже находятся двери, в некоторых случаях двойные; выше - второй и третий этажи с рядами окон, заделанных красным материалом, который, возможно, был промасленным и тонированным пергаментом; некоторые дома имеют мансардный этаж с окнами выше третьего этажа.

Очевидно, что дома минойских горожан не были тесными глинобитными лачугами, отделенными друг от друга лишь узкими переулками, которые характеризуют план египетского города, обнаруженного Петри в Иллахуне, а были основательными сооружениями, предоставляющими жилье, которое даже по современным представлениям показалось бы респектабельным. Конечно, следует предположить, что бедные кварталы города вряд ли были бы представлены на ткани, предназначенной для дворца; но реальные остатки минойского города, раскопанные в Гурнии миссис Х. Б. Хоуз, показывают, что этот город, по крайней мере, в значительной степени состоял из домов, которые должны были довольно близко напоминать те, что изображены на фарфоровых табличках из Кносса.

Однако самым удивительным во многих отношениях стало открытие удивительно полной системы дренажа, которой был оснащен дворец. Уклон холма, под которым располагался жилой квартал здания, позволил архитектору организовать дренажную систему такой полноты, которая не только не имеет аналогов в древности, но и с которой трудно было бы сравниться в Европе вплоть до середины XIX века нашей эры. Несколько каменных шахт, спускающихся с верхних этажей, ведут к хорошо построенному каменному водоводу размером 1 метр на 1/2 метра, внутренняя поверхность которого выложена гладким цементом. Эти шахты предназначались для отвода в этот главный канал поверхностной воды с крыш дворцовых зданий и, таким образом, обеспечивали периодическую промывку стоков. В связи с этой системой поверхностного водоснабжения была разработана система уборных и других приспособлений санитарного характера, которые по своему устройству "поражают воображение".

В северо-восточном квартале, под Коридором игровой доски, до сих пор сохранились некоторые терракотовые трубы, которые служили для подключения к главному стоку. На самом деле это соединенные краном трубы вполне современного типа, каждая секция длиной 2½ фута и диаметром 6 дюймов на широком конце, и сужающиеся до 4 дюймов на меньшем конце. Заедание тщательно предотвращалось с помощью ограничительного гребня, который проходил по внешней стороне каждого узкого конца в нескольких дюймах от устья, а внутренняя часть стыка, или более широкого конца, была снабжена приподнятым воротником, который позволял выдерживать давление ограничительного гребня следующей трубы и обеспечивал дополнительный упор для цемента, скрепляющего две трубы вместе"[*] (Plate XX. 2).

[Сноска *: R. M. Burrows, "The Discoveries in Crete", p. 9].

Действительно, гидравлическая наука минойских архитекторов удивительна по полноте, с которой она предусмотрела даже самые мелкие детали. На лестнице у восточного бастиона, в нижней части склона, по линии ступеней проходит каменная воронка для отвода поверхностных вод. Чтобы из-за крутизны уклона вода не спускалась слишком быстро и не заливала тротуар внизу, воронка построена таким образом, что вода движется по параболическим кривым, а быстрота ее падения сдерживается трением. Главные стоки снабжены люками для контроля, и "они настолько просторны, - говорит доктор Эванс, - что двое моих критских рабочих провели в них несколько дней, очищая их от накопившейся земли и мусора, не испытывая физических неудобств". Те, кто помнит многочисленные описания санитарных условий, а точнее, их отсутствия, в таком городе, как Эдинбург конца XVIII века, лучше всего оценят заботу и предусмотрительность, с которой минойские архитекторы, более чем за 3 000 лет до этого, обеспечили санитарные условия в большом дворце Миноса (таблички XVI. 2 и XX. 1).

Переходя от материального к духовному, в двух случаях были найдены свидетельства религиозных представлений обитателей дворца. В одной из ранних камер был найден небольшой раскрашенный терракотовый объект, состоящий из группы трех колонн, стоящих на продолговатой платформе. Квадратные капители колонн несли по две круглые балки, концы которых показывали, как в случае со столбом на Львиных воротах в Микенах; на вершине балок сидели голуби. Вот свидетельство культа, в котором богине-голубице - богине воздуха - поклонялись в форме триединства столбов; Подтверждением существования такой формы верований стало обнаружение в юго-восточном углу дворца небольшого святилища, в котором, наряду с обычными "рогами посвящения" и священными двойными топорами, были найдены три фигуры богини, весьма архаичной формы, на голове одной из которых сидел голубь. Двойные топоры в святилище еще раз подчеркнули важность Лабриса в дворцовом культе, а также подчеркнули предположение о том, что Кносский дворец - это не что иное, как легендарный Лабиринт Миноса. То, что символ *Лабриса* должен быть отличительным культовым знаком минойского дворца, делает все более вероятным, что мы должны признать в этом огромном здании с его лабиринтом коридоров и камер и сетью подземных каналов местное обиталище и название традиционного Лабиринта."[*]

[Сноска *: A. J. Evans, *Annual of the British School at Athens*, vol. viii., p. 103].

Сезон 1903 года был отмечен двумя важными открытиями на территории дворца. Сначала мы рассмотрим так называемую Театральную зону. ([пластины XXI.](#) и [XXII.](#)). Подобная зона была найдена итальянскими исследователями в Фесте, и естественно было ожидать, что в Кноссе не будет недостатка в чем-то подобном. Когда его нашли, он оказался более позднего времени и более развитой формы, чем сооружение в Фесте, но общая идея была та же. У крайнего северо-западного угла дворца, примыкающего к Западному двору, была обнаружена мощеная площадка размером 40 на 30 футов, разделенная по центру мостовой. С восточной и южной сторон к ней вели два яруса ступеней, причем восточный ярус в свое время состоял из восемнадцати рядов, а на южной стороне их было больше всего - шесть, уменьшавшихся до трех по мере того, как земля шла вверх. У юго-восточного угла, где сходились два яруса, между ними возвышался бастион из прочной каменной кладки.

РЕЛЬЕФ БОЛЬШОЙ ГОЛОВЫ (стр. 77)

Из статьи "Дворец Миноса" Артура Дж. Эванса в журнале *The Monthly Review*.

Эта площадка, для каких бы целей она ни предназначалась, очевидно, была неотъемлемой частью поздней структуры дворца, поскольку не менее пяти проходов сходятся к ней с разных сторон; но она ни в коем случае не была проезжей частью, и ряды ступеней вокруг нее никуда не ведут и не могли вести. Какова же была цель его существования? По мнению доктора Эванса, которое является общепринятым, это был своего рода примитивный театр, где обитатели дворца собирались, чтобы наблюдать за спортивными состязаниями и представлениями, ярусы ступеней обеспечивали им сидячее место, а бастион у юго-восточного угла мог быть своего рода королевской ложей, из которой минойское величество и его придворный круг наблюдали за играми. На ступенях можно было разместить около четырех или пяти сотен зрителей.

Следует признать, что в качестве театра это место оставляет желать лучшего. Неглубокие ступени, должно быть, делали сидячие места несколько неудобными, хотя следует помнить, что минойские дамы часто, по-видимому, принимали позу, больше похожую на сидение на корточках, а найденное в 1901 году сиденье, явно предназначенное для женщин, было лишь немногим более 5 дюймов в высоту. Но мужское достоинство требовало более возвышенных мест для сидения; высота сиденья трона Миноса составляет почти 23 дюйма, и зрители Кносского театра не могли быть одними женщинами. Форма площади также не кажется особенно хорошо приспособленной для предполагаемой цели; и в целом, если она действительно была предназначена для театра, мы должны признать, что минойские архитекторы были менее счастливы в ее возведении, чем в большинстве других своих работ. В то же время, однако, остается непреложный факт, что мы не можем предложить никакой другой мыслимой цели, которой могло бы служить это место; и поэтому, пока не будет предложено какое-то более вероятное использование, мы едва ли имеем право отрицательно относиться к теории доктора Эванса.

Если допустить, за неимением лучшего объяснения, что это могла быть театральная площадка, то какие игры или представления были здесь представлены минойскому двору и его приближенным? Конечно же, не бои быков. Для этого здесь явно нет места, так как плоская площадка не больше хорошей комнаты; а незащищенное положение зрителей привело бы к трагедии как для них, так и для тореадоров. Но из большого ритона, найденного в Агия Триада, из стеатитового рельефа, найденного в Кноссе в Игоре, и из различных оттисков печатей мы знаем, что бокс был одним из любимых видов спорта минойцев, как и у гомеровских и классических греков; и Театральная площадь могла служить достаточно хорошо для таких соревнований, как те, в которых Эпей нокаутировал Эвриала, а Одиссей разбил челюсть Ирусу. Или, возможно, это была сцена менее жестоких развлечений в форме танцев, таких как те, что радовали глаз Одиссея во дворце Алкиноса. Критяне и по сей день любят танцевать, а в древности танец часто имел религиозное значение и был частью обряда поклонения. Так что не исключено, что здесь находится место, связанное с домом Миноса как религиозно, так и литературно - "Хорос (или танцевальная площадка), который Дейдалус сделал в широком Кноссе для прекрасной Ариадны" (Илиада XVIII., 590).

Если Театральная площадь действительно является местом проведения дворцовых игр, то она представляет для нас не только исторический, но и романтический интерес; ведь Плутарх рассказывает, что именно на играх Ариадна впервые встретила Тесея и влюбилась в него, увидев его грацию и мастерство на борцовском ринге. Возможно, стоит побаловать воображение мыслью о том, что мы все еще можем видеть то самое место, где, пока мрачный царь и его богато украшенные придворные смотрели на спортивные состязания, которые были лишь прелюдией к ужасной трагедии, актеры одного из величайших романов мира

нашли любовь, ожидавшую их перед воротами смерти. В любом случае, это место вполне могло стать самым подходящим для рождения бессмертной истории о любви. Ведь не исключено, что в религиозном аспекте оно было связано с более великой, божественной тезкой человеческой Ариадны. Великая богиня Кносса, в одном из аспектов своей природы, была той самой, которую греки позже знали как Афродиту, пеннорожденную богиню любви. К этой богине на Крите был прикреплен эпитет на родном диалекте "Превосходящая Святую", "Ариадна", и Театральная область вполне могла быть местом, где исполнялись церемониальные танцы в ее честь.

В стенах дворца по ходу сезона были найдены многочисленные остатки прекрасной полихромной посуды среднеминойского периода. К подземельям, раскопанным в предыдущем году, добавились еще четыре, всего их стало шесть, и было показано, что эти ямы, должно быть, относятся к очень раннему периоду в истории зданий, поскольку они не имеют структурной связи со стенами Позднего дворца, которые, правда, в некоторых местах пересекают их. Но главным открытием на этой территории стали хранилища храмов. Как восточная часть дворца свидетельствует о том, что она была домашним кварталом, так и западно-центральная часть показывает следы того, что она имела особое религиозное значение в жизни дворца. Религия, действительно, кажется, занимала очень большое место в экономике дома Миноса, чего и следовало ожидать, если вспомнить о тесных отношениях между Зевсом и Миномом, как они изображены в легендах, и понять, что, вполне вероятно, цари Кносса были царями-жрецами, а возможно, и воплощениями бога-быка.

В западно-центральной части дворца очень часто встречался знак двойного топора, и другие свидетельства указывали на то, что где-то в этом районе должно было находиться какое-то святилище. Исследования этого сезона подтвердили это предположение, поскольку рядом с Колонным залом на западной стороне Центрального двора были обнаружены два больших циста, которые использовались для хранения предметов, связанных с дворцовым культом. Тот кувшин, который был открыт первым, был плотно заполнен вазами на глубину 1,10 м, а под ними находились фрагменты и целые образцы фаянса, включая фигуры богини-змеи и ее воительниц, votive одеяния и пояса, кубки и вазы с росписью, а также рельефы коров и телят, диких коз и детей. По сути, это хранилище было идеальной сокровищницей предметов фаянса; но во втором кургане таких предметов не оказалось, за исключением того, что была найдена недостающая часть Змеиной богини, а место фаянса заняли золотые фольгированные и хрустальные бляшки.

Некоторые из небольших фаянсовых рельефов отличаются особенно изысканным дизайном и исполнением, в частности, один из них изображает критскую дикую козу и ее детенышей; сюжет выполнен в бледно-зеленой гамме с темными сепийными пометками и отличается большой непосредственностью и натурализмом трактовки. Однако наибольший интерес представляют фигуры богини-змеи и ее воительниц. Высота богини составляет 13½ дюймов. На ней высокая диадема пурпурно-коричневого цвета с белой каймой, а платье состоит из богато расшитого жакета с кружевным лифом и юбки с коротким двойным *паниром* или фартуком. Ее волосы уложены в бахрому над лбом и спадают на шею и плечи; глаза и брови черные, а уши необычайно велики; бюст почти полностью обнажен. Но самая любопытная особенность маленькой фигурки в том, что вокруг нее обвиты три змеи. Одна, зажатая в правой руке, проходит вверх по руке, спускается за плечи и вниз по левой руке до кисти, которая держит хвост. Две другие змеи переплетаются вокруг ее бедер, а четвертая обвивается вокруг высокой диадемы. Фигура вотивной несколько похожа, но ее юбка воланирована по всей длине в обычном минойском стиле, а в правой руке она держит змею. Характерной чертой обеих фигур является современность линий, которые максимально

отличаются от статуй классической Греции. Талия очень тонкая, и в целом "линии, принятые для создания корсетов, считаются идеальными скорее для современного корсетмейкера, чем для скульптора".

Не приходится сомневаться, что эти миниатюрные фигурки указывают на поклонение земной богине, эмблемой которой является змея - другой аспект небесного божества, символом которого являются голуби. Можно отметить, что в Гурнии мисс Бойд (миссис Хоуз) нашла примитивную фигурку богини, обвитую змеями и сопровождаемую голубями, вместе с низким трехногим алтарем и знакомыми рожками для посвящения. Как ни странно, вместе со Змеиной богиней из Кносса в хранилищах был найден крест из мрамора с прожилками, с конечностями одинаковой длины, который, по мнению доктора Эванса, на самом деле был центральным объектом поклонения в культе, и который он поместил в этом положении в своей реконструкции маленького святилища. Это открытие, "указывающее на то, что крест ортодоксальной греческой формы был не только религиозным символом минойского культа, но и фактическим объектом поклонения, не может не представлять глубокого интереса в связи с более поздним культом той же эмблемы, который до сих пор удерживает христианский мир". Тот факт, что равноконечный крест был объектом поклонения в столь ранний период, также позволяет предположить причину, по которой Восточная церковь всегда предпочитала греческую форму креста неравноконечной форме Западной церкви.

За пределами территории самого дворца были сделаны открытия почти такой же важности. Примерно в 130 ярдах к востоку от Северного входа были обнаружены стены здания, которое доктор Эванс назвал Королевской виллой. Она оказалась самым прекрасным примером минойской домашней архитектуры умеренного масштаба и содержала прекрасно сохранившуюся двойную лестницу; среди реликвий, найденных в ее стенах, было несколько очень красивых образцов керамического искусства, включая прекрасную вазу "стремя" или "ложное горлышко" в стиле позднего дворца, украшенную блестящим оранжево-коричневым цветом на более бледной блестящей земле. Еще более красив высокий расписной кувшин высотой почти 4 фута с изысканным рельефным рисунком папируса ([Plate XXIII.](#)).

ГЛИНЯНАЯ ТАБЛЕТКА С ЛИНЕЙНЫМИ НАПИСАНИЯМИ, КНОССОС (сmp. 80 и 241)

Из статьи "Дворец Миноса" Артура Дж. Эванса в журнале *The Monthly Review*

Главной особенностью виллы был длинный зал с колоннами, размером примерно 37 на 15 футов. В одном конце его находился приподнятый дайс, отделенный балюстрадой от остальной части зала, к которому вело отверстие в балюстраде с тремя ступенями. Непосредственно перед проемом в стене за даисом пробита квадратная ниша, в которой стоят разбитые фрагменты гипсового трона. На второй ступени даиса стоит изящный каменный светильник из сиреневого гипса ([плита XXIV.](#)). Два ряда колонн, проходящих по залу, делят его на неф и боковые нефы, и зал представляет собой все элементы примитивной базилики, с ее троном для председательствующего епископа или царя-священника.

Возможно, здесь мы имеем первый намек на тот стиль архитектуры, который, пройдя этап, когда афинский царь Архонт заседал в базилике Стоа для рассмотрения дел о нечестии, нашел свое полное развитие, наконец, в римской базилике, самом раннем типе христианской церкви. Является ли царь-жрец Кносса, который здесь выносил свои решения, - говорит профессор Берроуз, - прямым предком претора и епископа, сидящего в апсиде внутри алтаря и обращающегося к людям, стоящим внизу в нефе и приделах?"[*]

[Сноска *: "Открытия на Крите", стр. 10, 11].

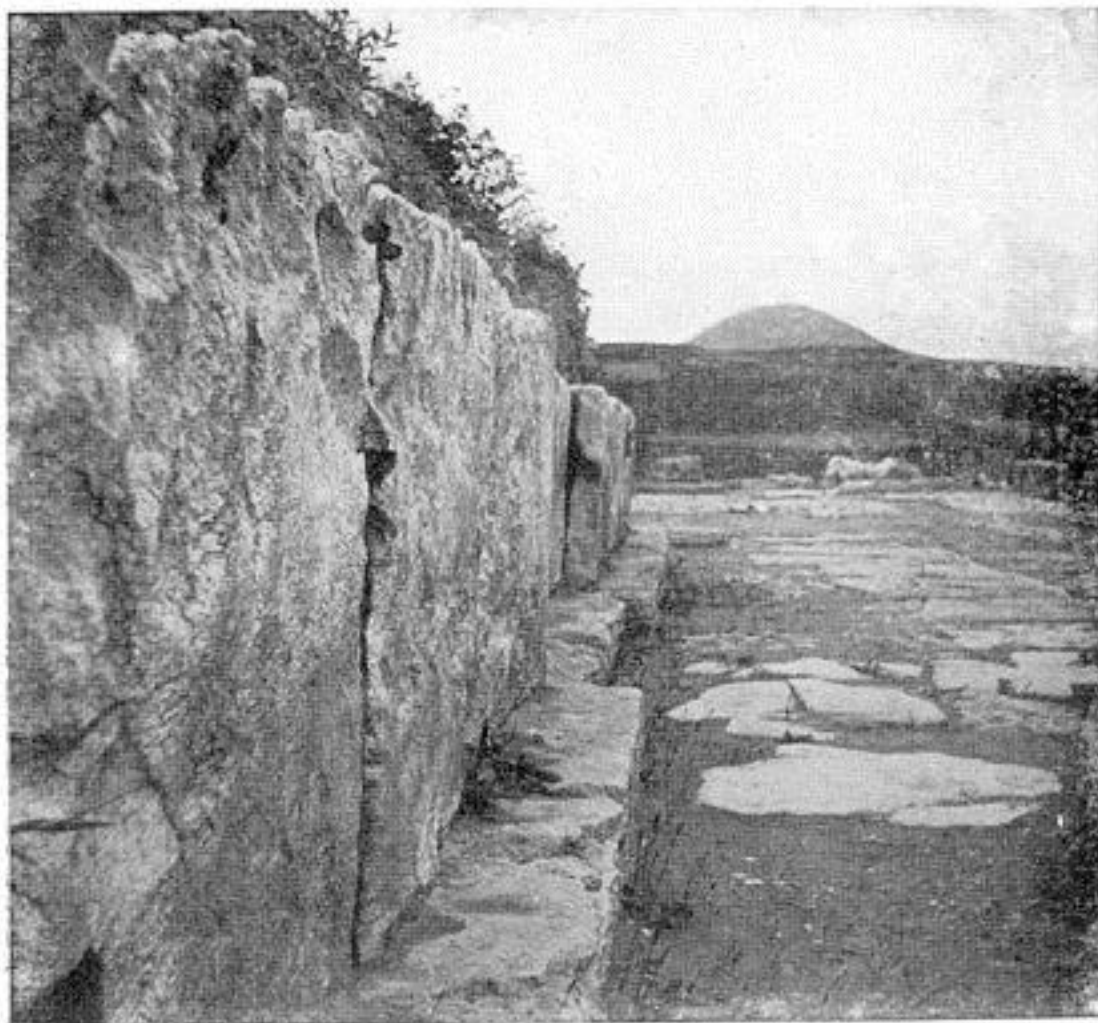
До сих пор в исследованиях Кносса металлические изделия были заметны своим отсутствием. То, что минойцы были искусными металлургами, очевидно, ведь многие из их керамических триумфов явно указывают на то, что они были адаптированы к металлическим формам; а золотые кубки Вафио, которые, без сомнения, были родом с Крита, свидетельствовали о мастерстве, которое не посрамило бы лучших ювелиров эпохи Возрождения. Но люди, кем бы они ни были, разграбившие дворец во время великой катастрофы, тщательно выполнили свою работу и не оставили после себя следов ни драгоценных металлов, ни бронзы. Однако оказалось, что в блоке зданий, который стоит между Западным двором и мощеной площадкой к северо-западу от дворца, по странной случайности сохранилось достаточно свидетельств искусства кноссских бронзолитейщиков. Один из этажей этого здания затонул во время пожара, прежде чем грабители успели исследовать помещение под ним, и под его обломками были найдены пять великолепных бронзовых сосудов - четыре больших таза и одноручный фужер. Самый большой таз, диаметром 39 сантиметров, отличается изысканной резьбой по краю и ручке, а на бортике другого изображены условные лилии.

Уже упоминалось о мощеной дорожке, которая пересекает Театральную зону дворца. В 1904 году было обнаружено, что она имеет продолжение в виде хорошо сделанной дороги, ведущей в северо-западном направлении к склону холма (Plate XII. 1). Она была перекрыта римской дорогой, и таким образом стало возможным интересное сравнение между минойской работой и работой великих дорожных мастеров более позднего времени. Римская дорога оказалась довольно неудачной для сравнения, ранняя конструкция превосходила ее во всех отношениях. Центральная часть минойской дороги состояла из хорошо вымощенной мостовой, шириной более 4½ футов, а по обе стороны от нее тянулась полоса из гальки, глины и колотых горшков, утрамбованных с большим трудом, в результате чего общая ширина дороги составила почти 12 футов. Недалеко от этого первого европейского примера научного строительства дорог проходили остатки водоводов, которые, возможно, вели от источника на горе Юктас, а рядом с дорогой были найдены глиняные таблички с подробным описанием количества колесниц, луков и стрел, а в непосредственной близости от них - два настоящих месторождения бронзовых наконечников для валов.

В 1905 году минойская дорога привела исследователей к важному зданию на склоне холма к северо-западу. Его исследование было крайне затруднено тем, что каменная кладка упиралась в склон холма, поросшего оливковым лесом, под корнями которого лежал слой, состоящий из остатков геракло-римских домов. Но когда здание было исследовано, оказалось, что оно стоило затраченных усилий, поскольку Малый дворец, как его называют, был важным сооружением с фасадом более 114 футов, а его зал с колоннами был достоин сравнения даже с прекрасными комнатами его великого соседа. В позднеминойские времена часть этого прекрасного зала использовалась в качестве святилища, и в нем, наряду с обычными "рогами посвящения", были найдены три идола-фетиша, гротескные природные образования квазичеловеческого типа. Самый крупный из них имел некоторое

сходство с женщиной крупных очертаний, в то время как меньшая конкреция напоминала фигуру младенца, а рядом с ней находилось грубое изображение критской дикой козы. Третий узелок был похож на обезьяну. Учитывая все религиозные ассоциации Крита, вряд ли можно сомневаться, что эти гротескные изображения, "сделанные не руками", представляют мать Рею, младенца Зевса и козу Амалтею. Культ камней, метеоритов и таких вкраплений, как эти из Малого дворца, был широко распространен во все века; достаточно вспомнить черный камень, составляющий самое священное сокровище Мекки, черный камень, стоявший в храме Великой Матери в Риме, и изображение великой богини Дианы в Эфесе, "упавшее с Юпитера". История Гесиода о том, как Кронос или Сатурн пожирал камень, полагая, что проглатывает младенца Зевса, очевидно, относится к воспоминаниям о культе, в котором поклонялись таким природным идолам, как эти.

До сих пор Кносс давал лишь одно небольшое и неадекватное изображение того мореходного предприятия, на котором зиждилась минойская держава, хотя даже оно по своему наводило на мысль о романтике и ужасе моря. Это был оттиск печати, найденный в 1903 году в хранилищах Храма, на котором огромное морское чудовище с собачьей головой и открытыми челюстями поднимается из волн и нападает на рыбака, который стоит в своем легком ялике, пытаясь защитить себя. Малый дворец дал несколько более адекватное представление о минойском море в виде другого оттиска печати, на котором изображена часть судна с одним квадратным парусом, приводимого в движение одним веслом, гребцы которого сидят под навесом. На фигуру судна наложена фигура гигантской лошади, и оттиск был истолкован как запись первого ввоза породистой лошади на Крит, вероятно, из Ливии, интерпретация, которая, кажется, требует определенной доли веры и воображения, так как критика Моссо, что "перспектива неисправна", очень мягкая. Но, по крайней мере, изображение самого судна дает нам некоторое представление о галерах, которые поддерживали минойский мир в Эгейском море.

(1) СТЕНА ДВОРЦА, ЗАПАДНАЯ СТОРОНА. Гора Юктас на заднем плане (*стр.* 84)

(2) ВАННАЯ КОМНАТА, КНОСС

Среди прочих сокровищ Малого дворца был сосуд из черного стеатита в форме головы быка. Идея была уже знакома по другим примерам, но исполнение этого образца было вне всякого сравнения. "Моделирование головы и вьющихся волос, - говорит доктор Эванс, - выполнено великолепно, а некоторые технические детали уникальны. Ноздри инкрустированы раковиной, похожей на ту, из которой делают камеи, а один глаз, который прекрасно сохранился, представляет собой еще более примечательную особенность. Глаз внутри глазницы был вырезан из куса горного хрусталя, зрачок и радужная оболочка были обозначены с помощью красок, нанесенных на нижнюю грань кристалла, который был выдолблен и обладал определенной увеличительной силой."[*] Изучающим раннеегипетское искусство будут напоминать детали глаз в статуях Рахотепа и Неферт, а также в бронзовой статуе Пепи. Даже после кноссских слоновых костей, фаянсовых статуэток, фаянсовых и гипсовых рельефов, - пишет г-н Хогарт, - после кноссских и агиа-триадских фресок, после тончайшей керамики "Камарес", тончайших инталий, кубков Вафио и клинков кинжалов Микенце, человек все еще не был готов к *ритону* с головой быка.... с нарисованными прозрачными глазами, восхитительной лепкой и поразительным контрастом между черным полированным стеатитом массы и кремовой камеей инкрустации"[**].

[Сноска *: The Times, 27 августа 1908 г.].

[Сноска **: *Fortnightly Review*, October, 1908, pp. 600, 601].

В самом дворце во время работ 1907 года была обнаружена огромная ульевая камера, вырытая в скале под Южным портиком. Она была заполнена более поздними обломками и черепками среднеминойского периода и, очевидно, относилась к периоду, предшествовавшему строительству даже самого раннего дворца. Его пол был достигнут только в 1908 году с помощью небольшой шахты на глубине 52 футов от вершины купола; до сих пор пол остается практически неисследованным, и можно ожидать, что он предоставит ценную информацию о раннеминойской культуре. Профессор Мюррей предположил, что этот огромный подземный свод может быть настоящим Лабиринтом из легенды, подземным храмом бога-быка и сценой мрачных трагедий, связанных с историей Минотавра; но для подтверждения или опровержения этого предположения мы должны подождать, пока сам великий свод не будет тщательно исследован.

Таковы, таким образом, выдающиеся результаты раскопок древнего дворца критских морских царей, пока они еще продолжаются. Из всего богатства материалов, которые были извлечены на свет, многое, конечно, еще ждет, и, возможно, еще долго будет ждать, своей интерпретации. Факты налицо, но их значение не всегда легко понять. Но, по крайней мере, важность главного факта не подлежит сомнению; Появление этого великолепного реликта цивилизации, столь великой и развитой, что наполняет разум удивлением, столь любопытно подтверждающей древние легенды о величии и могуществе дома Миноса, и при этом абсолютно утраченной, не оставившей о себе никаких следов, кроме романтической истории, пока терпение и мастерство современных исследователей не вернули ее реликвии к свету дня, чтобы рассказать, хотя пока и несовершенно, свою собственную историю о великолепии и катастрофе.

Интерпретация и координация огромного количества материалов, собранных доктором Эвансом, должна надолго стать делом ученых. Возможно, не стоит слишком надеяться, что когда минойская письменность раскроет свои секреты, мы сможем ясно представить себе те исторические очертания подъема, великолепия и падения великой монархии и культуры, которые в настоящее время приходится осторожно и порой неуверенно выводить из указаний, предоставляемых обломками горшков и фрагментами камня или металла. И тогда реальная история дома Миноса будет интересна всем. Сегодня, пожалуй, главное впечатление, которое оставляет у обычного студента это воскрешение, - это грусть. Здесь было царство, такое великое и внушительное, цивилизация, такая высокоразвитая и полная радости жизни. И все это ушло и забылось, вместе с яркой жизнью, надеждами и страхами; и нам остается только гадать, как выглядела жизнь мужчин и женщин, населявших дворы огромного дворца, и какую роль они играли в дошедших до нас фрагментах старой легенды.

Пафос этого аспекта своих открытий исследователь не упустил. Рассказывая о реставрации апартаментов королевы во дворце - реставрации, необходимость которой была вызвана разлагающим действием ветра и дождя на давно сгоревшие материалы, - доктор Эванс пишет: "Из открытого двора на востоке, и более узкой зоны, обрамляющей внутреннюю часть зала, свет льется между опорами и колоннами так же, как и в старину. В более холодных тонах он проникает в маленькую ванную комнату позади. Он тускло освещает расписной спиральный фриз над его белым гипсовым фасадом и падает на маленькую терракотовую ванну, стоящую так, как она была оставлена три с половиной тысячелетия назад. Маленькая ванна украшена рисунком, знаменующим завершение великого "дворцового стиля". Кто пользовался ею в последний раз? Королевой, возможно, и матерью, для какой-то "Надежды Миноса" - надежды, которая не оправдалась"[*].

[Сноска *: The *Times*, 27 августа 1908 г.].

Маленькая ванна в Мегароне царицы в Кноссе занимает место детских игрушек из города Кахуна времен Двенадцатой династии, показывая нам реальную человечность людей, которые когда-то были параграфами в "Классическом словаре" Лемпьера или "Древней истории" Роллина.

ГЛАВА VI

ФЕСТ, АГИА ТРИАДА И ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

Мы достаточно подробно проследили за судьбой раскопок в Кноссе, не только как наиболее важных, но и как наиболее полно иллюстрирующих легендарную и религиозную историю Крита. Но это далеко не единственные важные исследования, которые проводились на острове, и можно даже сказать, что если бы Кносс никогда не был раскопан, то из результатов раскопок в других местах можно было бы сделать вывод о главенствующем положении Крита в ранней эгейской цивилизации.

И в "Илиаде", и в "Одиссее" Фест упоминается наряду с Кноссом как один из главных городов Крита; и именно в Фесте и рядом с ним были обнаружены наиболее обширные и важные остатки минойской культуры, не считая работ в Кноссе. Великолепная долина Мессары, расположенная на южной стороне острова, доминирует над приморским краем тремя холмами, ступенчато поднимающимися один над другим, и на самом низком из трех, выходящем на равнину, стоял дворец Фест, вторая великая резиденция минойских владык Крита. Как и в случае с Кноссом, несколько блоков тесаного камня, стоящих среди борозд кукурузного поля, которое занимало это место, были единственными признаками великого сооружения, которое когда-то венчало холм, и именно их наличие побудило итальянскую археологическую миссию предпринять попытку раскопок. В апреле 1900 года была проведена первая рекогносцировка местности, которая не принесла обнадеживающих результатов. К сентябрю того же года великий дворец был обнаружен, хотя, конечно, полное раскрытие его особенностей было делом гораздо более длительного времени. Работа велась профессором Хальбхерром, сеньором Пернье и другими одновременно с раскопками доктора Эванса, и в результате был обнаружен дворец, во многих отношениях похожий на дом Миноса в Кноссе, хотя и несколько меньшего масштаба, и характеризующийся, как и Лабиринт, отдельными периодами строительства. В Фесте, действительно, остатки раннего дворца, состоящего из Театрального зала и Западного двора с одноколонным портиком в южной части, относятся к более раннему периоду, чем существующие важные архитектурные элементы в Кноссе, известному как Среднеминойский II, когда прекрасная полихромная камаресская посуда была в своей славе, тогда как основная схема дворца в Кноссе, как она существует в настоящее время, должна быть помещена где-то в следующий период, Среднеминойский III.

Первый дворец Фестоса был разрушен, как и ранний дворец в Кноссе, но не одновременно, так как он, очевидно, просуществовал до начала позднеминойского периода, в то время как в Кноссе катастрофа первого дворца произошла в конце II Среднего Миноса. На основании этого факта было высказано предположение, что первое разрушение Кносса было результатом гражданской войны, в которой владыки Фесты свергли своих северных собратьев из Большого дворца, но доказательства кажутся несколько скудными для такого предположения.

После катастрофы в Фесте толстый слой извести, смешанной с глиной и галькой, был насыпан на остатки разрушенного строения в качестве подготовки к восстановлению

дворца, и таким образом реликвии раннего здания, которые теперь открываются в тесной связи с более поздней работой, хотя и на более низком уровне, были полностью скрыты до того, как на этом месте вырос второй дворец. Театральный зал в Фесте в некоторой степени напоминает Кносский, но он проще, в нем нет яруса ступеней под прямым углом к главному ярусу, а также отсутствует бастион, или царская ложа, которая в Кноссе занимает угол стыка двух ярусов. Он представляет собой мощный двор, заканчивающийся с западной стороны лестницей из десяти ступеней длиной более 60 футов, за которой возвышается стена из крупных известняковых блоков. Как и в Кноссе, через площадку проходила выложенная флажками дорожка, правда, в данном случае косая. Под строением второго дворца были обнаружены некоторые из камер более раннего здания, а также ряд очень красивых камаресских ваз (Plate XXVI.).

Но главная слава дворца в Фестосе - это большой лестничный пролет шириной 45 футов, который образовывал его государственный вход, самая широкая и великолепная лестница, которая когда-либо была в царском дворце (Plate XXVI.). Ни один архитектор", - говорит Моссо, - "никогда не делал таких ступеней на Крите". Во главе входной лестницы возвышался портик с колоннами, за которым находился большой приемный зал дворца. Залы и дворы Фестского дворца по просторности сравнимы даже с лучшими из Кносских, и, действительно, Мегарон, так называемый (ошибочно), Фестского дворца - более просторная квартира, чем Зал двойных осей в сестринском дворце, площадь фестской камеры составляет более 3 000 квадратных футов, против 2 000 квадратных футов Зала двойных осей. Центральный двор, 150 футов в длину и 70 в ширину, представляет собой прекрасный мощный четырехугольник, но он не производит такого впечатления, как Центральный двор в Кноссе, площадь которого составляет около 20 000 квадратных футов.

В целом оба дворца удивительно похожи друг на друга в общих идеях, определяющих их структуру, хотя, конечно, есть много различий в деталях. Но, в отличие от дворца-сестры, величественное здание в Фестосе демонстрирует необычайную скудость предметов искусства, которые составляли столь значительную часть сокровищ Кносса. Кроме ваз из Камареса и одной изящной цветочной фрески, было найдено немного важного. Сравнительное отсутствие металлических изделий в Кноссе можно объяснить жадностью грабителей, разграбивших дворец; но Фест почти бесплоден, и не только по части металлических изделий. Тем более интересной стала находка в 1908 году самой большой глиняной таблички с надписями, которая была обнаружена на минойском городище. Это был диск из терракоты, диаметром 6,67 дюйма, с обеих сторон покрытый надписью, идущей по кругу от центра наружу. Это, безусловно, самая большая иероглифическая надпись, обнаруженная на Крите. Она содержит около 241 знака и 61 группу знаков и демонстрирует замечательную особенность: каждый знак был отдельно отпечатан на глине в мягком состоянии штампом или пуансоном. Это, по сути, печатная надпись". Один из иероглифов, часто повторяющийся, - изображение головы воина в головном уборе из перьев, удивительно напоминающее гребневые шлемы пулосатху, или филистимлян, на рельефах Рамсеса III в Мединет-Хабу. На основании анализа различных знаков доктор Эванс пришел к выводу, что надпись не является критской, а представляет собой шрифт, возможно, ликийский, используемый в прибрежных районах Малой Азии. Интерпретация надписи пока невозможна, но доктор Эванс указал на признаки метрического расположения знаков и предположил, что надпись может быть гимном в честь анатолийской Великой Матери, богини, соответствующей богине природы, которой поклонялись на минойском Крите, чьи традиции сохранились под именами Реи, Бритомартис, Афродиты-Ариадны и Артемиды-Диктинны. Керамика, в которой он был найден, датирует его по меньшей мере 1600, возможно, 1800 годом до н.э. [**]

[Сноска *: A. J. Evans, 'Scripta Minoa,' p. 24].

[Сноска **: См. Приложение, стр. 264].

Холм Агия Триада, расположенный в двух милях к северо-западу от Фесстоса, оказался достаточно плодотворным, чтобы компенсировать итальянским исследователям непонятную бесплодность Фесстоса. Здесь находятся руины венецианской церкви Святого Георгия, построенной из камня, который изначально тесали минойские каменщики. Подпорная стена возвышенности перед церковью провалилась, обнажив участок археологических реликвий, минойских горшков и фрагментов алебаstra на глубину более шести футов; это случайное обнажение привело к открытию королевской виллы, которую владыки Фестуса возвели как зависимую часть большого дворца или как загородную резиденцию. Агия Триада оказалась столь же богата объектами, представляющими художественный интерес, сколь беден был Фест. Некоторые из обнаруженных фресок, в частности, сцена с кошкой, охотящейся на красного фазана, напоминающая сцену охоты на кошку на клинке кинжала из Микенэ, отличается необычайным достоинством. По мнению профессора Берроуза, сцена с кошкой превосходит по живости знаменитую египетскую гробницу XVIII династии, изображающую болотного охотника с дрессированной кошкой, хотя для тех, кто знаком с замечательной лихостью египетской работы, о которой идет речь, это покажется нелепым утверждением.

Однако не может быть ничего, кроме восхищения, по поводу трех удивительных ваз из черного мыльного камня, которые были обнаружены на вилле. Они остаются самым убедительным свидетельством зрелости минойского искусства и мастерства, которого оно достигло в выражении человеческой формы в низком рельефе. Уже было замечено, что тонкая минойская керамика в значительной степени имитирует более ранние работы из металла, и это справедливо и для этих каменных vaz. На что был способен минойский мастер, когда ему разрешали работать с драгоценными металлами, можно судить по тем немногим образцам, которые сохранились до наших дней. Золотые кубки из Вафио с изображением сцен травли быков, как правило, признаются сейчас критскими, хотя и были найдены на Пелопоннесе, и сам Бенвенуто Челлини не должен был стыдиться создавать такие работы, восхитительные как по замыслу, так и по исполнению. По понятным причинам таких золотых изделий сохранилось немного. Металл был слишком ценен, чтобы спастись от грабителя в злые дни, выпавшие на долю Минойской империи; а художественная ценность vaz и чаш показалась бы завоевателям ничтожной по сравнению с ценой металла.

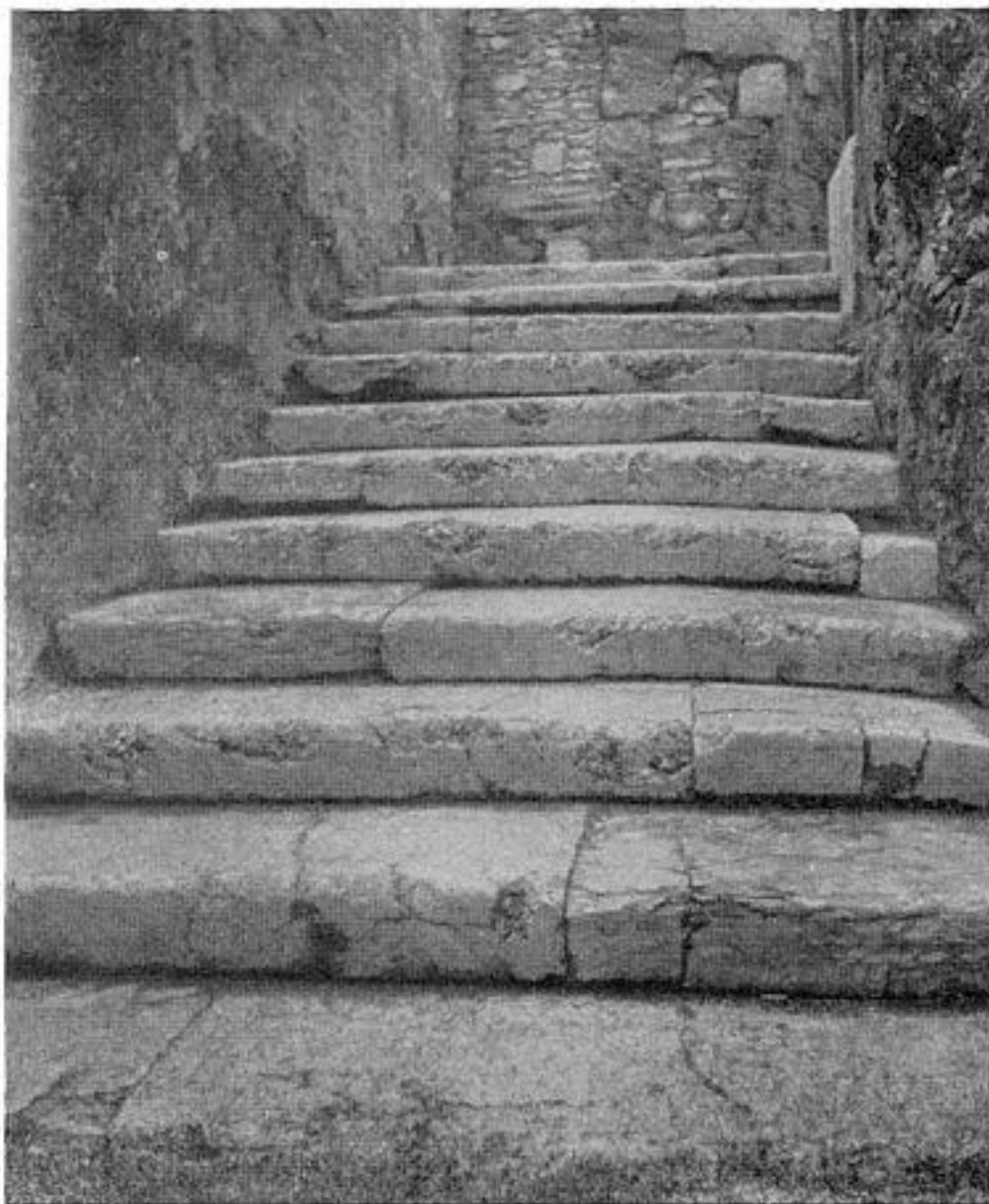
Но художники того времени работали не только в драгоценных металлах, но и в камне, пытаясь воспроизвести в нем формы, которыми они украшали сосуды, изготовленные из более дорогого материала. Вероятно, когда стеатиту придавали законченную форму, покрывали тонким слоем золотого листа, по крайней мере, это предположение, первоначально высказанное Эвансом, было подтверждено в одном случае, когда часть золотого листа была найдена на вазе, обнаруженной в Палайкастро г-ном Керрелли. В случае с вазами из Агия Триада покрытый золотом стеатит не прельстил грабителя, который просто содрал золотой лист и оставил его основание, чтобы свидетельствовать нам о мастерстве этих древних ремесленников. Самый крупный из них достигает 18 дюймов в высоту. Он разделен горизонтальными полосами на четыре зоны. В трех из них изображены боксеры во всех позициях призового ринга - удары, защита, падения; а во второй зоне сверху - одна из сцен борьбы с быками, столь распространенная в минойском искусстве, с двумя заряжающими быками, один из которых бросает на рога гимнаста, который, похоже, пропустил свой прыжок и поплатился за это. Фигуры великолепно смоделированы и соответствуют природе, за исключением условности преувеличенно тонкой минойской талии, которая, кажется, создает впечатление необычного роста и длины конечностей.

Вторая ваза (плита XXVII.) гораздо меньше по размеру и изображает процессию, которую по-разному интерпретируют как группу солдат или пехотинцев, возвращающихся с триумфом после победы, или как группу сборщиков урожая, шествующих на какой-то праздник благодарения за урожай. В целом эта интерпретация кажется более вероятной из двух. В середине процессии стоит фигура, интересная тем, что она сильно отличается от своих спутников. У него не обычная ущемленная талия критян, а вполне нормальное развитие, а в руке он держит *систрум*, или металлическую погремушку, которая была одним из обычных священных музыкальных инструментов египтян. По всей вероятности, он изображает египетского жреца, хотя что он делает на критском празднике, сказать трудно. Три фигуры, возможно, женщины, которые следуют за ним, имеют широко открытые рты и, очевидно, громко поют. Одна из фигур, пожилой мужчина, который, судя по всему, является главным в группе, одет в любопытное, похожее на копеечную ткань одеяние, которое может быть либо церемониальным халатом, либо набедренной повязкой. Помимо всех вопросов о том, что именно хотел изобразить художник, художественная ценность его работы не вызывает сомнений. Об этой маленькой вазе было сказано, что "не ранее пятого века до нашей эры мы найдем скульптора, способного изобразить с такой абсолютной правдой партию людей в движении".

На самой маленькой из трех ваз, высотой всего 4 дюйма, изображено тело воинов с головами и ногами над и под их большими щитами, которые скреплены в стену. Щиты, очевидно, покрыты шкурами, так как на них все еще видны бычьи хвосты. Но интерес представляют две фигуры, которые стоят особняком от остальных. Один из них, похоже, вождь или генерал; у него длинные, ниспадающие волосы, золотой воротник на шее, браслеты на руках, а в вытянутой правой руке он держит длинный посох, который может быть древком копья, или, что более вероятно, эмблемой власти, как посохи, которые носили египетские вельможи и чиновники. Его ноги до колена закрыты настоящей парой путти, пять витков повязки четко обозначены. Похоже, что он отдает распоряжения другой фигуре, возможно, капитану или младшему офицеру, который стоит перед ним в позе почтительного внимания. Капитан немного ниже ростом, чем его начальник, хотя это может быть связано с тем, что пришлось найти место для высокого изогнутого плюмажа низкого шлема, который он носит. Его шею украшает один момент, а длинный тяжелый меч он носит перекинутым через правое плечо. Вместо путти, как у его командира, он носит полусапоги, как на фигурке, обнаруженной Докинзом в Петсофе. Ни вождь, ни его офицер, похоже, не носят никаких защитных доспехов; их единственной одеждой является набедренная повязка с гребешком, чуть более сильно окаймленная у вождя, чем у солдата; моделирование тел с признаками развития мускулатуры, особенно на ногах вождя, чрезвычайно тонкое, и точность удивительна, если учесть уменьшенный масштаб фигурок. Маленькая ваза является ценным документом о внешнем виде и снаряжении воинов тех далеких времен, но это также и сокровище искусства. Идеальная грация и достоинство этих двух фигур, - говорит профессор Берроуз, - поза, в которой они откидывают голову и тело назад, превосходит все изображения человеческой фигуры, известные до сих пор до лучшего периода архаического эллинского искусства".

Интерес к другой находке из Агия Триада обусловлен тем, что она, по-видимому, представляет собой религиозную церемонию в честь умерших. Речь идет об известняковом саркофаге, покрытом штукатуркой, на которой нарисованы различные погребальные обряды. Художественные достоинства работы невелики, поскольку фигуры плохо нарисованы и небрежно раскрашены, и, скорее всего, представляют собой упадок искусства третьего, позднеминойского периода; но сюжеты и их расположение имеют важное значение (Plate XXVIII.). На одной стороне саркофага фигура стоит напротив двери гробницы.

Он плотно укутан, руки находятся внутри одеяния, а его поза настолько неподвижна, что можно предположить, что он мертв. Навстречу ему движутся три фигуры, одна из которых несет нечто, что, по соображениям милосердия, можно назвать моделью лодки, а другие несут телят, которые, что весьма любопытно, изображены, как и большие быки на фресках, в полном галопе. На другом конце панели жрица наливает возлияние в урну, стоящую между двумя двойными топорами, на которых сидят птицы. За жрицей стоит женщина, несущая на плечах ярмо, с которого свисают два сосуда, а за ней - мужчина, одетый в длинное одеяние и играющий на семиструнной лире. На противоположной стороне саркофага на сильно изуродованной картине изображена другая жрица перед алтарем, рядом с которым стоит двойной топор, мужчина, играющий на флейте, и пять женщин, движущихся в процессии. На концах саркофага изображены, в одном случае, колесница, запряженная двумя лошадьми и управляемая двумя женщинами; в другом - колесница, запряженная грифонами и управляемая женщиной, которая держит рядом с собой закутанную фигуру, возможно, снова изображающую мертвого человека. Фигуры лиристов и флейтистов интересны тем, что дают очень раннюю информацию о формах европейских музыкальных инструментов. На двойной флейте изображено восемь перфораций, а полное их число, с учетом тех, что закрыты руками игрока, вероятно, составляло четырнадцать. Лира приближается к знакомой классической форме, а количество ее струн показывает, что Терпандер больше не может претендовать на звание изобретателя семиструнной лиры, которая использовалась на Крите по крайней мере за восемь веков до той даты, когда его инструмент был изуродован несимпатичными судьями в Спарте, чтобы поставить его в один ряд с его четырехструнными конкурентами.

ПОЛЕТ ПО КВАДРУПНОЙ ЛЕСТНИЦЕ (стр. 85)

Стена со стоком (стр. 98)

Однако более важным является предположение о египетском влиянии в группировке фигур. Никто из тех, кто знаком с деталями церемонии "открытия рта" покойного, столь постоянно изображаемой в египетских погребальных сценах, не сможет не признать первоначального вдохновения сцены на саркофаге из Агия Триады. Гробница на заднем плане, закутанная в одеяла фигура, стоящая перед ней, как бревно, лиственная ветвь перед покойником, занявшая место букетов цветов лотоса, мясные подношения и жертвоприношение быка - это египетские похороны с плакальщиками, одетыми в критские одежды. Мы уже видели жреца с берегов Нила, клеймщего свой систрум в процессии сбора урожая; и этот саркофаг позволяет предположить, что египетское религиозное влияние сказалось если не на реальных взглядах критян на состояние человека после смерти, то, во всяком случае, на церемониях, с помощью которых эти взгляды выражались. Фест и Агия Триада, как мы помним, в силу своего положения были более подвержены египетскому влиянию, чем даже Кносс, где следы его не отсутствуют.

Вилла в Агия Триаде демонстрирует ту же внимательную заботу о санитарных условиях, которая уже была отмечена в Кноссе. Моссо отметил иллюстрацию честности, с которой

была выполнена работа. Однажды, после сильного ливня, я с интересом обнаружил, что все стоки работают безупречно, и увидел, как вода вытекает из сточных труб, по которым человек может идти прямо. Сомневаюсь, что существует другой случай, когда дренажная система действует спустя 4 000 лет".

Раскопки в Кноссе, Фестосе и Агия Триаде в основном свидетельствуют о великолепии минойских царей; но другие места на острове, хотя и не представляют собой ничего столь поразительного, значительно расширили наши знания о повседневной жизни минойцев. В Гурнии американка, мисс Гарриет Бойд (ныне миссис Хоуз), сделала замечательное открытие целого города, датируемого в основном концом среднеминойского периода, хотя место было занято с начала бронзового века. В Гурнии был скромный дворец, занимавший площадь около полуакра, с уменьшенной копией Кносского театрального зала, журналами и Западным двором, где дворец и город встречались, как в Кноссе, для решения деловых вопросов. Но главный интерес маленького городка был сосредоточен на его святилище и домах горожан, свидетельствующих об удивительно ровном уровне комфортной и мирной жизни, отнюдь не лишенной художественной изысканности.

Святилище, обнаруженное в 1901 году, находилось в самом центре города, и к нему вела сильно изношенная мощеная дорога. Площадь священного помещения составляла всего 12 футов, и миссис Хоуз склонна полагать, что высота его грубых стен никогда не превышала 18 дюймов, образуя лишь небольшой *теменос*, в котором стояло священное дерево и небольшая группа культовых предметов, до сих пор хранящихся в углу святилища. Правда, они очень грубые, сделанные из грубой терракоты, без всякого художественного мастерства; тем не менее, они красноречивы, поскольку рассказывают нам о том, что Великой Богине поклонялись в городском святилище Гурнии, как в Кносском дворце. Здесь были ее изображения, обвитые змеями, ее голуби, "рога посвящения", низкий трехногий алтарный стол и культовые вазы. Для завершения списка был найден горшок с вылепленным на нем двойным топором, что, возможно, указывает на то, что некоторые из тех, кто претендовал на родство с хозяевами Крита, совершали свои посвящения в этом неприязнательном святилище."[*] Небольшое святилище в Гурнии можно сравнить с небольшими священными комнатами в Кноссе, и, похоже, оно было характерно для минойского культа.

[Сноска *: "Крит - предшественник Греции", стр. 98].

Дороги города шириной в 5 футов, аккуратно вымощенные, убедительно свидетельствуют о том, что колесный транспорт здесь используется редко. Вровень с их границами стоят фасады домов. Распространены двухэтажные дома, некоторые из них имеют подвал под первым этажом, если склон холма позволял такое расположение. По всей вероятности, общий вид домов во многом напоминал уютные жилища, изображенные на уже упоминавшихся фаянсовых табличках Кносса. Даже в домах обычных ремесленников насчитывается от шести до восьми комнат, а в домах зажиточных горожан, возможно, вдвое больше. То тут, то там попадались свидетельства прежних занятий жителей: в одном доме - полный набор плотницких инструментов, в другом - набор ткацких грузил, в третьем - блок-форма, в которой кузнец отливал свои инструменты. О том, что жители маленького городка не были совсем уж невежественны в вопросах письма, свидетельствует наличие таблички с надписью линейным шрифтом Кносса класса А, а красота их расписной керамики говорит о том, что они отнюдь не были лишены утонченности и художественного чувства. Город был разграблен и сожжен около 1500 года до н. э., как считает его первооткрыватель, возможно, за столетие до падения великого дворца в Кноссе. Частично восстановленный, как и другие критские места, в третий, позднеминойский период, он с тех пор лежит без движения, ожидая дня, когда его разрушенные дома будут вновь открыты, чтобы свидетельствовать о

тихом и мирном процветании, царившем под эгидой великой морской державы дома Миноса.

В Палайкастро был обнаружен еще один город из тесно стоящих друг к другу домов, занимающий площадь более 400 на 350 футов. Его существующие остатки датируются несколько более поздним временем, чем Гурния, и дома в целом больше, но их общий стиль во многом совпадает. Недалеко от города, в Петсофе, профессор Дж. Л. Майрес раскопал, среди множества других votivных приношений, несколько любопытных глиняных статуэток, интересных как один из самых ранних примеров полихромного декора (они относятся к среднему минойскому периоду I, и раскрашены по черно-белой, красной и оранжевой схеме), но еще более интересны - "с их открытыми корсажами, широко расставленными воротниками, высокими шляпами с рожками, сложными кринолинами и общим впечатлением неточной попытки изобразить королеву Елизавету" - как свидетельство того, насколько совершенно не похож был костюм доисторической женщины в районе Эгейского моря на величественные и простые линии классического греческого платья.

Критские открытия, как никакая другая работа последних лет, способствовали уменьшению экстравагантных претензий, которые раньше выдвигались от имени финикийцев как создателей многих элементов древней цивилизации, и теперь появляются доказательства того, что оригинальность даже их самой известной и характерной отрасли, окраски одеяний в знаменитый "тирийский пурпур", должна быть отрицаема и приписываться минойцам. В 1903 году господа Босанкет и Керрелли обнаружили на острове Куфониси (Леуке), у юго-восточного побережья Крита, банк толченого панциря мурекса, из которого получали пурпурный краситель, связанный с керамикой среднеминойского периода; а в 1904 году они обнаружили в Палайкастро два подобных отложения пурпурного панциря, в обоих случаях связанные с керамикой той же даты.

(1) ЗАЛ ДВУХ ОСЕЙ (стр. 86)

(2) БОЛЬШАЯ ЛЕСТНИЦА, КНОССОС (стр. 86)

В Закро, на восточном побережье острова, мистер Хогарт раскопал остатки важной торговой стоянки. В одном доме одного из купцов он обнаружил 500 глиняных оттисков печатей, с образцами почти всех типов критских печатей, которые, очевидно, использовались для запечатывания тюков с товарами. Некоторые из керамических изделий Закро также отличались необычайной красотой, в частности, один образец, примечательный тем, что его тонкий декор был нанесен после обжига сосуда и мог быть удален легким прикосновением пальца, демонстрирует явные следы египетского влияния в своей адаптации знакомого лотосового рисунка нилотского декоративного искусства (Plate XXIX. 2).

На крошечном острове Мохлос, всего в 200 ярдах от северного побережья Крита, с которым он, вероятно, был объединен в древние времена, г-н Сигер в 1907 и 1908 годах раскопал раннеминойский некрополь, из которого дошли замечательные образцы мастерства, с которым древние критские мастера умели обращаться как с камнем, так и с драгоценными металлами. Десятки прекрасных ваз из алебаstra, брекчии, мрамора и мыльного камня, выточенных в некоторых случаях до толщины современной фарфоровой чашки, сразу наводят на мысль о протодинастических египетских чашах из диорита и сиенита, и показывают, что если критянин взял идею из египетских моделей, он не отставал от своего мастера в мастерстве, с которым он ее воплощал. Не менее удивительна работа из золота, которая включает "тонкие цепи, столь же прекрасно вытканые, как лучшие александрийские ткани начала нашей эры, искусственные листья и цветы, и (далекое предвосхищение, несомненно, золотых масок из могил Микен) золотые ленты с гравированными и рельефными глазами для защитного ослепления мертвых"[*][**].

[Сноска *: А. Дж. Эванс, "Таймс", 27 августа 1908 г.].

[Сноска **: О работе мистера Сигера на острове Псейра см. в "Раскопках на острове Псейра, Крит" Р. Б. Сигера. Philadelphia, 1910].

Проводя раскопки за пределами Кноссского дворца, доктор Эванс открыл на холме, известном как Зафер Папура, примерно в полумиле к северу от дворца, большое количество минойских гробниц, датируемых третьим среднеминойским периодом и далее. Они показывают, что цивилизация все еще находится на высоком уровне, хотя и свидетельствует о постепенном упадке на более поздних этапах. В ранних гробницах можно найти то, чего так не хватало в Кноссе, - прекрасные образцы ваз со "стременами" или "ложным горлышком". Здесь также находилось множество бронзовых сосудов и оружия, включая мечи, некоторые из которых были почти метровой длины. В одной из гробниц, принадлежавшей, очевидно, вождю, был найден короткий меч сложной работы, с помпоном из полупрозрачного агата и позолоченной рукоятью, на которой была выгравирована сцена преследования льва и поимки одной из критских диких коз. Появление в некоторых гробницах длинной рапиры и более короткого меча или кинжала является неожиданным, поскольку нет никаких изображений того, что эти два вида оружия носили вместе в минойской войне. Мистер Эндрю Лэнг высказал живописное предположение, что здесь мы можем иметь предвосхищение дуэльного обычая елизаветинской эпохи, в котором кинжал держали в левой руке и использовали для парирования ударов или для работы на близком расстоянии, как в дикой схватке между сэром Хаттоном Чиком и сэром Томасом Даттоном в Кале в 1610 году.

На холме Изопата, между Кноссом и морем, доктор Эванс также обнаружил величественную усыпальницу, обитателем которой, очевидно, был какой-то минойский царь третьего среднего периода. Гробница состояла из прямоугольной камеры размером 8 на 6 метров, построенной из известняковых блоков, которые выступали один за другой, пока не сошлись на высоком фронте, образуя ложную арку, подобную тем, что были в ульевых гробницах в Микене. Задняя стена камеры имела центральную камеру, расположенную напротив перекрытого входа, а портал, также фальш-арка, вел в возвышенный вестибюль, в боковых стенах которого, напротив друг друга, находились две камеры, использовавшиеся для погребений. Ко всему этому подходила внушительная аллея, вырубленная в твердой скале. Гробница была разграблена в древности, но в ней сохранились золотая заколка для волос, части двух серебряных сосудов и большое бронзовое зеркало, а среди каменных сосудов нашли диоритовую чашу, которая вновь напомнила о твердых каменных сосудах ранних египетских династий.

Диктейская пещера уже упоминалась как место, связанное с легендами о рождении Зевса и его отношениях с Миносом. Гесиод утверждает, что Рея отнесла новорожденного Зевса в Литтос, а оттуда в пещеру в горе Айгайос, северо-западной вершине Дикты. Лукреций, Вергилий и Дионисий Галикарнасский знали историю, в которой все детство Зевса прошло в пещере на Дикте, а Дионисий приписывает Диктейской пещере то обретение Миносом закона, которое представляет собой столь любопытную параллель с вручением Моисею скрижалей закона на горе Синай. Минос, по его словам, спустился в Священную пещеру и появился там с законом, сказав, что он был получен от самого Зевса. И последняя легенда, рассказанная Лукианом, помещает в ту же пещеру тот союз Зевса с Европой, от которого произошел Минос. Диктейская пещера представляет особый интерес в связи с происхождением минойской цивилизации, или, скорее, с теми фантазиями, которые поздние умы соткали вокруг некоторых священных концепций минойской цивилизации. Это большая двойная пещера, расположенная к юго-западу от Психро и примерно на 500 футов выше последнего места. Ее исследование мистером Хогартом выявило множество доказательств ее ранней связи с культом того божества, на которое греки наложили свои собственные представления о Зевсе.

Обшарпанная терраса, возвышающаяся над склоном холма, открывает доступ к неглубокому верхнему гроту, в котором были найдены остатки алтаря, а рядом - стол для жертвоприношений, в то время как земля под полом пещеры давала регулярную стратификацию: камаресская посуда, сразу над девственной землей; затем глазурованная посуда, с мутно-коричневыми полосами на кремовой подложке; затем обычная микенская посуда, со знакомыми морскими и растительными узорами; и, наконец, бронза. Нижний грот сначала отвесно обрывается к верхнему, а затем на протяжении примерно 200 футов спускается к ледяному бассейну, окруженному лесом сталагмитов; в этой мрачной пещере были обнаружены свидетельства древнего культа божества, которому был посвящен Двойной топор. Здесь была масса всевозможных подношений - гравированные драгоценные камни, бронзовые статуэтки (в том числе фигурка египетского бога Амен-Ра времен Второй династии), множество обычных колец, булавок, брошей и ножей; но главной особенностью находки был Двойной топор, многочисленные экземпляры которого были найдены в сталагмитах вокруг темного бассейна у подножия пещеры, причем некоторые из них все еще сохранили свои первоначальные древка. Очевидно, что пещера на Дикте была местом очень древнего культа, связанного с тем культом, эмблемой которого были столбы с двойным топором в Кносском дворце, и что этот культ, как показывает характер останков в гроте, восходит к ранним временам минойской цивилизации.

Во всех этих исследованиях, охватывающих значительную часть острова, прослеживается одна общая черта - черта, уже отмеченная и прокомментированная в связи с Кноссом. Нигде мы не встретили ничего, в самой отдаленной степени напоминающего колоссальные стены цитадели, которые являются наиболее яркой особенностью Микен и Тиринса. Фест и Агия Триада так же лишены укреплений, как и Кносс. Гурния и Палаикастро - открытые города. Все указывает на существование сильного и мирного правления, позволявшего природным наклонностям островной расы спокойно и стабильно развиваться в течение долгих периодов в тех направлениях деятельности, как полезных, так и художественных, остатки которых вызывают наше восхищение и по сей день, и опираться из поколения в поколение на морскую мощь, которая держала всех врагов вдали от берегов счастливого острова и охраняла торговые пути Эгейского моря.

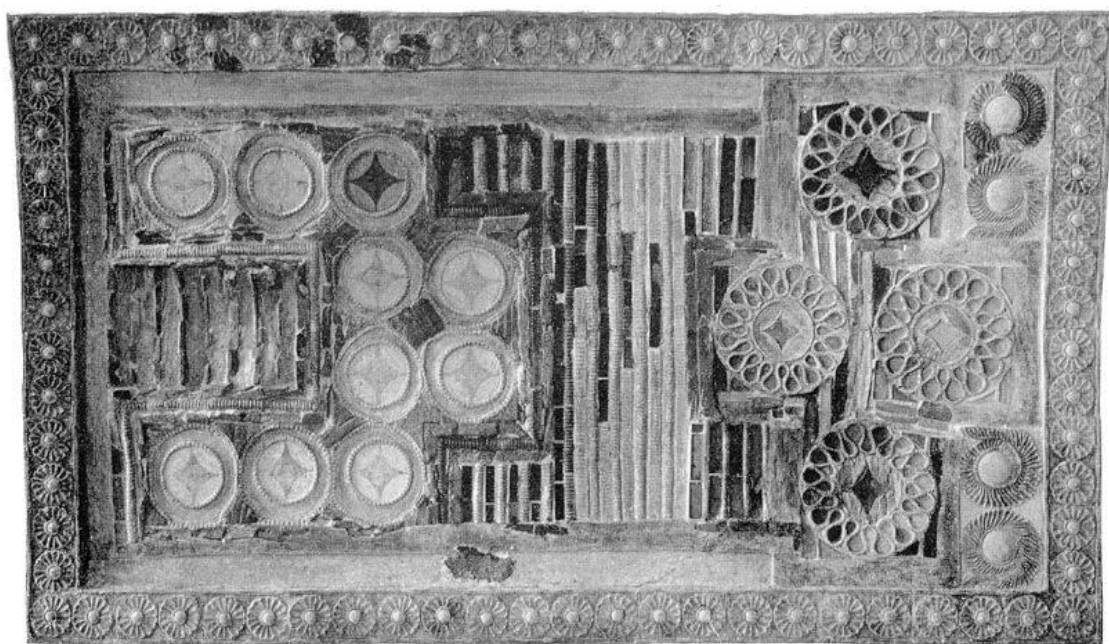
ГЛАВА VII

КРИТ И ЕГИПЕТ

Вопрос о взаимоотношениях минойской цивилизации с другими великими цивилизациями древнего мира, в частности с Вавилонией и Египтом, представляет не только огромный интерес, но и очень важен для попытки реконструкции очертаний минойской истории и хронологии. Ведь только с помощью синхронизма с более или менее удовлетворительно установленной хронологией того или иного царства можно прийти даже к самой приблизительной системе датировки различных эпох великой цивилизации, которую открыли критские находки. Если бы удалось установить синхронизм как с вавилонской, так и с египетской хронологией, результат был бы не только удовлетворительным в отношении наших знаний о минойских периодах, но и мог бы иметь вторичный результат огромной важности в разрешении острого спора, который в настоящее время бушует вокруг хронологии древнего Египта с самого раннего периода и до возвышения Новой империи. Как бы то ни было, пока что это оказалось невозможным из-за отсутствия в цепи вавилонского звена.

Можно с уверенностью утверждать, что на протяжении многих веков между Критом и Азией не было недостатка в обмене товарами и идеями; более того, все больше и больше

становится очевидным, что в этом древнем мире между различными народами существовало бесконечно больше связей, чем предполагалось ранее. Доисторическая эпоха отнюдь не была временем застоя, скорее это было время непрерывного движения. Возможно, самым ярким примером расстояния, через которое могла осуществляться связь в почти невероятно ранние времена, является находка на месте древней Трои - Второго города, примерно соответствующего раннеминойскому III периоду, - куска белого нефрита, камня, характерного для Китая. Какими долгими и извилистыми путями он попал на побережье Малой Азии, никто не может сказать. Но сам факт его появления там доказывает факт коммуникации.

ИГРОВАЯ ДОСКА ЦАРЯ (стр. 87)

До сих пор нельзя сказать, что на каком-либо эгейском городище был найден предмет, несомненно, месопотамского происхождения, равно как и на месопотамском - несомненно эгейского. Но было высказано предположение, что некоторые резные изделия из слоновой кости, найденные Лэйярдом в Нимруде во дворце Сеннахериба, демонстрируют явные следы эгейского влияния; а в Южной Сирии - в Гезере, Телль-эс-Сафи и других местах - бесспорно эгейская керамика и оружие были обнаружены в достаточном количестве, чтобы показать, что между минойской цивилизацией и берегами Азии определенно существовала связь. На связь указывает и очевидная общность религиозных представлений, существующих между Критом и Азией. В обоих местах считается, что божественный дух ассоциируется со священными столбами, такими как столбы с двойным топором в Кноссе; в обоих случаях он персонифицирован как женщина-богиня, мать всего живого, к которой добавляется сын, который также является супругом; а эмблемы древних культов - львы-хранители богини на холме, двойной топор и тройные столбы с парящими голубями - являются общими для Крита и Азии. Однако это может свидетельствовать не о постоянном взаимодействии, а лишь об общности на каком-то раннем этапе истории обеих рас.

Фактических следов месопотамского влияния на Крите найдено крайне мало. Доктор Эванс показал соответствие пурпурной гипсовой гирьки, найденной во время второго сезона раскопок в Кноссе, легкому вавилонскому таланту, а бронзовые слитки из Агия Триады представляют собой тот же стандарт веса. Возможно, что дренажная система, столь высоко развитая в Кноссе и Агия Триаде, нашла свое первое воплощение в терракотовых дренажных

трубах, обнаруженных Хильпрехтом в Ниффуре, хотя ни в коем случае не очевидно, что в этом вопросе необходимо копирование. Глиняные таблички с гравировкой иероглифов и линейного письма сразу же наводят на мысль о соответствующем и универсальном использовании глиняной таблички для клинописи Вавилонии; и это практически все, что можно сказать о какой-либо связи между культурами Крита и Месопотамии.

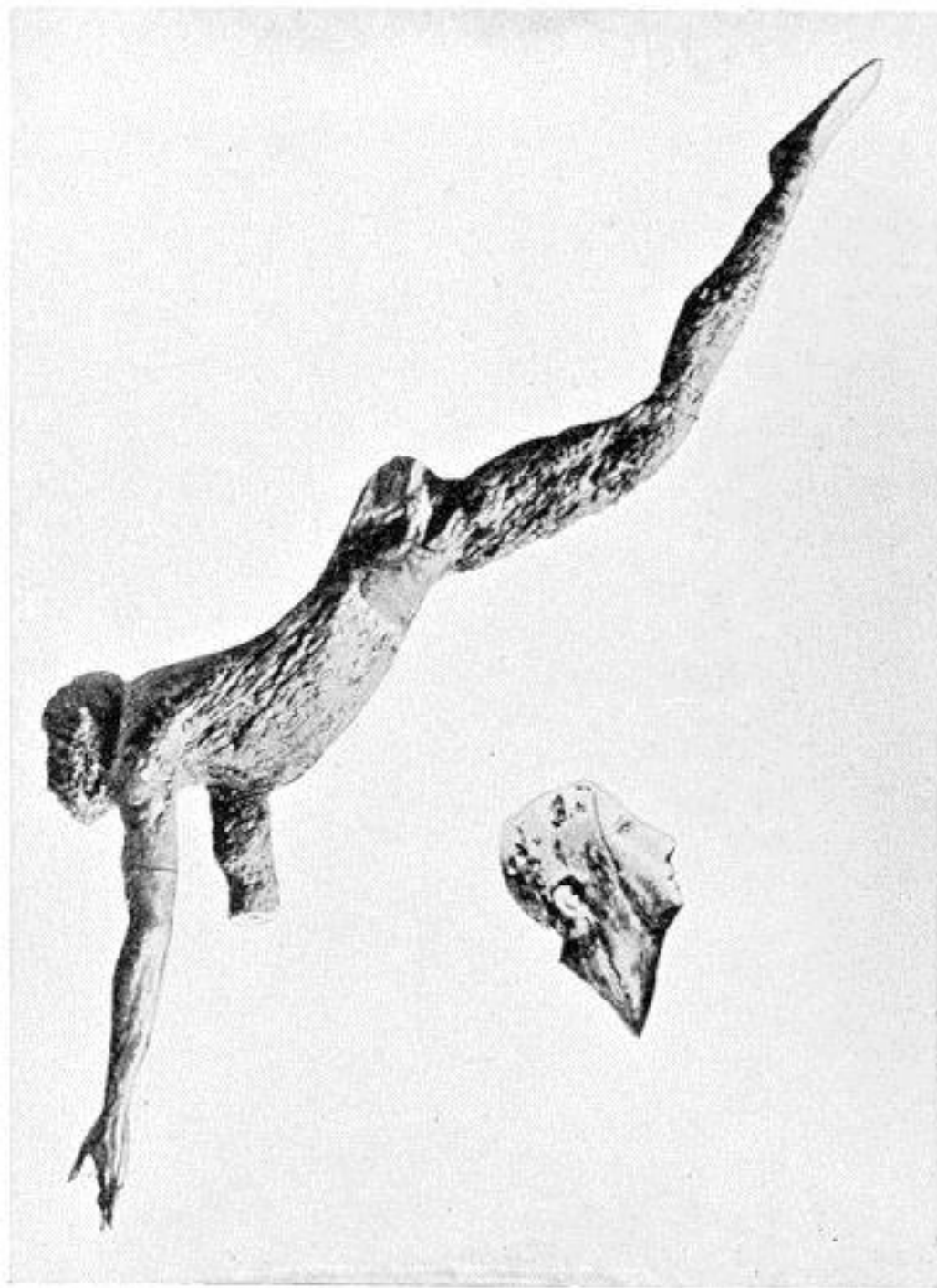
Однако дело обстоит совсем иначе, когда мы переходим к отношениям между Критом и великой цивилизацией долины Нила. В этом случае существует если не обилие, то, во всяком случае, достаточное количество свидетельств о взаимодействии, которое продолжалось практически на протяжении всего периода существования Минойской империи. Для раннединастического периода египетской истории свидетельства несколько скудны, а их интерпретация не всегда однозначна. Когда мы переходим к Среднему царству Египта - периоду, современному Среднему Миною II и III, - они становятся и более обильными, и более неоспоримыми по значению; в то время как в Новой империи (Восемнадцатая династия) и Позднем Миное II мы достигаем абсолютно твердой почвы, соответствие мотивов искусства и фактических доказательств взаимодействия, особенно с египетской стороны, является неоспоримым. Итак, наша цель в этой главе - показать доказательства отношений между Критом и Египтом и выяснить, к какому выводу они приводят нас относительно дат различных периодов минойской истории.

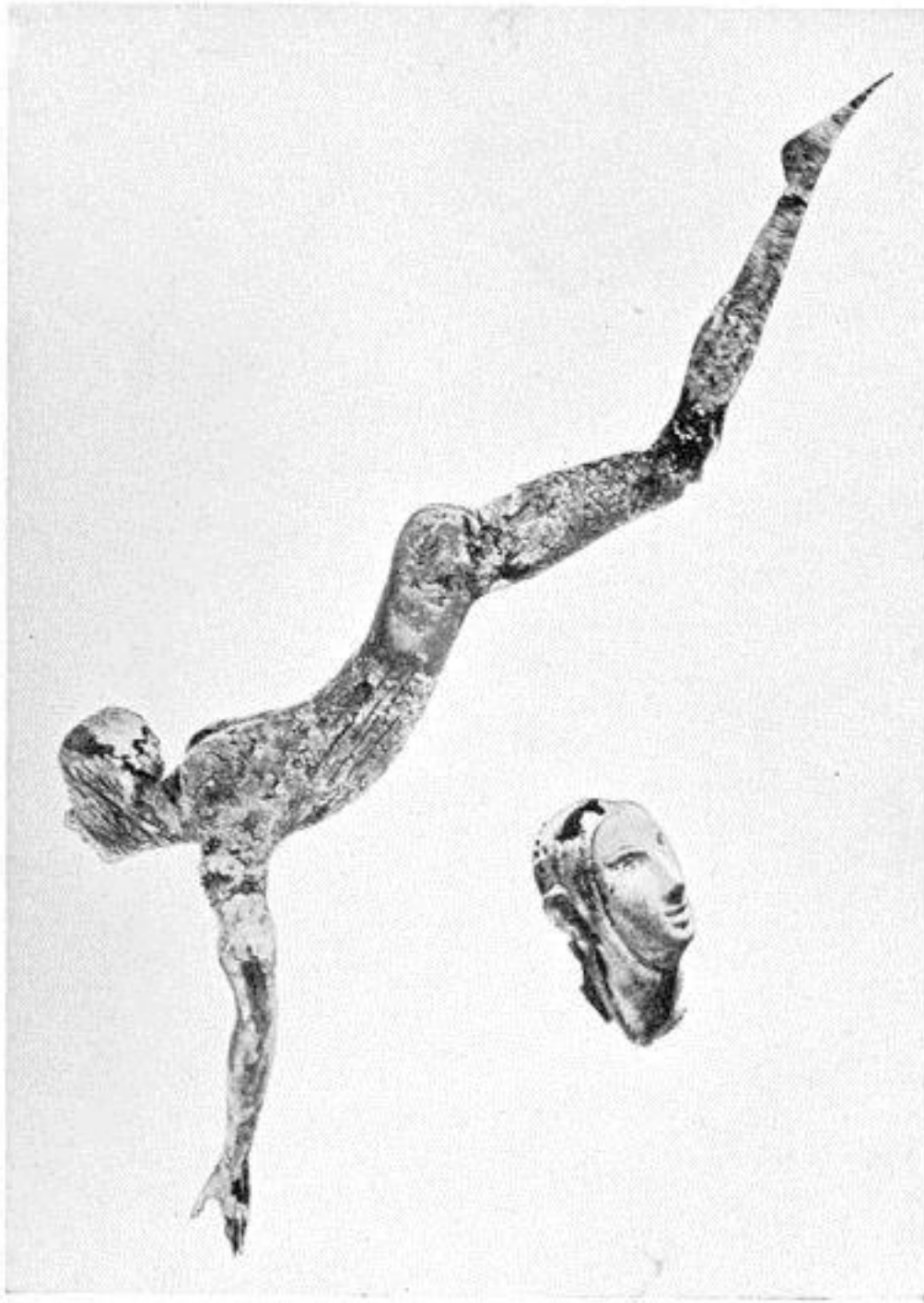
Для самого раннего периода у нас остались скудные свидетельства. Профессор Петри нашел в некоторых могилах Первой династии в Абидосе вазы из черной обожженной вручную посуды, которые очень близки, как по информации, так и по цвету, к примитивным 'bucchero', обнаруженным непосредственно над неолитическими отложениями в Западном дворе в Кноссе; и он предположил, что, поскольку керамика не египетская по стилю, она могла быть импортирована с Крита. На различных участках Кносского дворца были найдены каменные сосуды из диорита, сиенита и липарита, искусно обработанные. Такая работа характерна для эпохи ранних египетских династий, и художники того времени гордились тем, что создавали чаши из этих очень твердых камней, которые иногда были обработаны до такой степени тонко, что становились полупрозрачными. Шансы на то, что эти чаши были импортированы в более поздние времена, невелики, поскольку вкус к ним постепенно угас в Египте, а "ни у одного древнего народа не было античных вкусов до времен Саитов в Египте и римлян еще позже". Каменные сосуды, обнаруженные мистером Сигером в Мохлосе, хотя и сделаны из прекрасных местных материалов, по мнению доктора Эванса, свидетельствуют о сильном влиянии протодинастических египетских моделей. Если спуститься еще немного ниже, к раннему Миною III, то египетское влияние проявляется в том, что печати из слоновой кости этого периода, похоже, черпают свои мотивы из так называемых "пуговичных печатей" Шестой египетской династии. Мистер Х. Р. Холл считает, что все произошло наоборот. Весьма вероятно, что этот явно чужеродный мотив декора был перенят египтянами у эгейцев примерно в конце Старого царства (=ранний Минойский период III в.), так что дизайн египетских печатей скопирован с дизайна критских печатей-камней, а не наоборот. Египетские узоры были очень древними, и если бы спираль была египетской, мы должны были бы найти ее в искусстве Старого царства. Это был иностранный импорт, и место его происхождения очевидно"[*] Заимствовали ли в данном случае минойцы у египтян или египтяне у минойцев, однако, несущественно; в любом случае факт взаимодействия установлен.

[Сноска *: Proceedings of the Society of Biblical Archæology, vol. xxxi., part v., p. 222].

Таким образом, мы можем предположить, что, по всей вероятности, между Критом и Египтом существовали какие-то связи уже во времена Первой египетской династии, а ко времени

Шестой династии, которая знаменует собой завершение великого периода Старого царства в Египте - периода строителей пирамид (Третья-Шестая династии), - эти связи были обычным делом. Фактически, можно сказать, что, исходя из происхождения обоих народов, можно предположить, что они были в контакте. Вполне возможно, что нилотская и минойская цивилизации произошли от общего источника, и что неолитические критяне и неолитические египтяне были членами одной и той же широко распространенной средиземноморской расы.

Фигурки и головы из IVORY из Кноссоса (стр. 76)

Из "Ежегодника Британской школы в Афинах", с разрешения

Как поддерживалась связь между Критом и Египтом в этот чрезвычайно ранний период? Профессор Петри считает, что это был естественный и прямой морской путь через Средиземное море. Изображения судов, нарисованные на додинастической египетской посуде, показывают, что неолитические египтяне были в какой-то степени знакомы с постройкой и использованием кораблей, и профессор Петри предполагает, что галеры, подобные представленным, были кораблями, с помощью которых египтяне и критяне поддерживали свои отношения. Мистер Холл, с другой стороны, утверждает, что это невозможно, и что лодки додинастического периода - это просто небольшие речные суда, совершенно непригодные для мореплавания. В своей "Древнейшей цивилизации

Греции" он прямо утверждает, "что эти лодки были кораблями, которые курсировали между Критом и Египтом около 4000 лет до н.э. Ничто не может быть доказано"; и поэтому он считает, что связь поддерживалась через Кипр и побережье Палестины. Но доказательства в ту или иную сторону настолько незначительны, а определения, о которых идет речь, настолько грубы, что с таким же успехом можно сказать, что ничто не может доказать, что эти лодки *не* были кораблями, которые курсировали между Критом и Египтом. Не кажется очевидным, почему путешествие между Критом и Египтом должно быть невозможным для мореплавателей, которые могли совершить его между Критом и Кипром; и если связь поддерживалась через Кипр, кажется странным, что этот остров практически не обнаруживает следов влияния минойской цивилизации до сравнительно позднего времени. То, что гомеровские греки отнюдь не были смелыми мореплавателями, вовсе не означает, что островная раса, вся история которой была связана с мореплаванием, должна была быть столь же робкой. Если вспомнить, на каких судах северяне рискнули пройти Атлантику, то трудно поверить, что даже в эпоху после неолита критяне не смогли бы создать тип лодки, столь же подходящий для плавания между Критом и устьями Нила, как "длинные змеи" для преодоления атлантических валов.

[Сноска *: "Египет и Западная Азия", с. 129].

[Сноска **: H. R. Hall, Proceedings of the Society of Biblical Archaeology, vol. xxxi., part v., p. 227].

Но как бы ни обстояли дела с додинастическим периодом, не подлежит сомнению, что к концу правления Третьей династии даже в Египте была создана морская техника, не отвечающая требованиям критского перехода. Мы знаем, что Снеферу, последний царь Третьей династии, отправил флот из сорока кораблей к сирийскому побережью за кедровым деревом, и что в его правление было построено судно весьма приличной длины - 170 футов. Идя дальше, мы также знаем, что Сахура из Пятой династии отправил флот по Красному морю до Пунта или Сомалиленда. И если египтяне, отнюдь не великая мореходная раса, были способны на такие вещи в этот период своей истории, то, конечно, островная раса, чей единственный путь во внешний мир лежал через море, не должна была отставать от них. Вряд ли можно сомневаться в том, что не позднее времени строителей пирамид критские галеры совершали плавание к устьям Нила и выгружали на причалах Мемфиса, под сенью новых пирамид, свои примитивные товары, среди них грубую, обожженную вручную черную керамику, в обмен на которую они увозили некоторые из чудесных изделий египетских камнерезов.

Но если предположить, что связь между примитивной минойской цивилизацией и самыми ранними династиями Египта установлена, что это дает нам возможность утверждать о дате, к которой мы должны приписать рассвет самой ранней культуры, которую можно назвать европейской? Здесь, к сожалению, мы сразу же оказываемся вовлеченными в спор, в котором столетия - это необдуманные мелочи, а тысячелетие - не более чем респектабельная, но отнюдь не грозная величина. Египетская хронология может считаться практически решенной с начала Восемнадцатой династии и далее. По общему мнению, основатель этой династии Ахмес начал править около 1580 года до н.э., а даты, которые различные хронологические школы приписывают последующим династиям, различаются лишь на величины, настолько незначительные, что ими практически невозможно пренебречь. Но когда мы пытаемся проследить хронологию вверх от 1580 года до н. э., согласие авторитетов сразу же исчезает, и на смену ему приходит пропасть расхождений, преодолеть которую нет никакой возможности. Большое расхождение происходит в хорошо известный темный период египетской истории между Двенадцатой и Восемнадцатой династиями, где монументальные свидетельства крайне скудны, почти отсутствуют, и где

историки вынуждены искать факты, не имея лучшего света, чтобы направлять их, чем тот, что дает История Мането и разорванные фрагменты Туринского папируса. Традиционная датировка помещает конец Двенадцатой династии где-то около 2500 года до н.э., оставляя, таким образом, около 900 лет на промежуточные династии до возвышения Восемнадцатой. Однако современная немецкая школа, представленная Эрманом, Малером, Мейером и американским профессором Брестедом, опираясь на астрономические данные Кахунского папируса, сокращает это время более чем на 700 лет, оставляя лишь 208 лет для большого промежутка, и предлагая вместить в это время пять династий и господство гиксосов. Профессор Петри, наконец, принимая, как и немецкая школа, астрономические данные папируса Кахун, интерпретирует их иначе и отодвигает даты на полный цикл в 1 460 лет, допуская 1 666 лет для промежутка между Двенадцатой династией и Восемнадцатой. Таким образом, даже между традиционной и немецкой датировками существует пропасть в 700 лет для всех дат Двенадцатой династии, в то время как между немецкой датировкой и датировкой профессора Петри пропасть увеличивается до более чем 1 400 лет.

В вопрос о том, какая система датировки должна быть принята, невозможно вдаваться, хотя можно сказать, что если 1 666 лет кажется огромной прибавкой для пяти династий, то 208 лет кажутся почти невероятно маленькими. Результат - вот что нас здесь волнует, и мы сталкиваемся с тем фактом, что, в то время как традиционная датировка помещает Первую египетскую династию примерно в 4000 г. до н.э., немецкая школа опускает ее до 3400 г. до н.э., а профессор Петри отбрасывает ее назад к 5510 г. до н.э. Доктор Эванс, назначая предварительные даты периодов минойской истории, раньше был ближе к традиционной, чем к немецкой или профессора Петри; но он постепенно изменил эту позицию и теперь датирует свой Средний Миной II, который синхронизируется с Двенадцатой египетской династией, 2000 г. до н.э., таким образом практически принимая хронологию немецкой школы. Таким образом, раннеминойская I., которую следует приравнять к Первой династии, датируется примерно 3400 г. до н. э. Практически, все, что можно сказать с умеренной долей уверенности, это то, что самая ранняя цивилизация Крита, как и Египта, существовала в период не намного позже 3500 г. до н. э., хотя не исключено, что она может быть на 1500 лет старше. Даже если принять меньшую цифру, древность первых поселений человека на холме Кефала становится совершенно ошеломляющей для разума. Если рост отложений на холме происходил со скоростью около 3 футов за тысячелетие - разумное предположение, - из этого следует, что мы должны поместить самые ранние жилища неолитического человека в Кноссе не позднее 10000, а возможно, уже в 12000 году до нашей эры.

Только спустя много веков после того, как ушла в прошлое Шестая египетская династия, мы наталкиваемся на новые свидетельства связи между двумя странами. Ранние дворцы в Кноссе и Фесте были построены, и первый период Среднего Минуса, с его зачатками полихромного декора и статуэтками царицы Елизаветы из Петсофы, пришел и ушел на Крите, в то время как в Египте соответствующий период был отмечен смутами между Седьмой и Одиннадцатой династиями. Но возвышение Двенадцатой династии в Египте ознаменовало начало более стабильного положения дел в долине Нила, и в этот период, который соответствует II Среднеминойскому периоду доктора Эванса, вновь появляются свидетельства контактов между двумя царствами. Что касается абсолютной датировки, то мы, конечно, как никогда в темноте, и можем выбирать между 2000, 2500 и 3459 годами до н. э. В любом случае, на данный момент, условно говоря, в 2000 году до н. э., Египет Сенусертов и Аменемхатов и Крит Среднего Миноя II. явно современны и находятся в хорошо установленной связи. На Крите это был период, когда красивая полихромная посуда Камарес была на пике популярности, и в Кахуне, недалеко от пирамиды Сенусерта II, профессор Петри несколько лет назад обнаружил несколько бесспорных образцов этой

прекрасной посуды, которая, несомненно, была импортирована с Крита, так как ткань совершенно неизвестна в местном египетском керамическом искусстве. Еще более убедительным было открытие профессором Гарстангом в нетронутой гробнице в Абидосе полихромного сосуда в новейшем стиле того периода, в компании с глазурованными стеатитовыми цилиндрами, на которых написаны имена Сенусерта III и Аменемхата III, последних великих царей Двенадцатой династии.

Но самая интересная связь между двумя странами обнаруживается в том, что в этот период в Египте было возведено здание, которое стало рассматриваться как параллель критскому Лабиринту, и которое, с любопытной инверсией фактов, долгое время считалось оригиналом, от которого произошел критский Лабиринт. Пирамида Аменемхата III, величайшего царя великой Двенадцатой династии и, по сути, одного из величайших людей, когда-либо державших египетский скипетр, стояла в Хаваре, недалеко от устья Фаюма. Недалеко от него Аменемхат воздвиг огромный храм, подобного которому никогда не строили прежде и никогда больше не строили, даже в той стране гигантских сооружений. Великое здание было возведено в характерном для Среднего царства стиле из огромных блоков прекрасного известняка и кристаллического кварцита. Он давно исчез, так как в течение тысячелетий использовался в качестве каменоломни; но размер участка, который все еще можно проследить, показывает, что в действительности храм занимал площадь, на которой Карнак, Луксор и Рамессеум, какими бы огромными они ни были, вполне могли бы стоять вместе.

Даже во времена Геродота от этого огромного здания еще оставалось достаточно, чтобы вызвать его глубокое удивление и восхищение, и оно казалось ему более выдающимся сооружением, чем даже пирамиды. В нем, - говорит он, - двенадцать дворов, обнесенных стенами, с дверями напротив друг друга, шесть выходят на север, шесть - на юг, примыкают друг к другу, и одна и та же внешняя стена окружает их. В нем два вида помещений, одни под землей, другие над землей, числом 3 000, по 1 500 в каждом". Ему не разрешили осмотреть подземные камеры. Но верхние, превосходящие все человеческие творения, я видел сам; ибо проходы по коридорам и витки по дворам, из-за их великого разнообразия, представляли тысячу поводов для удивления, когда я переходил из двора в комнаты, из комнат в залы, из залов в коридоры, из залов в коридоры, из залов в дворы. Крыши всех этих зданий каменные, как и стены, но стены полны скульптурных фигур. Каждый двор окружен колоннадой из белого камня, плотно пригнанной". Геродот считал, что здание относится ко времени Псамтеха I, в чем он, конечно, смехотворно далеко заблуждался, но в остальном нет оснований сомневаться, что его описание действительно отражает то, что он видел, хотя, несомненно, его живой ум несколько преувеличил количество комнат.

[Сноска *: Геродот II. 148.]

Плиний Старший, судя по его описанию, очевидно, видел в Хаваре почти то же самое, что и Геродот, хотя время, должно быть, несколько уменьшило величие здания. Уже во времена Геродота к этому храму было применено название Лабиринт. Раньше считалось, что Хаварский лабиринт дал название критскому, а для слова "лабиринт" была придумана египетская этимология, согласно которой оно должно было означать "храм в устье канала". Египетская форма названия, однако, является "плодом филологического воображения". Вероятно, оригинальность лежит в другом направлении. Первый дворец в Кноссе датируется периодом, несомненно, столь же ранним, как и храм в Хаваре, а возможно, и несколько более ранним; и поскольку производное слова "лабиринт" от Labrys или Double Axe, превращающее дворец в Дом или Место Двойного Топора, кажется вполне удовлетворительным, египетский Лабиринт, по всей вероятности, получил свое название от

Дома Миноса в Кноссе. Однако, помимо простого вопроса о названиях, существует интересная параллель, согласно которой два самых известных Лабиринта, первый дворец в Кноссе и великий храм в Хаваре, на самом деле относятся к одному и тому же периоду - периоду, когда, как мы знаем из других свидетельств, между двумя народами, безусловно, существовало активное взаимодействие.

Мистер Холл отмечал сходство между реальным зданием в Кноссе и описаниями, оставленными нам его египетским современником. Литературная традиция о Лабиринте Миноса гласит, что это было место с лабиринтными проходами и извилинами, которые трудно пройти без проводника или подсказки, и фактические останки в Кноссе показывают, что дворец должен был очень хорошо соответствовать такому описанию, а особенность храма в Хаваре, которая поразила Геродота и Плиния, была точно такой же. "Проходы по коридорам и извилины по дворам, благодаря своему огромному разнообразию, представляли тысячу поводов для удивления". Сходство распространялось и на материал, из которого были возведены здания. Прекрасный белый известняк в Хаваре, должно быть, очень напоминал сияющий белый гипс Кносса, и хотя египетский Лабиринт слишком сильно разрушился, чтобы мы могли судить о его кладке, великолепные строительные работы в храме Одиннадцатой династии Ментухотепа Неб-хапет-Ра в Дейр-эль-Бахри, с его большими блоками известняка, красиво подогнанными и уложенными, представляют собой хорошую параллель Среднего царства с большими гипсовыми блоками Кносского дворца. Конечно, мы не можем приписывать критскому влиянию стиль египетских зданий в этом отношении. В течение сотен лет египтяне были мастерами в искусстве строительства из огромных каменных блоков, так что, если в этом вопросе и есть какая-то деривация, то, скорее, Крит последовал примеру Египта. Но, возможно, это не простое совпадение, что в период египетской истории, который, как мы знаем, был связан с важной эпохой критского развития, в Египте было возведено здание, абсолютно не имеющее аналогов, насколько нам известно, среди архитектурных триумфов этой нации, но не имеющее отдаленного сходства, если верить описаниям, с великим дворцом, который минойские государи недавно возвели, а может быть, и продолжают возводить, для себя в Кноссе. Можно ли предположить, что посланники Аменемхета III привезли в Египет отчеты и описания великого критского дворца, которые могли вдохновить этого царя на создание памятника, уникального среди египетских построек, но вдохновленного реальными достижениями его братьев-монархов на Крите? Независимо от того, является ли идея об этой связи между двумя зданиями просто причудливой или нет, их сходство добавляет еще одну иллюстрацию к доказательствам тесной связи между минойской и египетской культурами в третьем тысячелетии до нашей эры.

[Сноска *: *Journal of Hellenic Studies*, 1905, part ii.]

С последующей критской эпохой, Средней Минойской III, мы соприкасаемся с темным веком египетской истории, большим промежутком, охватывающим династии XIII-XVII, к концу которого следует отнести господство гиксосов. Поскольку в Египте эпоха была столь беспокойной, маловероятно, что мы найдем там много свидетельств какой-либо связи между двумя землями; но свидетельства, найденные на критской земле, хотя и незначительны, но убедительны в том, что связь поддерживалась. Для более раннего периода у нас есть статуэтка, уже упоминавшаяся как найденная в Кноссе, с именем "ребенка Аб-нуба, Себек-узера, умершего, рожденного от владычицы Сат-Хатор". Кто был Себек-узер, - замечает мистер Холл, - и как его статуэтка попала на Крит, мы не можем знать". Но "умерший" в надписи показывает, что статуэтка была погребальной или мемориальной, и вряд ли такой предмет был привезен только ради него самого или ради его художественной ценности,

которая достаточно мала. Не может ли быть так, что отец Аб-нуб, сын Себек-усер или оба они были египтянами, проживавшими при Кносском дворе, либо как представители египетских интересов, либо как искусные мастера, и что статуэтка - это память о том, кто умер вдали от родины, но не без друзей, которые позаботились о том, чтобы он не был лишен погребального внимания, которое было бы оказано ему на родине? Несомненно, между двумя странами происходил обмен людьми и товарами; некоторые художники и ремесленники обеих стран, естественно, отправлялись туда, где был спрос на их работу или где искали инструкторов для обучения новым искусствам; возможно, Аб-нуб и его сын Себек-усер таким образом попали в Кносс и нашли там свои могилы. Возможно, именно они были ответственны за "импортные алебастровые вазы, датируемые Средним царством Египта", которые были найдены в царской гробнице в Изопате?

Ближе к концу этой эпохи керамическое искусство Кносса демонстрирует черты, которые напрямую связаны с египетским влиянием. Искусство глазурования керамики было не исконно критским, а египетским; оно в полной мере использовалось в Египте с самого начала правления Первой династии. Но теперь мы видим, что оно достигло высокого уровня развития на Крите в прекрасных фаянсовых рельефах дикой козы и детей, вазах с рельефной дикой розой на губе и статуэтках богини-змеи и ее воительниц. Критские художники, однако, хоть и заимствовали этот процесс, но адаптировали его к собственным вкусам. В Египте фаянс того времени был строго традиционным, с черным рисунком на синем; но критянин освободился от этих ограничений и выполнил свои фаянсовые рельефы в полихромном стиле, который все еще сохраняется, хотя теперь уже не так распространен, как раньше.

Катастрофический период господства гиксосов в Египте оставил в Кноссе лишь один след, но он представляет особый интерес, поскольку это крышка алабастрона с именем гиксосского царя Хиана. Нельзя сказать, что мы знаем кого-то из гиксосских царей, но именно Хиан - тот, чьи реликвии наиболее широко распространены и представляют наибольший интерес. Находка крышки в Кноссе, на самом дальнем западе, уравновешивается львом с его картушем, найденным много лет назад в Багдаде, на самом дальнем востоке, а в своих надписях он называет себя "Объединителем территорий". Поэтому было высказано предположение, что Кносская крышка и Багдадский лев - это скудные реликвии великой империи гиксосов, которая когда-то простиралась от Евфрата до Первого катаракта Нила, а также, возможно, подчиняла себе Крит. Однако, по всей вероятности, эта идея - всего лишь сон; конечно, в том, что касается Крита, она крайне маловероятна. В самые лучшие времена египетского флота фараоны никогда не властвовали над Критом, и даже Кипр никогда не был под их властью. Гораздо менее вероятно, что царь расы гиксосов, чья традиция связана с землей и пустыней, смог бы установить сюзеренитет над расой, чья традиция связана с морем, и которая тогда была в полной гордости своей силы.

Прошла еще одна историческая эпоха, прежде чем мы снова увидели Крит и Египет в тесном контакте друг с другом. На Крите последний среднеминойский период сменился первым позднеминойским, в котором великий дворец среднего периода постепенно превращался в еще более крупное и величественное сооружение, которое не должно было быть завершено до следующего периода. В Египте Семнадцатая династия после долгих колебаний наконец-то взяла в руки перчатку, брошенную гиксосскими завоевателями, и война за независимость привела к изгнанию принцев пустыни и их рода. На смену династии завоевателей пришла Восемнадцатая, династия царицы Хатшепсут, Тахутмеса III и Аменхотепа III, и Египет переживал период великого возрождения, как в мировом влиянии, так и в торговле и искусстве. Царица Хатшепсут, которая в одной из своих надписей утверждает, что "ее дух

склонялся к чужим народам", отправила свою эскадру в Сомалиленд, а Тахутмес III организовал военный флот на побережье Средиземного моря. Древняя империя Нила во всех направлениях раскрывала свои объятия для внешних влияний и втягивала в порты великой реки торговые и художественные продукты всех известных народов.

Среди рас, которые наиболее заметны в египетских записях того периода, - кефтиу, которые часто изображаются на картинах того времени, и всегда с теми же характерными чертами, в той же одежде и с той же посадкой, с теми же продуктами торговли и искусства. Кто же такие кефтиу? Это слово означает народ или страну "сзади" - другими словами, сзади "Очень зеленого", как египтяне называли Средиземноморье. Так что кефтийцы, с которыми купцы и придворные Египта были знакомы во времена Хатшепсут и Тахутмеса III. были для них людьми "из глубины веков" - самым далеким народом, с которым они имели дело. Но какая раса могла соответствовать этим "людям с того света"? Во времена Птолемея слово "кефтиу", несомненно, применялось к финикийцам, которые долгое время были великими мореплавателями и перевозчиками Средиземноморья; и до последних лет было принято считать, что кефтиу Восемнадцатой династии также были финикийцами, хотя их лица, изображенные на египетских настенных росписях, не несли ни малейшего следа семитских черт. Но открытия последних лет навсегда разрушили эту идею, как и многие другие убеждения о влиянии переоцененных финикийцев на культуру Средиземноморья, а изображения минойцев из Кносса сделали уверенным, что Кефтиу Восемнадцатой династии были не кем иным, как послами, моряками и купцами морских царей с Крита. К счастью, роспись гробниц, сохранившая столько интересных деталей египетской жизни, никогда не была более усердной и более счастливой, чем в этот период. Во всех главных гробницах изображены процессии северян, западников, восточников и южан, причем север представлен семитами, восток - людьми Пунта, юг - неграми, а запад - кефтиу; и мы можем сравнить людей с кноссских фресок с их соотечественниками, изображенными на стенах гробниц фиванских грандов, и быть уверенными, что, допуская различия в стиле искусства, это, по сути, один и тот же народ. Гробницы, в которых лучше всего сохранились фигуры Кефтиу, - это гробницы Сен-мута и Рех-ма-ра. Гробница Сен-мута - самая ранняя, хотя и всего на одно поколение, а может быть, и меньше. Он был архитектором царицы Хатшепсут, человеком, который спланировал и осуществил великий храм с колоннами в Дейр-эль-Бахри и установил гигантские обелиски Хатшепсут. Из его гробницы в Фивах открывается вид на храм, который он построил по приказу царицы, чтобы тот стал "раем для Амена", а на его стенах мы можем видеть "людей из глубины мира", идущих в процессии, каждый со своим подношением, чтобы преподнести его фараону. Не может быть никаких сомнений в том, кто это такие. Полусапоги и шлепанцы, украшенный пояс, сжимающий талию, но не так туго, как на минойских изображениях, богато украшенная набедренная повязка, которая является единственным предметом одежды, - все это практически идентично типу такой фрески, как "Кубконосец" в Кноссе. Добросовестные египетские художники тщательно изобразили и сложную прическу, характерную для минойцев, которые позволяли своим волосам ниспадать длинными хвостами до плеч, а часть их завязывали в узел или завивали на макушке. Носители дани несут в руках или на плечах большие сосуды из золота и серебра, некоторые из них точно напоминают по форме кубки Вафио, хотя и намного больше их, некоторые из них похожи на бронзовый фужер, найденный в северо-западном доме в Кноссе.

(1) Главный сток, Кноссос (стр. 98)

(2) Дренажные трубы Терра-Котта (стр. 98)

Рех-ма-ра, в гробнице которого находятся другие примечательные изображения Кефтиу, также был великой фигурой в египетской истории в следующее царствование. Он был визирем Тахутмеса III, фараона-завоевателя из Восемнадцатой династии. Изображения на стенах его гробницы, по крайней мере, в некоторых случаях, очевидно, представляют собой нечто большее, чем просто расовые исследования; это тщательные портреты. Первый мужчина, "Великий вождь Кефти и островов Зеленого моря", молод, у него удивительно маленький рот с приветливым выражением. Цвет лица у него скорее светлый, чем смуглый, но волосы темно-каштановые. Его лейтенант, следующий по порядку, совсем другого типа - пожилой, с самым грозным выражением лица, римским носом и ореховыми челюстями. Большинство остальных очень похожи друг на друга - молодые, смуглые, с длинными черными волосами, свисающими ниже пояса и закрученными в причудливые узлы и кудри на макушках"[*].

[Сноска *: H. R. Hall, "Egypt and Western Asia", p. 362].

Эти Кефтиу, таким образом, были минойцами периода Большого дворца на Крите, доэллинскими греками, пеласгами старой греческой традиции, в чье время великая цивилизация Минойской империи достигла своей кульминационной точки и была в пределах небольшого от своей окончательной катастрофы. Это счастливое обстоятельство, что Сен-мут и Рех-ма-ра заставили изобразить их именно тогда, когда они это сделали, потому что еще через два или три поколения слава Кносса канула в Лету, чтобы никогда не возродиться. Греция дала египетским ученым ключ к переводу иероглифов в греческой версии египетского текста на Розеттском камне; росписи фиванских гробниц вернули часть этого долга, показав нам образы тех "греков до греков", которые жили на Крите. Возможно, когда-нибудь этот долг будет полностью погашен открытием двуязычного текста на египетском и минойском языках, дающего нам в иероглифах версию какого-то отрывка минойской письменности, которая сегодня существует только для того, чтобы манить нас записями древней истории, которую мы не можем прочитать. Такое открытие отнюдь не исключено. Не так давно Богаз-Кеуи предоставил нам клинописную версию знаменитого договора между египтянами и хеттами во времена Рамсеса II; возможно, какой-нибудь участок на Крите или в Египте еще может предоставить нам двуязычный договор между Тахутмесом III и минойским государем его времени.

После времени Тахутмеса свидетельства связи между двумя землями снова становятся скудными. Тот факт, что фаянс времен Аменхотепа III отбросил старую египетскую традицию черно-синего цвета и теперь радуется великолепным шоколадным, пурпурным, фиолетовым, красным и яблочно-зеленым цветам, показывает, что критское влияние было все еще сильно. Фрагменты позднеминойской керамики, найденные в изобилии на месте новой столицы Ахенатена в Телль-эль-Амарне, показывают, что даже в правление этого царя, еретика, сына и преемника Аменхотепа III, Крит все еще торговал с Египтом. Но еще до вступления Ахенатена на престол, около 1380 года до н. э. - возможно, за двадцать лет до этого события - уже произошла великая катастрофа, которая привела к гибели Кносской империи минойцев. Критские изделия, попавшие в Египет после 1400 года до н.э., были продуктами минойского упадка, когда оставшиеся в живых представители империи морских царей - разбитой и угасающей расы - все еще пытались сохранить медленно разрушающуюся традицию искусства под руководством новых хозяев, возможно, микенцев с материка, которые, вытесненные северными захватчиками, в свою очередь подавили более мягкую братскую цивилизацию Крита.

Микенские "вазы со стремянами", изображенные в гробнице Рамзеса III. (1202-1170 гг. до н.э.), а также изображения золотых кубков типа Вафио в гробнице Имадуа указывают на

связь вплоть до последних остатков умирающей расы; но ко времени Рамзеса III минойское царство, вероятно, было мертво и похоронено уже около двух столетий. В самом деле, с приходом к власти в Египте Девятнадцатой династии (1350 г. до н. э.) имя Кефтиу исчезает из египетских записей, а на месте людей из глубины веков появляется путаница враждующих морских племен, некоторые из которых, возможно, являются людьми, свергнувшими Минойскую империю, а некоторые, вероятно, представляют собой разбитые осколки этой самой империи, которые объединяются для нападения на Египет, но терпят поражение и терпят крушение. В записях о более раннем из этих вторжений, произошедшем в правление Меренптаха (1234-1214 гг. до н. э.), преемника Рамсеса II, трудно проследить какие-либо имена, связанные с Критом. Акаюаша, возможно, были ахейцами, но это уже другая история.

Но когда мы переходим к рассмотрению великого вторжения в царствование Рамсеса III, около 1200 г. до н. э., мы соприкасаемся с племенами, которые несут почти несомненные признаки критского происхождения, и одно из них особенно интересно для нас по другим причинам. В восьмой год правления Рамсеса III. Восточные берега Средиземноморья были охвачены великим нашествием "народов моря". Острова были беспокойны, они волновались между собой", - говорит Рамсес в своей надписи в Мединет-Хабу. Очень вероятно, что это нашествие было результатом движения на юг вторгшихся северных племен, давление которых вынуждало древние эгейские народы мигрировать и искать себе новое пристанище. Высадившись в Северной Сирии, народы моря быстро овладели осколками некогда грозной хеттской конфедерации и, вобрав в свой союз хеттов, которые, возможно, действительно были их сородичами, двинулись на юг вдоль морского побережья, их флот военных галер не отставал от продвижения сухопутной армии. Они основали центральный лагерь и место хранения оружия в земле Амора, или Аморитов, и их продвижение на юг быстро стало угрозой для Египетской империи. Рамсес III, последний великий воин из рода истинных египтян, предпринял эффективные приготовления к встрече с ними. Собрал в устьях Нила многочисленный флот, на котором находилось большое количество страшных египетских лучников, он вместе с сухопутной армией двинулся навстречу захватчикам, причем его флот также сопровождал поход армии. Место столкновения двух войск вызывает сомнения: одни помещают его в Финикию, другие - гораздо ближе к египетской границе. В любом случае, произошла грандиозная битва, как на суше, так и на море, и египетская армия и флот были полностью успешны в двойном столкновении. На рельефах Рамзеса в Мединет-Хабу изображены подробности битвы: египетский флот проникает в морские народы и уничтожает их, а фараон с берега помогает стрелять из лука, повергая в смятение своих врагов. Двойная победа положила эффективный конец любым устремлениям захватчиков в направлении постоянной оккупации Египта, хотя, вполне вероятно, они продолжали удерживать уже завоеванные территории.

ТЕАТРАЛЬНАЯ АРЕЯ, КНОССОС: ДО ВОСКРЕШЕНИЯ (стр. 100)

Племена, которые упоминаются в надписях Рамсеса как объединившиеся в этой попытке, - данауна, уашаша, заккару, шакалша и пулосату в союзе с северосирийскими племенами. Данауны - это, очевидно, данаи, или аргивяне, та самая раса, которая под властью ахейцев составляла основную часть греческой армии при осаде Трои. Поскольку Данаос, герой этой расы, был царем Родоса и Аргоса, эти морские данаи могли быть родосскими аргивянами. Шакалша - более сомнительная величина, их по-разному отождествляют с сикелами древней Сицилии и сагалассами Писидии. Но остальные племена, скорее всего, критяне, осколки старой Минойской империи, которая рухнула за два века до этого и теперь постепенно распадалась под продолжающимся давлением с севера. Заккару были связаны профессором Петри с прибрежным городом Закро на востоке Крита, и эта идентификация, хотя и не является абсолютно точной, но, во всяком случае, очень вероятна. Уашаша были связаны г-ном Х. Р. Холлом с городом Аксос на Крите. Остаются еще Пулосату, которые, почти без сомнения, являются филистимлянами, так хорошо известными нам по их связи с возвышением древнееврейской монархии. Еврейская традиция выводит филистимлян из Кафтора, а Кафтор - это, очевидно, не что иное, как египетский Кефти, или Кефтиу. Таким образом, филистимляне - это последний организованный остаток старой минойской морской державы. Отброшенные от границ Египта победой Рамсеса III, они обосновались на приморской равнине Палестины, где, возможно, минойцы уже занимали торговые поселения, и там сформировали сообщество, состоящее пяти городов, управляемых пятью тиранами-конфедератами. Несомненно, они подчинили себе и держали в подчинении древнее ханаанское население района, которым они управляли так же, как норманны управляли жителями Сицилии. В районе, которым они управляли, и особенно в Телль-эс-Сафи (Гат), господа Блисс и Макалистер обнаружили множество образцов керамики, которая явно является критской третьего, позднеминойского периода, а также посуду, которая является местной в том смысле, что была изготовлена на месте, но совершенно точно является позднеминойской также по своему дизайну и декору.

Итак, народ, с которым мы все знакомы с самого раннего детства как с ненавистным соперником молодого еврейского государства, чьи войны с евреями являются темой многих героических историй железного века Израиля, был последним выжившим представителем великой расы Миноса. Самсон устроил для своих критских похитителей спор в минойском

театральном зале у портика какого-то выродившегося дома Миноса, наполовину дворца, наполовину святилища, где критские дамы в своих странно современных одеждах с оборками и воланами смотрели с балконов вниз на его силовые подвиги, как их предки смотрели в Кноссе на бокс и схватки с быками в те прекрасные дни, когда Кносс правил Эгейским морем. Великий чемпион, которого Давид встретил и убил в долине Элаха, был критянином, пеласгом, одним из греков до греков, в бронзовой одежде со шлемом с перьями, который его народ принял в более поздние времена вместо старой кожаной шапки и огромного щита в форме восьмерки. Иттай из Гата, верный капитан телохранителей Давида, и сами телохранители Давида, херетиты и пелетиты (критяне и филистимляне), были одного с ним рода.

Хотя для этих последних приверженцев великой минойской традиции настали плохие времена, очевидно, что они не совсем выродились. Упоминания об их городах в Писании показывают, что они все еще сохраняли национальный вкус к великолепным зданиям; и, несомненно, их культура, хотя и относящаяся к последнему и самому упадочному периоду минойского искусства, намного опережала культуру грубых древнееврейских племен. Золотые мыши и опухоли, которые они отправили евреям вместе с ковчегом Иеговы, напоминают, с одной стороны, о мастерстве минойских ювелиров, а с другой - о вотивных изображениях животных и больных человеческих органов, помещенных в старом святилище в Петсофе. Уважение, которое вызывала их воинственная доблесть, легко читается между строк древнееврейской истории. Раса, которая, по мнению ее противников, порождает гигантов, является расой, доказавшей свою респектабельность на поле войны; и тот факт, что небольшая лига из пяти городов продержалась так долго, как она продержалась, и смогла навлечь на себя такой ужас, указывает на храбрость и мастерство в оружии, совершенно непропорциональные ее фактической силе в простом количестве. Очевидно, последним минойцам удалось создать для себя атмосферу в Палестине и внушить окружающим народам здоровый ужас перед ними. Мы можем представить себе мужчин с Крита, стройных и ловких, какими мы видим их на Боксерской вазе в Агия Триада, грозно размахивающих своими бронзовыми доспехами среди более слабых восточных народов, подобно тому, как более поздние греческие гоплиты времен Псамтека I или Хаа-аб-ра доминируют над коренными египтянами.

Но в любом случае филистимлянин был анахронизмом, выжившим в более древнем мире. День минойца, как и его раннего друга египтянина, канул в Лету. Над горизонтом поднимались звезды новых рас, и новые претенденты делили наследие древнего мира. Новому греку досталось царство знаний и искусства, которое его критский предшественник небезосновательно культивировал; месопотамцу - царство вооруженного господства, на которое также когда-то претендовал критянин; ивриту - царство духовной мысли, в котором, по причине нашего невежества, мы почти ничего не можем сказать о достижениях критянина, кроме того, что он тоже стремился к Богу, если, может быть, он почувствует Его и найдет Его.

ГЛАВА VIII

РАЗРУШИТЕЛИ

Империя морских царей была застрахована от бедствий и поражений не больше, чем любая другая великая империя древнего мира. Времена завоеваний и триумфов, когда Кносс взимал дань с побежденных государств, Мегары или Афин, или со своих собственных далеко разбросанных зависимых территорий, время от времени прерывались периодами, когда победа покидала его знамена, и когда за обиды, нанесенные другим государствам, он мстил

сам. По крайней мере, один раз за долгую историю Кносского дворца, если не дважды, наступал катастрофический день, когда минойский флот либо терпел поражение, либо ускользал от него, когда некая сила вторжения высаживалась и проносилась по долине, преодолевала сопротивление, которое могла оказать охрана неукрепленного дворца, и вновь уходила к своим кораблям, оставляя за собой смерть и почерневшие от огня стены. Второй среднеминойский период завершается свидетельством такой общей катастрофы, в ходе которой дворец был разграблен и сожжен, и есть также следы, позволяющие предположить, что конец предыдущего периода был отмечен подобной катастрофой.

Но эти катастрофы, будь то простые морские разбойники, совершившие дерзкий набег на владения великой морской державы, или воины соперничающих материковых государств, жаждущие отомстить своему врагу за то, что сами пострадали от его рук, или, как склонны считать доктор Эванс и другие исследователи, критяне из Фестоса, целью которых было лишь свержение правящей династии, едва ли прерывали течение минойского развития. Если враг приходил извне, он приходил только разрушать и грабить, а не захватывать, и, сделав свое дело, уходил; если изнутри империи, его триумф не нарушал преемственности минойской традиции. Дворец вновь восстал из пепла, более великий и славный, чем прежде, и люди того же сословия продолжили работу, которую на время пресекла грубая рука войны. Люди третьего среднеминойского периода возвели на месте первого дворца зачатки второго, и в реликвиях их искусства и ремесел все еще преобладает тот же дух, что и в предыдущий период, с изменениями не более значительными, чем те, которые естественным образом приходят в искусство любого народа по прошествии времени.

С начала Среднего Миной III. до конца Позднего Миной II.- период, то есть около 500 или почти 2000 лет, в соответствии со схемой египетской хронологии, которую мы можем принять - цивилизация Крита, очевидно, следовала курсу равномерного и мирного развития. В Кноссе, Фесте и Агия Триаде великие дворцы медленно росли, достигая своей окончательной славы. Искусство, создавшее прекрасную полихромную посуду Камареса, ушло в прошлое, и на смену ему пришел натурализм, оставивший нам Голубого мальчика, собирающего белые крокусы, и фаянсовые рельефы храмовых хранилищ, натурализм, который, с различными изменениями в стиле и материале, сохраняется до конца позднеминойского периода I. В середине этого периода (Поздний Миной I.) появляются, возможно, самые высокие достижения минойского искусства в виде стеатитовых ваз Агия Триады, Боксера, Жатвы и Вождя. На материке родственная культура Микеней достигла своего апогея, и искусство, представленное в Круговых могилах, было почти в полном расцвете. Натурализм приходит в упадок, и на смену ему приходит стиль Позднего дворца, более грандиозный, более манерный и менее свободный, чем предшествующий ему. Именно в период Позднего дворца (позднеминойский II) были написаны миниатюрные фрески, чтобы сохранить для нас странно современный стиль минойского двора с его нарядами и наряженными дамами. Натурализм, хотя и потерпевший крах, все еще был способен на великие дела, и его последние усилия в Кносском дворце подарили нам великолепные рельефы из расписной лепнины, такие как голова быка и царь с павлиньими плюмажами. За морем египтяне Восемнадцатой династии устанавливали на стенах своих гробниц те подобия Кефтиу, которые помогли нам определить дату этого последнего развития минойского величия.

ТЕАТРАЛЬНАЯ АРЕЯ, КНОССОС: ВОССТАНОВЛЕНА (стр. 100)

Г. Марагуаннис

Вероятно, мощь и величие империи никогда не были столь впечатляющими, как в течение ста лет до 1400 г. до н. э. Дом Миноса в Кноссе достиг своего полного развития и стоял во всем своем великолепии, внушительная масса зданий, венчающих холм Кефала с его пятью этажами вокруг большого Центрального. Двор, Театральный зал и прилегающие к нему помещения. В его просторных портиках и коридорах стены сияли яркими красками бесчисленных фресок и рельефов из цветной штукатурки. Во всей своей свежести выделялись "Кубоносец", "Шествие королевы", миниатюрные фрески "Дворцовый спорт". Великолепные урны из расписной керамики с рельефами, подобными рельефам большой папирусной вазы ([плита XXIII.](#)), украшали залы и дворы, а с ними соперничали огромные каменные амфоры, украшенные изысканной резьбой. Царю и его придворным подавали дорогие сосуды из золота, серебра и бронзы работы *релуссе*. Империя морских царей находилась на пике своего расцвета, и со всех сторон были видны следы безопасности и роскоши.

Но как в современном Аменхотепу III Египте за подобным развитием всех удобств и роскоши цивилизованной жизни быстро последовало падение при Ахенатене, так и на Крите роскошь позднего Миноса II была лишь прелюдией к его великой и окончательной катастрофе. Когда именно наступила эта катастрофа, мы сказать не можем. Критская империя, несомненно, еще существовала во всем своем великолепии в 1449 году до н. э., когда на трон взошел Аменхотеп II, сын великого Тахутмеса III, поскольку Рех-ма-ра, визирь Тахутмеса, в гробнице которого изображен визит кефтийских послов, пережил, как мы знаем, царствование Аменхотепа. Двадцать шесть лет правления Аменхотепа II и почти девять лет правления Тахутмеса IV приводят нас к воцарению Аменхотепа III в 1414 году, а тридцать шесть лет последнего - к 1379 году до н. э. или около того, когда на престол взошел еретик Ахенатен, чье правление стало свидетелем падения Египетской империи в Сирии. Где-то в течение этих семидесяти лет империя минойцев сгинула в огне и кровопролитии, и мы, вероятно, не

сильно ошибемся, если предположим, что великая катастрофа произошла около 1400 года до н. э. Вывод доктора Эванса таков: "Кажется разумным предположить, что свержение в Кноссе произошло не позднее первой половины четырнадцатого века. Миссис Х. Б. Хоуз относит падение Кносса к 1450 году; но Рех-ма-ра, должно быть, еще жил в это время, и, как замечает профессор Берроуз, "было бы по меньшей мере странным совпадением, если бы египетские художники рисовали славу дворца в тот самый момент, когда она уходила".

[Сноска *: 'Scripta Minoa', pp. 52, 53].

То, что произошла огромная катастрофа, навсегда сломившая власть морских царей, не вызывает сомнений. Минойское царство не пало от перезрелости и упадка, как это было со многими другими империями. Последние реликвии его искусства до катастрофы не показывают никаких признаков упадка; последние образцы его линейного письма заметно превосходят те, что были созданы в предшествующие периоды. Цивилизация, находившаяся в полном расцвете сил, была внезапно и фатально остановлена. Повсюду в Кносском дворце видны следы огромного пожара. Обугленные концы балок и колонн, сама сохранность глиняных табличек с загадочными записями, сохранившихся, вероятно, благодаря огромному жару, которому они подверглись из-за яростного пламени масла в кувшинах магазинов, следы почернения от огня на стенах - все говорит о непреодолимой трагедии. Катастрофа не была результатом случайности. Нельзя не признать, что во дворце не было обнаружено ни малейших следов драгоценных металлов и почти никаких следов бронзы. Пожар в Кноссе сопровождался грабежом, и грабеж был основательным. Несколько обрывков золотых листьев и небольшое количество бронзовых сосудов, сохранившихся от грабителей благодаря тому, что пол комнаты, в которой они были найдены, просел в результате пожара, лучше, чем абсолютное бесплодие, свидетельствуют о том, что место было разграблено с минутной тщательностью, а незаконченный каменный кувшин в мастерской скульптора рассказывает свою историю о внезапном призыве от мирного и счастливого труда к суровым реалиям войны.

Свидетельства из Фестоса и Агия Триады совпадают с данными из Кносса. Повсюду видны следы огня на стенах и внезапное прерывание спокойной и роскошной жизни. В комнатах Агия Триады и на лестнице базилики в Кноссе до сих пор стоят те самые каменные лампы, которые освещали последнюю ночь обреченных минойцев. Конечно, никаких записей нет, а если бы и были, мы не смогли бы их прочесть; Но легко представить себе катастрофическое морское сражение у устья реки Кайратос или в другом месте побережья, обломки некогда непобедимого минойского флота, выброшенные на берег в безнадежной гибели в мелководной бухте, подобно афинскому флоту в Сиракузах, стремительный марш материковых завоевателей вверх по долине, короткое, отчаянное сопротивление дворцовой стражи, а затем ужасы разграбления и длинная колонна раскрасневшихся победителей, спускающихся к своим кораблям, нагруженным добычей, и ведущих за собой толпы пленных женщин. Подобные сцены, должно быть, разыгрывались в Фестосе и Агия Триаде, либо другими силами захватчиков, либо тем же самым войском, пронесшимся вокруг острова.

От этого ошеломляющего бедствия Минойская империя так и не оправилась. Кносский дворец так и не был восстановлен в качестве дворца, по крайней мере, в масштабах бывшего великолепия. Возможно, захватчики ушли так же быстро, как и пришли, или, если, что кажется более вероятным, они в конце концов утвердились в качестве правящей касты среди подданных минойцев, они выбрали для своих жилищ другие места, а не те, где стояли старые дворцы. Разбитые осколки минойской расы вернулись после разграбления на почерневшие руины своего священного и прекрасного дома, но не для того, чтобы отстроить его заново, а для того, чтобы разделить его величественные комнаты и комнаты его подчиненных грубыми

стенами на бедные жилища, где они и жили дальше - совсем другой жизнью, чем в золотые дни до разграбления.

Большой кувшин с папирусными реликвиями (стр. 206)

Они по-своему пытались продолжить, возможно, под модифицирующим влиянием художественной традиции своих завоевателей, великую историю искусства Кносса. В стиле керамики и других изделий, относящихся к последнему минойскому периоду, нет резкого перелома по сравнению с тем, что было до катастрофы. Техническое мастерство почти так же велико, как и прежде; началось вырождение вдохновения искусства. Дух нации был сломлен, и ее искусство больше не живет. Хотя старым образцам и следуют, но с меньшей полнотой понимания, с постоянно увеличивающимся интервалом и со все меньшей верностью. Неспособность создавать новые идеи в искусстве и жизни, - говорит доктор

Маккензи, - сочетается с рабским следованием унаследованным традициям и обычаям в обоих случаях. Ничего нового не создается, и ничего старого не меняется"[*]. "Для Крита разграбление - это *Ægospotami*, поздний Минойский III., долгие месяцы, которые заканчиваются сдачей Афин; разграбление - это Лейпциг, поздний Минойский III, медленное приближение к Парижу, которое приводит к отречению Наполеона от престола". Наконец, даже техника дает сбой, и великое искусство, подарившее миру фигуры Кубконосца и Короля с павлиньим плюмажем, угасает в чудовищах.

[Сноска *: *Annual of the British School at Athens*, vol. xiii., p. 426].

[Сноска **: R. M. Burrows, "The Discoveries in Crete", p. 100].

Длительный упадок был в некоторой степени приостановлен приходом других волн захватчиков, вероятно, ахейцев, влиянию которых можно приписать изменения в обычаях, которые начинают проявляться в пост-минойский период. Сжигание начинает занимать место ингумации как способ избавления от мертвых; в гробницах появляются континентальные виды оружия; встречаются даже железные мечи и кинжалы. При жизни мужчины, использующие это оружие, одеты не в минойскую набедренную повязку, а в одежду, которая ассоциируется у нас с греками классического периода, одежду, которая требует использования фибулы или булавки для крепления. Гончарное искусство начинает находить новые мотивы и развивать использование человеческой формы в качестве типа украшения в манере, почти полностью чуждой минойской традиции. Наконец, возможно, через четыре столетия после падения Кносса, приходит великая приливная волна дорийского вторжения, поглощая работы как завоевателей, так и побежденных, и уничтожая все ориентиры древних культур.

И на протяжении всех этих перемен и с тех пор разрушенный дом Миноса оставался абсолютно заброшенным, пока, спустя более 3 000 лет после разграбления, его отголоски не были разбужены лопатами и кирками рабочих доктора Эванса. Вокруг руин быстро выросли мрачные и жестокие легенды. Старые традиции, смутно сохранившиеся в памяти коренных критян, о боях быков и призовых кольцах, о дани тореадоров с покоренных народов, казалось, подтверждались самими украшениями дворцовых стен, все еще видимых среди руин, а вокруг них сплетались истории, дошедшие до нас как легенды ранней Греции. Давайте на мгновение поместим себя, - говорит доктор Эванс, - в положение первых дорийских колонистов Кносса после великого свержения, когда среди массы руин еще были различимы черты, которые сейчас с трудом вскрываются лопатой. Название [Лабиринт] все еще сохранялось, хотя его точное значение, передаваемое на родном критском диалекте, было, вероятно, утрачено. У западных ворот в царских одеждах, которые сегодня видны лишь частично, стояла сама царица Ариадна, а перед ней - прекрасный юноша, возможно, герой Тесей, собирающийся получить катушку ниток для своего освободительного похода по лабиринтным галереям? Внутри, свежие и прекрасные на стенах внутренних покоев, стояли пленные юноши и девы, запертые здесь древним тираном. За поворотом возвышался могучий бык, с которым в некоторых случаях, несомненно, в соответствии с излюбленным микенским мотивом, сражался полуобнаженный мужчина. Тип Минотавра как человекобыка не был лишним на земле доисторического Кносса, и не одна гемма, найденная на этом месте, изображает чудовище с нижней частью тела человека и передней частью быка.

Можно быть уверенным, что на грубого греческого поселенца тех дней эти художественные творения произвели не меньшее впечатление, чем выкопанная фреска на критского рабочего наших дней. Все вокруг - темные проходы, реалистичные фигуры, сохранившиеся от более древнего мира, - наводило на мысль о сверхъестественном. Это была земля с

привидениями, и тогда, как и сейчас, здесь водились "фантомы". Поздние истории о страшном короле и его быке-людоеде возникли как бы из-под земли, и все это место вызывало суеверный трепет. Новоприбывшие оставили его в покое. На нижних склонах холма к северу вырос еще один Кносс, а место старого дворца превратилось в "запустение и шипение". Постепенно земля покрывала разрушенные кучи, и ко времени римлян Лабиринт стал не более чем традицией и названием"[*].

[Сноска *: *Monthly Review*, March, 1901, pp. 131, 132].

Кто же были эти захватчики, которые, независимо от того, остались ли они в качестве правящей касты на завоеванной ими земле или просто разрушили ее и ушли, нанесли минойской цивилизации удар, от которого она так и не оправилась? Критяне из Прэсоса, чей рассказ о сицилийской экспедиции Миноса уже упоминался, заявили Геродоту, что после этого великого бедствия "на Крит, лишенный жителей... пришли другие люди, особенно греки, и поселились там". Как отметил мистер Хогарт, "люди из Прэсоса, несомненно, в истинно саговом духе укорачивали историю, выкристаллизовывая процесс в одно событие". Очень маловероятно, учитывая свидетельства длительного существования и постепенного угасания минойской традиции, что раса завоевателей сразу же заняла остров. Процесс, в результате которого остров Крит превратился в "смешанную землю" с разнородным населением из пеласгов, дорийцев, ахейцев и других племен, должен был быть постепенным, растянувшимся, по всей вероятности, на несколько столетий. Большой приток иноземных элементов был невозможен, пока на Крите господствовала великая и воинственная центральная власть; но как только эта власть была сломлена катастрофой, в результате которой были разрушены Кносский и Фестский дворцы, ничто не могло помешать постепенному притоку бродячих племен с Эгейского моря и севера.

О том, как произошла эта катастрофа, мы можем судить, не с точностью до деталей, но с некоторой долей вероятности в общих чертах, по тому отголоску периода скитаний и раздоров в Средиземноморье, который дошел до нас из записей Рамсеса III в Мединет-Хабу. Острова были беспокойны, волновались между собой", и это была одна из поздних волн той бури, которая разбилась о вооруженную мощь Египта около 1200 года до н. э. Вероятно, процесс миграции продолжался на протяжении нескольких поколений. Грубые, но энергичные племена севера теснили расы, создавшие ту замечательную цивилизацию бронзового века в Придунавье, реликвии которой стали появляться в последние годы; а те, в свою очередь, под давлением севера продвигались вниз, к Средиземноморью, вытесняя оттуда народы, вероятно родственные, которые занимали земли микенской цивилизации.

Мы знаем, что задолго до появления гомеровских поэм ахейцы утвердились в качестве правящей касты в Арголиде, Лаконии и других местах; о том, что давление началось еще в то время, когда Микены находились на пике своего могущества, свидетельствуют фигуры на одной из стел Круговых могил, где микенский вождь на своей колеснице преследует врага, чей меч в форме листа показывает, что он принадлежал к данубийской расе. В первом столкновении победили микенцы, но постоянный натиск северных племен не устоял, и в итоге в Микенах установилась власть чужой расы. Микенская стела, где вождь древнего племени преследует своего северного обидчика, имеет обратный *мотив* в архаичной греческой стеле, обнаруженной доктором Пернье в Гортине, где большой северянин с круглым щитом и поножами угрожает крошечному минойцу или микенцу, приседающему за своим щитом в форме восьмерки. Эти два грубых изображения можно рассматривать как типичные начало и конец процесса, который привел к созданию расы Агамемнона в "Золотых Микенах". Под давлением воинственных ахейцев, возможно, уже вынужденных покинуть свои дома на материке, микенцы из Тирина и Микен были вынуждены отправиться

на поиски новых мест обитания. Не исключено, что эмигранты обратились к земле, откуда первоначально пошла их цивилизация, в надежде, что критяне не откажут в приеме и доме людям своего происхождения. Похоже, они разочаровались в своих ожиданиях. Минойцы, или, по крайней мере, минойские правители, не были готовы мирно принять вторжение этого нового элемента в свое царство; и странники, под влиянием отчаянной нужды, силой взяли то, в чем им было отказано как поданным. Так, по всей вероятности, слава Минойской империи была уничтожена руками ее собственных детей, потомков людей, которых Кносс сам послал удерживать свои материковые колонии.

[Сноска *: Д-р Маккензи, *Ежегодник Британской школы в Афинах*, том хiii., стр. 424, 425].

В таких обстоятельствах не произошло бы внезапного затмения древней культуры. Слегка измененная, если вообще измененная, притоком того, что, в конце концов, было родственным элементом, она сохранялась, как показывают свидетельства, до тех пор, пока не погибла от естественного разложения. Даже когда ахейцы и, позднее, дорийцы последовали за микенскими переселенцами, хотя их приход принес, как мы видели, значительные изменения в обычаях и мотивах искусства, древняя родная культура оставалась основополагающим элементом новой цивилизации. Мистер Хогарт отмечает, что геометрические вазы раннего железного века на Крите демонстрируют в своем декоре лишь стилизованные минойские мотивы, в то время как "щиты и другие бронзовые изделия из Идейской пещеры, самые поздние из которых дошли, вероятно, до девятого или даже восьмого века, являются художественными потомками минойских шедевров, измененных некоторым элементом безлюдности, который, вероятно, был северного происхождения"[*].

[Сноска *: *Fortnightly Review*, October, 1908, p. 602].

Так в медленном упадке, после великой катастрофы, скончалась великая цивилизация Минойской империи. Однако не все племена, принадлежавшие дому Миноса, остались в подданстве у материковых завоевателей. Разрушение центральной власти в Кноссе должно было повлечь за собой, как предполагает доктор Эванс, крах большей части торговли, от которой зависело существование огромного населения острова Сотни городов. Уже во времена правления Аменхотепа III Египта этот могущественный монарх был вынужден создать специальную береговую охрану в устьях Нила, чтобы защитить свои торговые пути от ликийских пиратов. Когда минойский флот перестал охранять Эгейское море, эти и другие пираты, должно быть, быстро вытеснили критский торговый флот из морей. Пурпурные промыслы и торговля нефтью пришли в упадок и погибли, а население, которое они поддерживали, было изгнано с земли, которая больше не могла его содержать. Колонизаторское движение, оставившее следы минойской культуры в Анатолии, Палестине, Сицилии и даже Испании, началось, несомненно, в более ранний период, когда империя морских царей была в полной силе; но, вероятно, оно получило значительный импульс в это время вынужденной эмиграции. Внезапное появление той же культуры на Кипре в какой-то период после 1400 года до н.э. было отнесено к завоеванию людьми эгейской расы, которые вполне могли быть людьми из Кносса, вынужденными под давлением изменившихся условий искать для себя новый дом.

[Сноска *: 'Scripta Minoa', p. 59].

Микенская керамика, найденная в Телль-эль-Амарне, показывает, что в Египте все еще существовал рынок для продуктов эгейского искусства, по крайней мере, до правления Ахенатена; и более чем вероятно, что в Египте нашли приют многие из *эмигрантов* минойского *дембеля*. Искусство царствования Ахенатена характеризуется несколько неожиданной вспышкой натуралистического стиля, почти полностью чуждого египетской

традиции; и, как предвидел мистер Холл одиннадцать лет назад, было высказано предположение, что натурализм Телль-эль-Амарны обязан некоторым своим вдохновением влиянию беглецов, которые принесли с собой с Крита традиции великого искусства Кносса. Такое предположение уже не кажется таким невероятным, как в 1901 году, когда все еще оставалась жизнеспособной теория о том, что новое развитие египетского искусства было обусловлено месопотамским влиянием и пришло из Митанни вместе с царицей Ти, женой Аменхотепа III. Теперь, когда стало ясно, что Тайи не была митаннийкой, а была коренной египтянкой, эта дверь закрыта, и мы должны предположить, что либо египетское искусство внезапно и спонтанно пробудилось к новому стилю видения и исполнения, от которого, опять же, оно так же внезапно отошло, либо какое-то иностранное влияние сильно действовало на жесткие египетские условности, изменяя и оживляя их. Если это иностранное влияние, то почему не влияние минойских *эмигрантов*, чье искусство, по крайней мере, как мы знаем, было способно на такой эффект? Конечно, это, в конце концов, вопрос предположений, и, возможно, шансы скорее в пользу того, что новое искусство времен Ахенатена было истинно местным, возникшим под влиянием и вдохновением новых идей, которыми царь-еретик стремился заквасить национальную жизнь; Но, конечно, далеко не факт, что распад Минойской империи повлиял на искусство Египта, а возможно, и других народов, примерно так же, как захват Константинополя повлиял на культуру Европы в пятнадцатом веке, хотя и в меньших масштабах.

[Сноска *: R. M. Burrows, "The Discoveries in Crete", p. 96].

Мы уже видели свидетельства миграции минойских племен более позднего периода в нападении Заккару и Пулосату на Египет через 200 лет после падения Кносса и создании последним независимой державы на побережье Палестины - события, которые могли быть вызваны продвижением другой волны северных колонистов к берегам Крита. Еще один взгляд на умирающую морскую мощь критской расы, теперь уже дезорганизованной и хищной, дает нам папирус Голенищева, который рассказывает, среди прочих приключений несчастного Вен-Амона, посланника Хер-Хора, царя-жреца Верхнего Египта (около 1100 г. до н. э.), о том, как египетскому послу угрожали захватом одиннадцать кораблей пиратов Закру, которые зашли в Библос, когда он собирался отплыть туда. Были ли это настоящие минойцы или нет, сказать невозможно; их непосредственная связь, очевидно, была с Дором на побережье Палестины; но их название наводит на мысль о городе Закру на Восточном Крите, и не исключено, что они принадлежали к той же расе, что и Заккару времен Рамсеса III.

После этого египетские записи ничего не говорят о разрозненных племенах Крита, как и об организованной империи кефтян со времен правления Девятнадцатой династии. Одиннадцать кораблей морских разбойников Закру - это последние выродившиеся представители великой морской державы, которая при царях дома Миноса некогда владела неоспоримой империей в Эгейском море. Кольцу Миноса суждено было пролежать долгие века под волнами, прежде чем потомки Тесея вновь поднимут его на поверхность.

ГЛАВА IX

ПЕРИОДЫ МИНОЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Теперь мы должны попытаться составить представление о различных периодах, на которые более или менее естественно распадается многолетняя культура Минойской империи, и отметить некоторые характерные черты каждого из них. Главную помощь в формировании такого представления оказывают остатки керамики, сохранившиеся от каждого периода, и именно из классификации керамики в Кноссе и других местах в значительной степени была

выведена схема, принятая доктором Эвансом и другими работниками. Толщина отложений, оставленных неолитическим человеком на холме Кефала, составляет в среднем около 6 метров под более поздними отложениями, которые означают занятие этого места постнеолитической культурой. Таким образом, мы получаем почти сказочную древность для первого заселения этого места. На самых ранних этапах развития человечества прогресс с его последующим накоплением идет медленно, и если мы допустим скорость отложения 3 футов за каждую тысячу лет, то, вероятно, не сильно ошибемся. Такое допущение приводит нас примерно к 10 000 г. до н. э. как времени, когда неолитический человек начал свое первое поселение на холме Кносса.

Неолит. - Останки, найденные в отложениях этого периода, естественно, очень просты и примитивны. Они состоят из керамики, сделанной вручную без использования колеса и обожженной вручную, черного цвета и, в самых поздних образцах, украшенной резанным орнаментом, который иногда заполнен белым меловым веществом. Хотя это описание характерно для месторождения в целом, постепенный прогресс в гончарном искусстве прослеживается от девственной почвы вверх. В самом раннем слое, расположенном непосредственно над девственной почвой без отложений, керамика на глубине первого метра была совершенно простой, необожженной, отполированной внутри и снаружи, без суженных горлышек или формованных оснований. Следующий метр показывает начало резного орнамента, но почти в незначительном количестве, а третий и четвертый метры демонстрируют постепенный, но крайне медленный рост этого вида декора, причем доля резных ваз в четвертом метре достигает всего 3 процентов. Отложения пятого метра, однако, раскрывают одно важное новшество. Доля резных ваз едва ли больше, чем в предыдущем слое, но почти все они имеют надрезы, заполненные белым меловым веществом, о котором уже говорилось, образуя геометрический рисунок белого на черном. Вместе с новым развитием резцовой посуды развивается и нерезцовая, поверхность которой теперь не только отполирована до наивысшей степени блеска, но и подвергнута рифлению вертикальными линиями под давлением какого-то тупого инструмента, чтобы создать волнистый эффект, подобный следам ряби на песке. Рифление инкрустированной керамики продолжается вместе с меловым заполнением инкрустированной на протяжении всей оставшейся неолитической серии и, по сути, пользуется даже большей популярностью. В шестом метре от девственной почвы начинают появляться признаки того, что неолитический период подходит к концу, поскольку некоторые керамические изделия начинают принимать формы, характерные для расписной посуды раннего минойского периода, а в следующем метре краска начинает выступать в качестве средства украшения, соперничая с насечкой и рифлением более ранних слоев. С этого момента мы начинаем соприкасаться с подлинными минойскими периодами, которых, согласно классификации доктора Эванса, три - ранний, средний и поздний минойский, каждый из которых, в свою очередь, подразделяется на три подпериода.

Ранний Минойский I. - Керамика этого периода во многом повторяет стиль примитивной черной посуды с ручным обжигом, унаследованный от предыдущей эпохи. Но хотя она и составляет большую часть материала, она не является характерной чертой. Это объясняется тем, что гончар теперь начинает использовать краску как средство для получения блестящей черной поверхности, которую его неолитический предшественник создавал с помощью ручного обжига. Блестящая черная глазурь наносится на поверхность глины, чтобы получить эффект, в целом схожий с эффектом ручной полировки, и на этот блеск наносится декор, обычно белый, реже - пурпурный. Таким образом, мы имеем расписные вазы, со светлым рисунком на темном основании.

Сделав этот шаг, художник разнообразил свою процедуру, нанеся сам черный слип в качестве декора полосами на естественный буферный цвет глины, таким образом, получив декоративную схему темного рисунка на светлом грунте. Посуда впервые свидетельствует о том, что ее обжигали. Примитивный "буккери", все еще сохранившийся наряду с расписной керамикой, очень тесно связан с импортными вазами, найденными Петри в гробницах Первой династии в Абидосе; еще одну связь с Египтом обеспечивает тот факт, что вазы протодинастической египетской формы из диорита и сиенита были обнаружены в южных и восточных кварталах дворца в Кноссе. Таким образом, ранний минойский период I. следует приравнять к самым ранним началам династического правления в Египте - то есть он датируется примерно 5500 г. до н. э., если принять дату Петри для Первой династии, или примерно 3400 г. до н. э., если предпочесть берлинскую датировку. От этого периода в Кноссе не сохранилось никаких остатков строительства.

Ранний Миной II. - Отличительной чертой второго периода Раннего Миноя является большая свобода и оригинальность, проявленная в дизайне ваз. Стиль расписного декора остается во многом таким же, как и в предыдущий период; но вазы теперь имеют длинные носики или клювы, и являются "клюворылами" (Schnabelkanne) немецких археологов. В то время как наблюдается тенденция к изменению прямолинейного декора раннеминойского периода I. путем введения простых кривых линий, возрождается мода на старую посуду с геометрическими узорами. Любопытное развитие этого периода можно найти в пестротканой посуде из Василики, где декор был выполнен не насечкой и не росписью, а методом обжига, при котором вазы, сначала окрашенные в красный цвет, располагались так, что раскаленные угли соприкасались с вазами в определенных местах и создавали черные пятна на красной краске. Получившаяся пестрая поверхность затем полировалась вручную и иногда, но реже, использовалась как среда для нанесения рисунка белой краской. К этому периоду относятся самые древние части хранилища в Агиос Онуфриос и большая часть содержимого камерной гробницы-улья в Агия Триада, где, наряду с резными и ранними расписными вазами, были найдены медные кинжалы с очень короткими треугольными лезвиями, несколько грубых каменных печатей и очень примитивные идола, грубо имитирующие человеческую форму. На холме Кносса до сих пор нет никаких следов сохранившихся построек, как и нет никакой определенной связи с Египтом, которая позволила бы определить дату этого периода.

БАЗИЛИКА.

КАМЕННАЯ ЛАМПА.

Королевская вилла, Кноссос (стр. [108](#))

Ранний Минойский III. - В этот период доля расписных ваз неуклонно растет, хотя на некоторое время возрождается и резной орнамент, приписываемый доктором Эвансом влиянию Кикладских островов, которые в это время также дали Криту идею плоских, банджообразных человеческих фигурок, характерных для ранних отложений Мелоса и Аморгоса.

Вероятно, теперь начинается использование гончарного круга, глина тщательно просеивается и обжигается, излюбленная цветовая гамма - белый цвет на блестящем коричневом или черном шламе, хотя иногда принимается альтернативная схема - темный на светлом; вазы иногда изготавливаются из очень тонкой глины, в преддверии тонкой посуды из яичной скорлупы Камарес среднеминойского II периода. Главным декоративным мотивом является горизонтальная полоса, или несколько, вокруг верхней части вазы. На этих полосах основным орнаментом является зигзаг и кривые, непосредственно вытекающие из него, а спираль начинает появляться как форма декора. Неясно, кому приписывать зарождение этой излюбленной формы декоративного мотива - Египту или Криту. Мисс Холл[*] считает раннеминойские спирали III в. поздно появившимися, приписывая первое развитие спирали художникам египетских ваз додинастического периода; но мистер Х. Р. Холл[**] отрицает

право валют на додинастических вазах вообще считаться спиралями, считает, что настоящая спираль внезапно появляется в Египте как "новая и беспрецедентная вещь" в начале Среднего царства, и делает вывод, что критяне были оригинальными в ее использовании, а египтяне просто заимствовали; в то время как доктор Эванс[***] отрицает оригинальность обоих, и считает, что использование спирали было впервые разработано на европейской стороне Эгейского моря.

[Сноска *: "Декоративное искусство Крита в бронзовом веке", стр. 9].

[Сноска **: Proceedings of the Society of Biblical Archæology, vol. xxxi., part 5, pp. 221, 222].

[Сноска ***: 'Scripta Minoa', p. 126].

Тот факт, что на печатях этого периода изображены мотивы, заимствованные из египетских "пуговичных печатей" Шестой династии, позволяет предположить, что Ранний Миной III. должен быть приравнен к концу Старого царства в Египте. Однако это лишь небольшая помощь в определении даты минойского периода из-за огромного разрыва между различными системами египетской хронологии. Можно лишь сказать, что по системе Петри минойский период, относящийся к концу Шестой династии, датируется примерно 4000 г. до н.э., а по Берлинской системе - 2475 г. до н.э. Хотя эти две культуры являются современными, конечно, ни в коем случае нельзя считать, что искусство Раннего Миной III оставило нам какие-либо реликвии, достойные быть поставленными в один ряд с замечательными работами египетских художников Старого царства. Примитивные пиктограммы на бисерных печатях этого периода знаменуют начало этой формы минойского письма, которая сохранялась до позднего Миной I, когда ее наконец вытеснила линейная форма письма, появившаяся в среднем Миное III.

Среднеминойский I. - В этот период мы имеем явный прогресс не только в одном направлении. Минойский художник начинает нащупывать свой путь к полихромного стиля декора, который достиг такого замечательного развития в камаресских вазах последующего этапа. В декоре своей посуды, которая не демонстрирует какого-либо заметного прогресса в форме по сравнению с раннеминойской III, он начал дополнять привычный белый цвет на темном скольжении добавлением желтого, оранжевого, красного и малинового. Уже упоминавшиеся фигурки из Петсофы, относящиеся к этому периоду, имеют черно-белую, красную и оранжевую цветовую гамму. Вместе с развитием использования цвета происходит и соответствующее развитие дизайна. Мотивы прежнего периода продолжают, но они гораздо более развиты и более свободны в обращении. Вместо жесткого расположения полосами вокруг сосуда, они теперь часто группируются с идеей покрыть основание вазы изящным образом, без попытки формального определения границ каждого элемента дизайна, идея художника заключается в том, чтобы просто заполнить, удовлетворяющим глаз образом, пространство, на котором он должен работать. Зональная система по-прежнему сохраняется наряду с более свободным стилем и часто очень искусно используется в качестве средства декорирования. Одна из характерных особенностей среднеминойской керамики - использование рельефа для усиления эффекта полихромного декора путем добавления контрастов света и тени - начинает применяться в самом раннем периоде.

Декор по-прежнему геометричен, и так должно было продолжаться долгое время. Только в Среднем Миное III. мы получаем действительно натуралистический стиль декоративного искусства. Но уже в Среднем Миноане I. есть признаки, которые, хотя и незначительные, указывают на стремление некоторых художников этого периода к реализму. Эта тенденция заметна даже в некоторых геометрических узорах, которые расположены таким образом,

чтобы приближаться к натуралистическим образцам. Но наиболее ярким примером этой тенденции является фрагмент вазы из Кносса, изображенный доктором Маккензи,[*] на котором фигуры трех критских диких коз сменяются фигурой гигантского жука с хвостом. "Тема рисунка, - говорит доктор Маккензи, - по своему натуралистическому характеру настолько развита, что, если бы не компания, в которой встречаются фрагменты, мы были бы склонны отнести его к гораздо более позднему возрасту". Прискорбно, что сохранилась лишь часть рисунка, и что аналогов ему так и не было найдено. Быть может, это просто спорт, причуда какого-то древнего гончара, которому надоели традиционные узоры его времени, и он попробовал свои силы в чем-то новом, сочетая дикую жизнь, которую он мог видеть из окна своей мастерской, с той, что ползала по ее полу, не задумываясь о том, какую задачу он ставит перед учениками 4000 лет спустя, чтобы они могли потренироваться? Стиль фрагмента с козой и жуком - темное на светлом. Козлы окружены врезанным контуром и заполнены блестящей черной глазурью; жук нарисован свободно в черной глазури, без надрезов, почти так, как будто это была шутливая мысль гончара.

[Сноска *: *Journal of Hellenic Studies*, vol. xxvi., part I, plate ix. 3].

Среднеминойская I. не имеет никаких сохранившихся связей с египетским искусством, и этот факт можно объяснить тем, что с конца Шестой династии до начала Одиннадцатой Египет, похоже, переживал время великого смятения. Этот период практически является темным веком для египетской истории.

(1) КНОССКАЯ ДОЛИНА

(2) РАСКОПКИ В КНОССЕ

Средний Минойский II. - Теперь мы подошли к периоду, когда начинают проявляться первые несомненные следы критских дворцов. Однако главные архитектурные остатки этого периода находятся не в Кноссе, а в Фесте. Там Театральная зона, по крайней мере, существовала в начале этого периода, возможно, в конце предыдущего. Но в Кноссе главным свидетельством высокого уровня цивилизации, достигнутого в этот период, является керамика, которая достигла очень высокого уровня развития. Именно к этому времени относятся великолепные полихромные сосуды типа "Камарес" из пещеры на горе Ида, где они были впервые обнаружены г-ном Дж.Л. Майресом. Вазы и кубки из этой ткани, благодаря тонкости форм, изяществу рисунка и богатству цвета, являются одним из самых заметных наследий минойского керамического искусства. Глина тонкая и тщательно просеянная, а стенки сосудов чрезвычайно тонкие и изящные, приближающиеся к тончайшему фарфору из яичной скорлупы. Узоры на вазах часто не только нарисованы, но и вылеплены рельефно, а тонкость их стенок, форма ручек и ручек на них, которые, очевидно, должны были напоминать заклепки, показывают, что гончары того времени стремились подражать достижениям своих собратьев - мастеров по металлу. Сами узоры на вазах условны, идея состоит в том, чтобы создать богатый и гармоничный эффект формы и цвета, а не в том, чтобы добиться подражания природе. Действительно, узоры в значительной степени геометрические; часто встречаются зигзаг, крест и концентрические круги; а когда имитируется растительный мир, он искусно условен, как в случае с кубком с водяной лилией, возможно, самым красивым образцом посуды того периода, на котором белые лепестки начинаются из центра у основания кубка и опоясывают его тулово. Грунт этой чашки -

блестящий черный, белизна лепестков подчеркнута тонкими линиями красного цвета, а по ободку чашки над кувшинками проходит геометрический узор, вылепленный в низком рельефе (Plate XXIX. 4). Цвета ваз разнообразны и состоят в основном из белого, оранжевого, малинового, красного и желтого, причем каждый цвет используется в нескольких оттенках. Черный цвет переходит в фиолетовый, белый - в кремовый; коричневый имеет иногда красный, а иногда оливковый оттенок; желтый - либо бледный, либо оранжевый; красный - не только грубый вермильон, но и ослабленный до розового, или усиленный оттенками оранжевого, вишневого и терракотового". В декоре ваз оба стиля процветают бок о бок, темный рисунок на светлом фоне, светлый на темном. В некоторых сосудах этого периода наблюдается сочетание условного натуралистического орнамента и геометрического рисунка.

Отчетливую связь между Египтом и Средним Миноаном II. обеспечивает тот факт, что в Кахуне, недалеко от пирамиды Сенусерта II, вблизи Фаюма, профессор Петри обнаружил вазы, которые, несомненно, относятся к камаресскому типу, а синхронность с Двенадцатой династией была полностью установлена благодаря находке профессором Гарстангом в Абидосе фрагментов полихромного сосуда позднего среднеминойского II типа в нетронутой гробнице, которая также содержала глазурованные стеатитовые цилиндры с именами Сенусерта III. и Аменемхата III. Среднеминойское время II., таким образом, приравнивается к временам Двенадцатой египетской династии, периоду, который во многих отношениях был самым ярким в истории Египта.

Однако, когда мы задаемся вопросом о положительной дате, мы все еще встречаемся, хотя и почти в последний раз, с большим расхождением между системами египетской датировки. Профессор Петри относит Двенадцатую династию примерно к 3400 г. до н.э., традиционная датировка - к 2500 г. до н.э., а современная немецкая школа опускает дату до 2000 г. до н.э. Можно сказать лишь, что Среднеминойская II династия, безусловно, не начинается ранее 3400 г. до н.э., и вряд ли может начинаться позже 2000 г. до н.э. Период завершается свидетельством большой катастрофы в Кноссе, в которой сгорел дворец; и, как уже упоминалось, тот факт, что Фест не показывает никаких свидетельств такой катастрофы в этот период, вызвал подозрение, что владыки Фест могли быть ответственны за разрушение большого дворца.

Средний Минойский III. - К этому периоду относится начало строительства второго дворца в Кноссе. Западная часть дворца, вероятно, в значительной степени датируется этим временем, хотя она была изменена и расширена позже; сюда же следует отнести хранилища храма и некоторые другие помещения на северо-восточной стороне Центрального двора, хотя они были засыпаны и застроены в позднеминойский период I. В любом случае, в это время на этом месте должно было существовать очень большое и великолепное здание. Египет переживал мрачный период между Тринадцатой и Семнадцатой династиями, который включает в себя господство гиксосов; но цивилизация Крита, напротив, постоянно и неуклонно развивалась. К этой эпохе относятся многие из самых интересных и ценных реликвий минойской культуры.

Искусство этого периода постепенно претерпевает значительные изменения по сравнению со среднеминойским II. Полихромный декор неуклонно сокращается и вытесняется монохромным. Красивая блестящая черная глазурь ваз заменяется тусклым пурпурным шликером, на который часто наносится декор порошкообразной белой краской. Лучшие орнаменты выполнены белой краской по сиреневому или лиловому грунту. В самих узорах условность и геометрический орнамент уходят, сменяясь развитием натурализма. Доктор Маккензи отмечает, что именно с ростом натурализма связано постепенное исчезновение

полихромного декора. Как только мы получаем изображение природных объектов, таких как цветы, которое становится столь распространенным перед закрытием среднеминойской эпохи, вскоре становится очевидным, что шкала цветов, которые в их отношении друг к другу были способны производить полихромные эффекты большой красоты, была совершенно неадекватна для воспроизведения естественных цветов объектов. Так, например, зеленый цвет, который является первой необходимостью при изображении листьев и стеблей, не существовал в цветовом репертуаре художника по вазам. Таким образом, художник-керамист должен был чувствовать, что с его ограниченной палитрой красок он не сможет создать те же естественные эффекты, что и художник-стенописец со своей. С другой стороны, он должен был в равной степени осознавать, что природные объекты, такие как цветы, не выглядят естественно в полихромном обличье, не соответствующем природе. Единственным решением цветовой проблемы в данных обстоятельствах был компромисс в форме конвенции. Так возникла тенденция делать все природные объекты либо просто светлыми на темном фоне, либо темными на светлом фоне"[*].

[Сноска *: *Journal of Hellenic Studies*, vol. Xxvi., part I, pp. 257, 258].

Два цветка, наиболее часто используемые для украшения, - лилия и крокус. Впервые значение керамики как свидетельства состояния искусства периода уступает значению других художественных изделий. Именно к Среднему Миноану III относится замечательная ткань фаянс, образцы которой были обнаружены в храмах. В них проявляется та же тенденция к натурализму. Дикая коза, сосущая своего ребенка, летучая рыба, фарфоровые вазы, одна из которых с рельефом из ракушек, а другая с папоротниками и листьями роз на бледно-зеленом фоне, - все это примеры натуралистического роста. Есть также свидетельства большого восторга от сцен, связанных с морем: летучая рыба и тюлень с моряком в ялике, защищающимся от нападения морского чудовища, свидетельствуют о том, что минойцы ценили как диковинки, так и опасности морских глубин.

Фресковая живопись также начинает оставлять следы, и мы имеем, в частности, фреску с изображением Голубого мальчика, собирающего белые крокусы. В начале периода все еще широко используется старая форма пиктографического письма, но к концу Среднего Миноа III появляется и широко используется более ранний тип линейного письма, класс А. Средние минойцы Третьего периода были изготовителями огромных *пифоев*, или кувшинов, со шнурами, некоторые из них с любопытным орнаментом "струйка", который, несомненно, является украшением, доведенным до последней черты. Художник просто намазал ободки своих кувшинов коричневой глазурной краской и позволил ей стекать по бокам по собственному желанию. Результат любопытен, но вряд ли можно назвать красивым (Plate IX. 2). Ребенок Аб-нуба, Себек-усер, умерший", чья статуэтка была найдена в Кноссе, дает нам точку связи между ранней частью Среднего Миноса III и Тринадцатой египетской династией, а алабастрон Хиана связывает позднюю часть периода с господством гиксосов в Египте. Царь, построивший великую гробницу в Изопате, уже описанную выше, должно быть, царствовал в Кноссе в этот период.

Поздний Минойский I. - В этот период мы соприкасаемся с большим количеством прекрасных работ на королевской вилле в Агия Триада, которые уже были описаны. Значительная часть площади дворца в Кноссе, относящегося к предыдущему периоду, теперь покрыта новым строительством, и второй дворец начинает принимать форму, которая была завершена в последующий период. В керамике сохраняется натуралистический стиль, но техника начинает меняться, и белый рисунок на темном грунте встречается реже, чем рисунок

темной глазурной краской на естественном светлом грунте глины. Орнамент все больше приобретает морской характер; осьминог, раковина Тритона, наutilus и морские водоросли появляются в качестве орнамента и выполняются реалистично, что сильно контрастирует с более поздним условным способом их изображения. Действительно, средний минойский III. и позднеминойские I. и II. демонстрируют отчетливое восприятие и восхищение всей красотой и чудесами моря, что говорит о той важной роли, которую оно играло в жизни критского населения. В портах, где моряки и рыбаки, ныряльщики за губкой и пурпуром уходили и приходили, для богатой воображением расы было естественно приобрести то чувство магии и тайны моря, то любопытство к жизни в его глубинах, которое нашло выражение в этих керамических изображениях."[*]

[Сноска *: R. C. Bosanquet, *Journal of Hellenic Studies*, vol. xxiv., part 2, p. 322].

ВЕЛИКАЯ СТУПЕНЬ, ФЕСТОС (стр. 120)

Г. Марагианнис

Наряду с морскими орнаментами появились натуралистические изображения цветов и трав - лилия и крокус, уже знакомые по более ранним работам, египетский лотос в форме, адаптированной к вкусу минойского художника, а также листья и усики плюща. Необычайно изящный дизайн на вазе из Закро демонстрирует адаптацию египетского лотоса, представляя этот излюбленный нилотский мотив в стиле, более гибком и легком, чем в местных изображениях этого растения. В данном случае рисунок нанесен белой краской на красновато-коричневый грунт, и его особенность в том, что белая краска была нанесена после обжига вазы и может быть удалена пальцем (Plate XXIX. 2). К этому периоду относятся три вазы из Агия Триады - "Боксер", "Жатва" и "Вождь", а также фрески "Охотящаяся кошка" и "Лазящие растения" и, вероятно, королевская игровая доска из дворца в Кноссе. В это время мы также встречаем длинные бронзовые мечи, которые пришли на смену кинжалам предыдущих веков. Иероглифическое письмо теперь вытесняется линейным письмом класса А, которое теперь входит в регулярное использование, хотя в Кноссе документы на этом

письме, по словам доктора Эванса, можно найти только в слое, относящемся к последнему периоду Среднего Миноса, их место занимает класс В, который встречается только в Кноссе.

В Агия Триада и Гурнии более древние формы ваз смешаны с ранними образцами типа, известного под названиями "Бюгельканне", "Вазы с этриром" или "Вазы со стремечком". Эти вазы, названные так из-за похожих на стремя изогнутых ручек, правильнее называть "вазами с ложным горлышком", поскольку горлышко, с которым соединяются ручки, закрыто, а для удобства наливания образуется другое горлышко, расположенное дальше от ручек. Ваза с ложным горлышком является характерным типом керамики позднего Миноя III, и очень часто встречается на микенских стоянках этого периода. Печати с фантастическими формами чудовищ, такие как найденные в Закро в таком количестве, датируются началом позднего Миноя I., и к этому периоду также относятся более ранние из валов или круговых могил на Мусепæ, так что теперь впервые минойский период может быть приравнен к микенскому. Мы все еще не имеем абсолютно точной системы датировки, но это последний период, для которого справедливо такое замечание. В следующем периоде мы соприкасаемся с египетскими синхронизмами, чья дата определена с точностью до нескольких лет.

Поздний Миной II. - К позднему Миною II. относится великая слава второго дворца в Кноссе, который достиг своего наибольшего великолепия как раз перед тем временем, когда он должен был быть разрушен. Теперь были построены Тронный зал и его прихожая, а также Королевская вилла с ее даисом, тронном и колонным залом, в то время как стены заверщенного дворца были покрыты великолепными фресками, о красоте которых нам свидетельствуют Кубконосец и зрители, наблюдающие за играми. Рельефы из твердой штукатурки, такие как голова быка и царь с павлиньим плюмажем, показывают стиль декора, который придавал разнообразие на стенах росписям на плоскости. В керамике смена стиля и декора происходит постепенно, но достаточно выражено. Главной особенностью этого времени является изготовление больших декорированных ваз и *пифосов*, таких как прекрасная рельефная ваза из папируса на Королевской вилле, почти 4 фута в высоту ([Plate XXIII.](#); см. также [Plate XXX.](#)). Натурализм все еще сохраняется в отдельных орнаментах, но основная часть дизайна условна, а композиция различных элементов часто чрезвычайно искусна. Типичной формой сосуда этого периода является длинное узкое ситечко, которое несет Чашник на дворцовой фреске, и различные образцы которого были найдены. Во многих случаях эти ситечки были сделаны из пестрого мрамора, хотя для их изготовления использовалась и керамика.

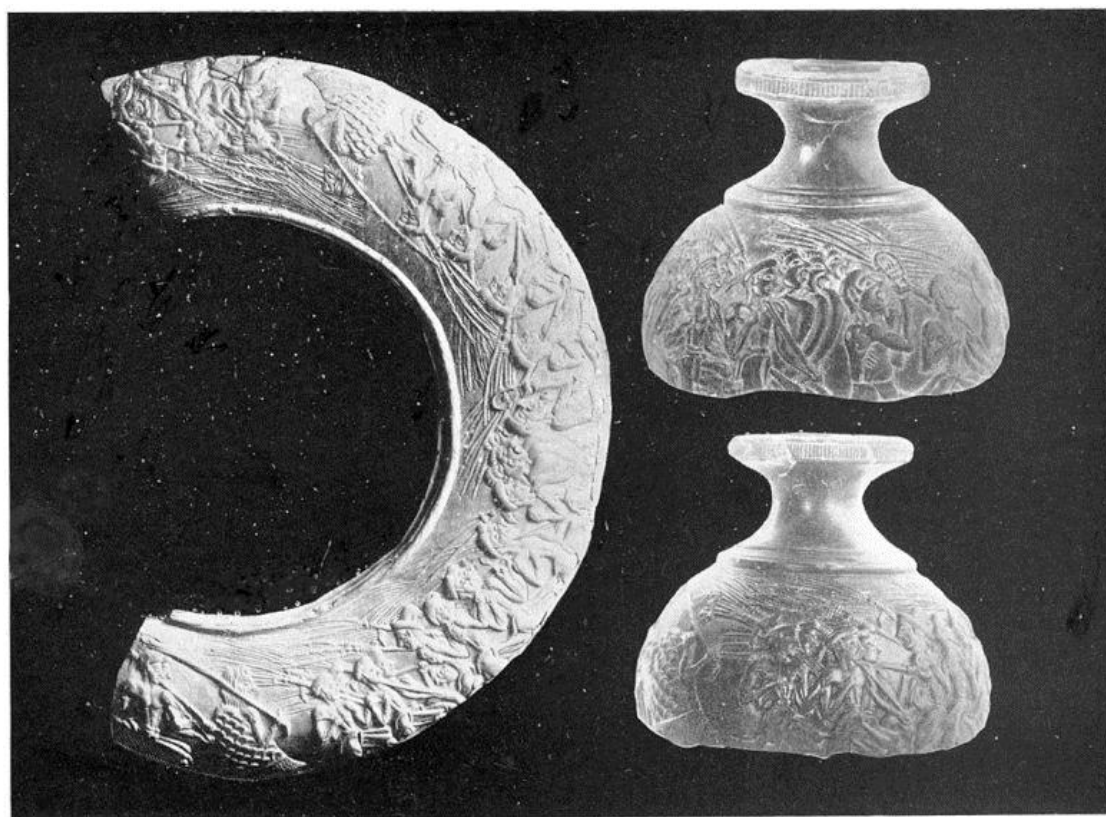
Бронзовые сосуды из северо-западного дома в Кноссе и мечи из более ранних могил Зафер Папура свидетельствуют о мастерстве обработки металла. Один из этих мечей из могилы вождя - короткое оружие, которое благородные люди позднеминойского периода II носили вместе со своей длинной рапирой, возможно, для парирования ударов, как галанты времен королевы Елизаветы использовали свои кинжалы, - имеет помпель из полупрозрачного агата и позолоченную рукоять с выгравированным рисунком льва, преследующего и захватывающего дикого козла. Большие бронзовые сосуды были украшены великолепными традиционными узорами, а некоторые каменные вазы того периода поражают мастерством обработки и украшения. Как твердый материал был обработан с точностью *внутри* сосудов, имеющих лишь самые узкие отверстия в горлышке, и это в эпоху мягких бронзовых инструментов, - такая же большая загадка, как способ обработки диорита и гранита в доисторическом Египте. Возможно, самым великолепным образцом является большая амфора, 2 фута в высоту и 6 футов в окружности, с двумя великолепными спиральными лентами, которая была найдена в так называемой Мастерской скульптора в Кноссе, рядом с меньшим сосудом, который был только обтесан, когда произошла катастрофа дворца.

[Сноска *: D. G. Hogarth, *Cornhill Magazine*, March, 1903, p. 329].

Линейный шрифт, класс В, теперь вытесняет более ранний тип, класс А.

В этот период мы впервые вступаем в сферу, где существует практически абсолютная уверенность в датировке; ведь теперь Кефтиу появляются на фресках гробниц Восемнадцатой династии в Фивах, с их сосудами характерного минойского типа и чисто минойским стилем одежды и общего вида. Гробница Сен-мута дает нам дату около 1480 г. до н.э., а гробница Рех-ма-ра может привести нас к 1450 г. до н.э. или около того. Это несколько поразительно, что периоды наибольшего великолетия как для Египетской империи, так и для Минойской должны практически совпадать. В обоих случаях продолжительность кульминации великолетия была недолгой. Великолепие Египта Хатшепсут, Тахутмеса III. и Аменхотепа III. было быстро омрачено и затемнено бедствиями правления Ахенатена; но еще до того, как слава Восемнадцатой династии угасла, солнце Минойской империи зашло. Поздний Минойский период II, со всеми его триумфами архитектуры и искусства, был резко завершен разграблением дворцов, вероятно, около 1400 г. до н.э., и великие фрески дворца в Кноссе стали последними свидетельствами великолетия, которое уже никогда не возродится на критской земле.

В этот период связь между Критом и Египтом должна была быть частой и тесной. На это указывают не только свидетельства гробниц Сен-мут и Рех-ма-ра, но и параллелизм в стилях искусства двух стран. Искусство каждой из них остается истинно национальным, но фрески Кносса и Агия Триады и фрески Восемнадцатой династии в Египте вдохновлены одним и тем же духом, хотя в обоих случаях результат изменен национальными особенностями.

ваза "Жатва", Агия Триада (стр. 124)

Г. Марагуаннис

Поздний Минойский III. - Этот, последний период минойской цивилизации, начинается с разрушения Кноссского дворца где-то до 1400 г. до н.э. и не имеет определенной линии

завершения. Великий стиль искусства, представленный предыдущим периодом, не сразу вырождается в варварство. Если, как кажется вероятным, люди, разрушившие критские дворцы, были микенцами с материка, более или менее того же происхождения, что и критские представители минойской традиции, мы можем видеть, как за катастрофой дворцов не должна была последовать какая-либо немедленная катастрофа искусства Крита. В то же время истинный дух минойской расы был уничтожен, и за этим, естественно, последовало вырождение художественного уровня. Уровень художественных работ раннего периода все еще высок - фактически, это уровень того, что считается лучшим микенским искусством. Техническое мастерство, которое создало шедевры дворцового периода, все еще сохранилось, но вдохновение, которое давало ему жизнь, исчезло. Сначала исчезает оригинальность замысла, за которой постепенно следует мастерство исполнения; старые типы воспроизводятся все более и более неряшливо, и наконец даже используемый материал следует примеру вырождения. Этот период постепенного упадка, однако, является периодом наибольшего распространения продуктов минойского, или, скорее, как мы можем теперь назвать его, микенского искусства. В Ялисосе на Родосе и в нижнем городе Микенæ найдены типы, параллельные работам Крита, а в Телль-эль-Амарне представлены образцы керамики, вырождение которых по сравнению с типом дворцового периода позволяет утверждать, что они относятся к этим дням упадка. Образцы позднеминойской III. работы найдены в Тарентуме, на острове Торчелло, недалеко от Венеции и даже далеко западнее Испании. Одной из характерных особенностей этого периода является тот факт, что ваза со стременами, найденная в Агия Триада и Гурнии в позднеминойский период I, но почти полностью отсутствующая в позднеминойский период II, теперь становится обычной.

Ближе к концу этого периода место дворца в Кноссе было частично занято более скромной расой людей, которые использовали комнаты, бывшие когда-то свидетелями гордости минойских государей, разделив их хлипкими перегородками для своих меньших нужд. Наступил переходный период, в течение которого характер критского населения постепенно изменялся под воздействием сменяющихся друг друга волн вторжения с материка, пока Крит не принял облик "смешанной земли", под которым его знал Гомер; и, наконец, произошло великое нашествие дорийцев, которое привело Крит, как и всю остальную Грецию, к темному веку, предшествовавшему рассвету истинной эллинской культуры.

ГЛАВА X

ЖИЗНЬ ПОД ВЛАСТЬЮ МОРСКИХ ЦАРЕЙ

Какими людьми были те, кто развивал цивилизацию бронзового века на Крите? Можем ли мы составить какое-либо представление об их физических характеристиках, об их жилище и социальных условиях, об общем аспекте их повседневной жизни и о занятиях, которыми они занимались? На эти вопросы можно ответить лишь в более или менее общем виде, учитывая отсутствие письменных материалов, или, скорее, наше непонимание тех письменных материалов, которые существуют; но, тем не менее, существует значительная масса свидетельств, из которых можно с умеренной уверенностью вывести некоторые общие контуры, и цель этой главы - представить эти контуры.

Во-первых, что касается физических характеристик расы. Здесь имеются две линии доказательств. С одной стороны, это фактические останки тел мужчин и женщин минойской расы, которые были извлечены из оссуариев бронзового века и изучены антропологами. В целом, результаты исследований показали, что минойцы принадлежали к самому южному из трех больших расовых поясов, на которые можно разделить древние народы Европы, - так называемой средиземноморской расе. Иными словами, это был народ длинноголового типа,

темного цвета кожи и небольшого роста. Средний рост, оцененный по костям, которые удалось измерить, составляет чуть менее 5 футов 4 дюймов, что примерно на 2 дюйма меньше, чем у современных критян, и больше соответствует росту сардинцев и сицилийцев настоящего времени. Среди общего количества длинноголовых черепов встречается несколько черепов широкоскулого типа, что, вероятно, указывает на некоторое смешение рас; но в целом люди были длинноголовыми. Невысокий рост, на который указывают кости, - это особенность, которую вряд ли можно было бы предположить по другим имеющимся свидетельствам - фактическим изображениям мужчин и женщин своей расы, которые минойцы оставили на своих фресках; но, конечно, необходимо сделать поправку на художественную условность, которая имела тенденцию подчеркивать стройность фигуры и, следовательно, увеличивать видимый рост.

Судя по сохранившимся изображениям, минойские мужчины были бронзовыми, с темными волосами и безбородыми лицами; их фигуры были стройными, и их стройность была еще более заметна из-за господствовавшей моды стягивать талию туго застегнутым поясом, который, по крайней мере, в некоторых случаях, кажется, имел металлические края; но мускулатура была хорошо развита, и изображения свидетельствуют о стройности и ловкости в высокой степени. Можно сказать, что это малокостная раса, больше полагающаяся на быстроту конечностей и мозг, чем на вес и размер". Волосы мужчины носили в несколько замысловатой манере: на макушке они были уложены в три витка, а концы их спадали тремя длинными локонами на плечи. С другой стороны, их одежда была очень простой и обычно состояла только из набедренной повязки, подпоясанной широким поясом, о котором уже говорилось, причем материал, из которого была сделана набедренная повязка, часто был яркой расцветки или с узором, как, например, у Чашеносца, чья одежда украшена изящным узором из четырех петель. О том, что более сложные одеяния надевались в определенных важных случаях, свидетельствует саркофаг в Агия Триада ([Plate XXVIII.](#)), где лирист одет в длинный халат, спускающийся до щиколоток и окаймленный цветными линиями, а остальные мужчины в сцене - в подтянутые халаты, достигающие чуть ниже колен (или, возможно, мешковатые турецкие шаровары); а также ваза Жатвы, где главная фигура в процессии одета в жесткую одежду, которая по-разному интерпретируется как ватный кирас или как накидка из какой-то жесткой ткани.

На ногах они носили иногда туфли, с путти, закрученными вокруг нижней части ноги, а иногда полусапоги, как показано на вазе вождя и одной из фигурок Петсофы. Действительно, ножная одежда минойцев, по-видимому, была несколько изощренной. На изображениях Кефтиу на стенах гробницы Рех-ма-ра обувь белая, с красными и синими переплетами, а в некоторых случаях изысканно расшита. Такие примеры, как туфелька на фигурке из слоновой кости, найденной в Кноссе, и терракотовая модель туфельки, найденная в Ситии, показывают, с каким изяществом минойцы баловали себя в вопросах обуви. В личном украшении мужчины в некоторой степени компенсировали свою простоту в одежде. Носитель кубка носит пару толстых браслетов на верхней части руки, а другой, с агатовой печаткой, на запястье; такие украшения, похоже, были в обиходе. Царь, чья фигура в рельефе была реконструирована по фрагментам, найденным в Кноссе, носит на голове павлиньи перья, а на шее у него ошейник из флердоранжа, выкованного, несомненно, из драгоценного металла.

Минойские женщины изображены с идеально белой кожей, которая сильно контрастирует с бронзовым оттенком мужчин. Глубокий медный оттенок кожи мужчин и мертвенная белизна кожи женщин, конечно, должны быть приняты только как условность, подобная той, которую приняли египетские художники, чтобы выразить разницу в цвете лица, вызванную большим

или меньшим воздействием погоды; и мы не должны представлять, что в реальной жизни был такой большой контраст между цветом кожи мужчин и женщин, как может показаться из картин. Если одежда мужской части населения была простой, то женская - наоборот. Сложный и плотно облегающий лиф, чрезмерно низко обрезанный у шеи, закрывал или должен был закрывать верхнюю часть тела, которая имела такую осиную талию, что наводила на мысль о всеобщей тугой шнуровке. С широкого пояса свисали колоколообразные юбки, иногда с воланами по всей длине, иногда богато расшитые, как в случае с вотивной юбкой, представленной в фаянсе среди вещей богини-змеи, найденных в храмовых хранилищах. В некоторых случаях - *например*, у вотивной богини-змеи - юбка, ниже маленького панье или фартука, состоит из различных цветных материалов, объединенных в узор, отдаленно напоминающий тартан. На фреске из Агия Триада изображена любопытная и сложная форма одежды, состоящая, по-видимому, из широких штанов из синего материала, усеянного красными крестами на светлом фоне, и самым замечательным образом украшенная оборками и вандыками. Для покрытия верхней части тела иногда использовался диафан, как на некоторых фигурах из Кносских фресок. Прически, как уже отмечалось, были очень тщательно продуманы, и над прекрасными локонами и кольцами, венчавшими их головы, минойские дамы, если судить по фигуркам из Петсофы, носили шляпы вполне современного типа, сравнимые по размеру даже с современными. Печать из Микен, изображающая трех дам, украшенных юбками, сложенными гармошкой, показывает, что на туфли иногда надевали каблуки изрядной высоты. Ожерелья, браслеты и другие предметы украшения были в общем пользовании, и мастерство некоторых из сохранившихся образцов поражает воображение ([Plate XXXII.](#)). В целом, насколько можно судить по дошедшим до нас изображениям, внешний вид минойского собрания, на взгляд современного человека, кажется любопытно смешанным. Мужчины вписываются в наши представления об их эпохе, но женщины больше напоминают европейское собрание середины XIX века.

Дома, в которых жили эти современно выглядящие дамы и их приятели, неожиданно не похожи ни на что в домостроении классического периода. В них почти нет того единообразия стиля и расположения, которое характерно для обычного греческого дома. Минойский мещанин строил свой дом так, как того требовали его участок и его домочадцы, и не был рабом каких-либо фиксированных условностей в вопросах планировки. Дома в Гурнии, Палаикастро и Закро, которые можно принять за типичные образцы обычной минойской домашней архитектуры, должны были гораздо больше походить на современные дома, чем все, что мы знаем о греческих городах классического периода; а высоты минойских вилл, сохранившиеся на фаянсовых табличках из сундука в Кноссе, напоминают фасады пригородного проспекта. На некоторых из кносских дощечек изображены дома в три и четыре этажа, с окнами, заполненными красным материалом, который, как предполагает доктор Эванс, мог быть промасленным и тонированным пергаментом. В таких домах, в отличие от дворцов, не было разделения на мужские и женские апартаменты. Как правило, дома были построены из высушенного на солнце кирпича, опирающегося на нижние каменные стены; некоторые из кносских вилл, однако, были оштукатурены и обшиты деревом, круглые балки которого виднелись на фасаде. На месте колодцев, дающих косвенное освещение дворцовых помещений, находились продолговатые окна. Жилье должно было быть довольно обширным. В небольших домах от шести до восьми комнат, в больших - вдвое больше, а в одном из домов в Палайкастро не менее двадцати трех комнат.

Внутри стены были отделаны гладкой штукатуркой и, вероятно, украшены росписью, хотя, конечно, в более скромных масштабах, чем во дворцах. Полы были из плитняка и цемента, даже на верхних этажах, а в некоторых случаях из булыжников или утрамбованной земли.

Мебель в комнатах исчезла, за исключением тех предметов, которые были сделаны из камня или гипса; но имеющиеся у нас свидетельства комфорта и даже роскоши жизни тех времен в других отношениях позволяют предположить, что горожане Гурнии и других критских городов не испытывали недостатка ни в одном из предметов, необходимых для комфортной домашней жизни. Большой сундук в Кноссе, украшенный фаянсовыми бляшками, конечно, был частью обстановки царского дома, и мы не должны предполагать, что такие великолепные предметы мебели были обычными; но обычные минойские дома, несомненно, были вполне адекватно обставлены, а большое разнообразие сохранившейся домашней утвари показывает, что жизнь в домах бронзового века на Крите отнюдь не была примитивной и грубой, а была хорошо и тщательно организована в своих деталях. Говорят, что "гомеровская кухня однообразна, потому что никто не ест ничего, кроме жареного мяса"; но это обвинение нельзя предъявить минойцам, которые, очевидно, достигли значительного мастерства и разнообразия в способах приготовления пищи к столу. Трехногий медный котел, который был самым распространенным сосудом для приготовления пищи, дополнялся кастрюлями со сгущающимися крышками и множеством других форм кастрюль, а количество различных типов перфорированных сосудов для процеживания и других целей показывает, с какой тщательностью относились к искусству приготовления пищи. Вероятно, минойская кухня, хотя мы до сих пор не знаем ее формы, была почти так же хорошо оборудована для выполнения своих специальных функций, как и современная кухня.

К сожалению, у нас нет никаких свидетельств о том, как выглядели большие дворцы в законченном виде. Внутренний план можно проследить, но трудно составить представление о том, как эти огромные здания должны были выглядеть снаружи. Однако совершенно очевидно, что здесь не могло быть симметричного сочетания различных архитектурных элементов. Дворцы больше напоминали небольшие города, чем простые резиденции, и впечатление, производимое на глаз, должно было быть обусловлено скорее огромной массой и масштабами здания, чем какой-либо симметрией плана. Вероятно, мы должны представлять себе их как большие сложные блоки массивных зданий, возвышающиеся терраса за террасой, плоские крыши придают всему зданию вид квадратности и солидности. При ближайшем рассмотрении глаз поражают широкие и просторные дворы, величественные портики, благородные лестницы и богатство красок; но в целом, насколько можно судить, великолепие минойских дворцов можно оценить только изнутри.

В таком дворце, как Кносский, укрывалось необычайное разнообразие и сложность жизни. Множество скромных комнат служили для размещения художников и ремесленников, необходимых для обслуживания и украшения дворца, и, должно быть, целые компании жили в стенах, "обитая с царем для его работы", подобно гончарам и лесорубам, упомянутым в Писании. Несколько святилищ и алтарей обеспечивали религиозные потребности общества. Для публичных аудиенций и заседаний совета были отведены казенные комнаты. По сути, это здание было не только жилищем короля, но и административным центром целой империи, и в его стенах нашлось место для офисов различных ведомств и хранения их документации.

Внутренний квартал дворца в некоторых своих комнатах до сих пор демонстрирует роскошь и красоту, в которой жили минойские цари. Мегарон царицы можно считать типичным. Ряд колонн, поднимающихся от низкого непрерывного основания, делит помещение на две части. Верхняя поверхность основания по обе стороны от колонн покрыта лепниной, образующей длинную кушетку, которая, несомненно, покрывалась подушками, когда комната использовалась. Свет в дневное время, согласно практике критских дворцов, обеспечивался не окнами, а световыми колодцами, которых здесь два - один на южной,

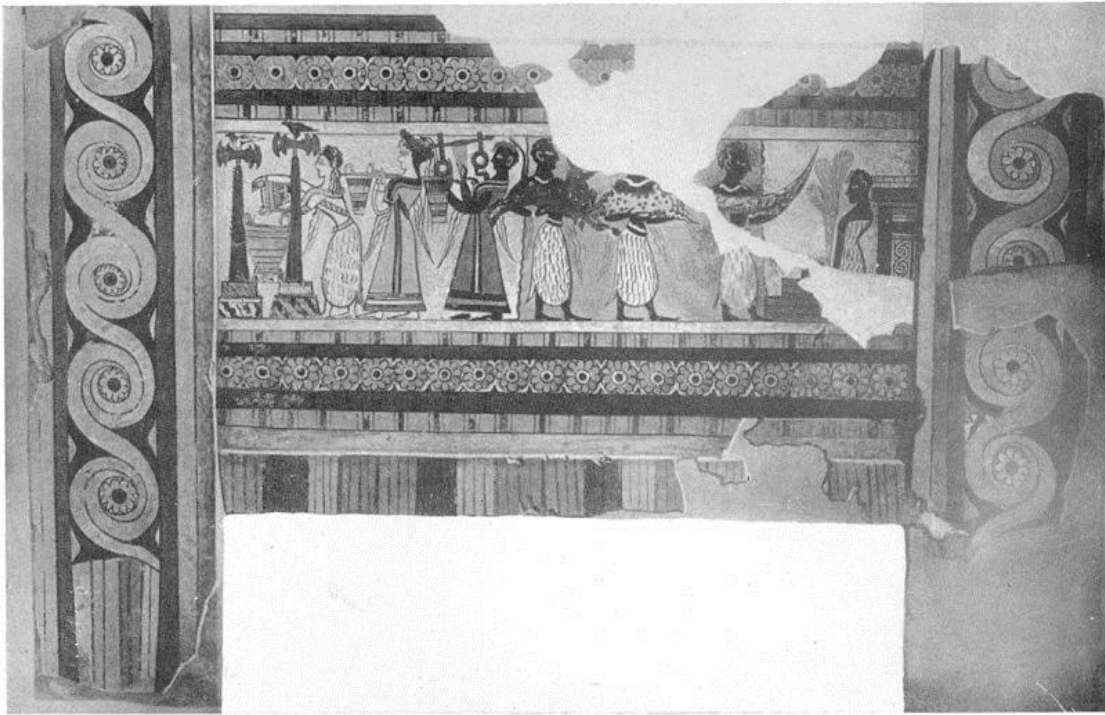
другой на восточной стороне. В одном из них блестящая белая лепная поверхность, отражающая свет в комнату, украшена лепным и расписным рельефом, от которого сохранился фрагмент, изображающий птицу с великолепным оперением, с длинным изогнутым крылом и перьями красного, синего, желтого, белого и черного цветов. Рядом со светлым колодцем, по другую сторону колонн, внешняя природа была представлена в дверях прекрасной фреской, на которой изображены рыбы, плывущие по воде и взбивающие пену и рябь на своем стремительном пути. Вдоль северной стены комнаты тянулась еще одна яркая фреска, изображающая компанию танцующих девушек в половину натуральной величины. Одна из танцовщиц одета в куртку с желтой подкладкой и сине-красной вышитой каймой, под которой скрывается пелена. Ее левая рука согнута, а правая вытянута вперед; черты лица пикантны, если не сказать красивы, а в уголке губ видна небольшая ямочка. Ее длинные черные волосы, искусно завитые и гофрированные, разлетаются по обе стороны головы, когда она поворачивается в движении танца. Сохранившиеся фрагменты декора помогают нам представить очень красивую комнату, яркую, но не аляповатую из-за мягкости непрямого освещения, в которой мы можем вообразить минойских придворных дам в их современных платьях, откинувшихся на подушки длинной кушетки, обсуждая происшествия последнего развлечения с быками, мастерство молодого афинянина Тесея и очевидную влюбленность принцессы Ариадны, или же с большей пользой проводя время за чудесными вышивками, которыми восхищалась мода того времени. Ночью обстановка во дворце становилась еще более живописной. В комнатах и коридорах вспыхивали светильники из великого камня, стоящие на высоких подставках, с несколькими фитилями на краю широкой чаши с маслом, освещая яркие стены и посылая многоцветные отблески от бронзовых и медных ваз и урн, украшавших проходы и лестничные площадки, а через широкие пространства света и тени двигались в постоянно меняющемся цветовом потоке нарядно одетые фигуры минойского двора.

Даже на этой чрезвычайно ранней стадии человеческого прогресса различные отрасли промышленности были достаточно разделены и специализированы, возможно, в большей степени, чем в гомеровский период, и в различных ремеслах использовалось значительное разнообразие инструментов. Плотник, очевидно, был высококвалифицированным мастером, и сохранившиеся инструменты свидетельствуют о разнообразии работ, которые он выполнял. На сайте в Кноссе в тщательно вырубленной гробнице вместе с телом умершего мастера хранились образцы инструментов его ремесла - бронзовая пила, клещи и долото. Целый набор плотника был спрятан в одной из щелей гурнийского дома, оставленный хозяином при поспешном бегстве, когда город был атакован и сожжен. Он использовал длинные и короткие пилы, тяжелые резцы для камня и легкие для дерева, шила, гвозди, напильники и топоры, сильно потрепанные от использования; и, что очень важно отметить, они так похожи по форме на современные инструменты, что представляют собой одну из самых прочных связей между первой великой цивилизацией Европы и нашей собственной"[*] Такие инструменты были, конечно же, из бронзы. Вероятно, главной отраслью промышленности острова было производство и экспорт оливкового масла. В Кносском дворце есть Комната оливкового пресса и канал для передачи продукта прессования в место, где он должен был храниться для использования; и, вероятно, многие из больших кувшинов, которые сейчас находятся в магазинах, использовались для хранения этого незаменимого продукта. Как мы уже видели, доктор Эванс предполагает, что именно упадок торговли маслом в смутные дни после разграбления дворцов заставил минойцев покинуть свой островной дом и искать удачи в других местах. Помимо торговли нефтью, по-видимому, должна была существовать торговля пурпуром мурекса, и, несомненно, мореплаватели Кефтиу нашли готовый рынок для этого столь ценимого продукта задолго до того, как финикийцам приснился тирийский пурпур. Минойская керамика, очевидно, также

была предметом экспорта - хрупкий груз для тех дней. Тот факт, что два посланника Кефтиу на фресках Рех-ма-ра несут слитки меди той же формы, что и те, что были найдены доктором Хальбхерром в Агия Триада, говорит о том, что Крит мог экспортировать медь в Египет во времена Тахутмеса III, как Кипр экспортировал ее в больших количествах во времена Аменхотепа III.

[Сноска *: C. H. and H. Hawes, "Crete the Forerunner of Greece", p. 37].

К сожалению, до сих пор у нас нет масштабных изображений кораблей, на которых эти первые хозяева океана вели морскую торговлю в Эгейском мире. Различные камни и оттиски печатей, а также золотое кольцо из Мохлоса интересны, но было бы гораздо приятнее увидеть изображения минойских галер, столь же полные, как те, что царица Хатшепсут оставила о кораблях своей торговой эскадры. Представленные суда почти все одномачтовые, с одной осью весел, количество которых варьируется от пяти до одиннадцати на сторону, высокой кормой и носом, заканчивающимся либо колючим острием, либо открытым клювом, что наводит на мысль о сходстве с галерами морских народов, побежденных Рамсесом III. В некоторых случаях указывается продолжительность плавания. Полумесяц на леере и еще один на бакштаге судна с семью веслами на борту может указывать на двухмесячное плавание, а диск над клювом другого судна, у которого вообще нет весел, - на годичное или, что более вероятно, на полное месячное. О том, какую важную роль играло море в жизни критян, безошибочно свидетельствует тот факт, что практически все минойские поселения находятся на побережье или в непосредственной близости от него, а врожденный национальный восторг перед всеми удивительными созданиями морского мира проявляется в постоянном использовании их форм в качестве мотивов декоративных работ. Ни один рисунок не встречается на минойской керамике так часто, как те, которые были взяты из моря; осьминог, мурекс, наutilus, кораллы и различные формы водорослей встречаются постоянно и используются с большим мастерством, а такие изображения, как фреска с дельфином ([Plate X. 1](#)), показывают очарование, которое морская жизнь имела для минойского ума, и то, с каким вниманием она наблюдалась. То, что торговля была тщательно организована и велась с той тщательной точностью, которая, похоже, была характерна для этой расы, видно из раскопок в Закро, где мистер Хогарт обнаружил 500 оттисков печати в доме одного торговца. Должно быть, торговля была очень далека от первобытных условий, когда купцы так тщательно следили за сохранностью своих тюков с товарами.

САРКОФАГУС ИЗ ХАГИИ ТРИАДЫ (стр. 127)

Г. Марагианнис

Насколько можно судить по имеющимся данным, Минийская империя не была особенно воинственной. Несомненно, в ее истории было много сражений, как и во всех древних империях. Но изолированное положение Крита и господство минийского флота на море избавили островную империю от необходимости становиться великой военной державой, а отсутствие духа милитаризма нашло отражение в национальном искусстве. В то время как ассирийский дворец был бы из конца в конец украшен картинами варварского кровопролития и грабежа, а даже более мягкие египтяне украсили бы свои стены записями о завоеваниях своих фараонов, цари дома Миноса обратились к другим и более нежным сценам для украшения своих домов. Собиратели цветов и танцовщицы, праздники урожая и религиозные процессии привлекали их внимание гораздо больше, чем бесконечная и монотонная череда ужасов, которыми месопотамские монархи с удовольствием уродовали свои стены; и даже опасности, которые таит в себе ринг быков, изображенный на кносских фресках, мягки и нежны по сравнению с теми мерзостями, где Теумману отпиливают голову коротким кинжалом, а других несчастных сжигают заживо или вырывают у них языки.

Архивы Кносского дворца, несомненно, свидетельствуют о том, что в Кноссе имелись военные силы, которые были тщательно организованы и за которыми хорошо ухаживали. Есть записи о количестве колесниц и выдаче снаряжения возницам; многие таблички содержат информацию о запасах копий, мечей, луков и стрел; в одной из находок упоминается запас почти 9000 стрел; был обнаружен настоящий магазин, содержащий сотни бронзовых наконечников для стрел. Мы можем вспомнить, что в древних войнах критские лучники были столь же знамениты, как балеарские пращники или лучники Англии. В целом, однако, гений минийцев, как и наш собственный, был скорее торговым, чем военным, хотя, несомненно, они не были лишены боевого духа, когда возникал удобный случай. Их родственники из Микен и Тириня, расположенные менее удачно, были вынуждены развивать военную сторону жизни; но положение и морская мощь Крита обеспечили удачливому острову те долгие века спокойного роста, которые были столь плодотворны в мирном искусстве. За одним возможным исключением, до сих пор не

найден ни одной записи, касающейся минойского флота; но невозможно поверить, что у столь методичного народа, который вел столь тщательный учет своих военных запасов, не должно было быть тщательно организованного отдела для решения бесконечно более важного вопроса о флоте, и, возможно, записи минойского Адмиралтейского совета еще могут появиться и быть расшифрованы, чтобы мы могли понять, как первая великая морская держава истории управлялась со своими флотами.

Сравнительно мало сельскохозяйственных орудий сохранилось, вероятно, потому, что ими мало кто пользовался; однако было найдено несколько бронзовых серпов. Они не изогнуты, как современные, а согнуты под углом, и имеют более длинную ручку, чтобы крестьянам не приходилось так сильно нагибаться при жатве. Фигуры на вазе "Жатва" несут любопытное орудие, которое описывается по-разному, в зависимости от того, кто им занимается, считая, что ваза изображает триумфальное шествие воинов, возвращающихся с битвы, или процессию сбора урожая. В первом случае это нечто вроде трезубца с прикрепленным к нему крюком для захвата такелажа судна противника, во втором - обычный вил для сена. Сходство с вилами кажется достаточно удовлетворительным, хотя три зубца гораздо длиннее двух, используемых в настоящее время, а прикрепленный крюк остается необъяснимым; но если предположить, что это орудие является военным оружием, то оно кажется необычайно плохо продуманным и не подходящим для такой грубой службы. Возможно, это был бы трезубец для протыкания рыбы, но в целом идея сенных вил кажется наиболее удовлетворительной.

Для измельчения кукурузы использовались ручные кочерги, и их, а также ступок для толчения зерна сохранилось множество. Действительно, в некоторых случаях в больших кувшинах сохранились настоящие зерна ячменя и горох, которые хранились для будущего использования. В одном из кувшинов в Гиссарлыке Шлиман нашел не менее 440 фунтов гороха, и некоторые из его рабочих некоторое время жили на этой пище, которая, возможно, хранилась для осады Трои, более ранней, чем та, что описана в "Илиаде". Оливковое дерево имело большое значение, поскольку давало основной продукт острова, а смоковница, похоже, также широко культивировалась и считалась священной; но, как ни странно, хотя вино, должно быть, постоянно использовалось, о чем свидетельствуют сосуды для его хранения и обслуживания, есть только одно изображение виноградной лозы, и даже в этом случае идентичность изображенного объекта сомнительна. Ткачество было искусством, в котором минойцы были хорошо искусны, судя по тканям, которые представлены на фресках. Как и во времена Пенелопы, это было домашнее искусство, и, вероятно, почти в каждом доме был свой ткацкий станок, на котором женщины изготавливали материалы для обычной одежды. Во многих домах были найдены ткацкие грузы, в основном каменные или глиняные, которые заменяли более современные ткацкие балки, служащие для поддержания нитей в натянутом состоянии; также сохранились каменные диски, которые при прядении прикрепляли к ножке веретена, чтобы оно оставалось прямым и неподвижным. Эти ткацкие станки и диски для веретен часто украшены спиральными насечками.

Но высшим искусством островитян были гончарное и металлообрабатывающее, основные свидетельства мастерства которых уже обсуждались. Репутация Крита как центра металлообработки стала легендарной в древние времена, и, по всей вероятности, бронзовщик и его собраты, золотых и серебряных дел мастера, достигли вершин мастерства раньше своих братьев-гончаров, поскольку, как мы видели, многие из лучших образцов керамики явно созданы по бронзе или, во всяком случае, по металлическим моделям, причем сходство доходит даже до копирования швов и заклепок металлических оригиналов. Бронзу выплавляли в печах, остатки одной из которых до сих пор сохранились недалеко от

Гурнии, и отливали в формах, многие из которых дошли до наших дней. Орудия труда и оружие, изготовленные из этого металла, в среднем содержат около десяти процентов олова. Для битых работ использовалась медь в почти чистом виде. Золото широко использовалось для лучших декоративных работ, и кубки Вафио, которые, как теперь считается, были привезены в Лаконию с Крита, свидетельствуют о чудесном мастерстве, которого достигли минойские ювелиры; а ожерелья и другие предметы личного украшения, найденные в Мохлосе и в ульевых гробницах в Фесте ([Plate XXXII.](#)), среди древних изделий можно сравнить только с диадемами принцесс Двенадцатой династии, найденными в Дахшуре в Египте. Серебра в Минойской империи, как и в других эгейских местах, сравнительно мало, хотя в Кноссе и других местах было найдено несколько прекрасных серебряных сосудов; и эта нехватка, возможно, объясняется не только жадностью грабителей, но и тем, что в течение большей части периода, охватываемого Минойской империей, сам металл был фактически более дешевым и более ценным, чем золото. В Египте, чьи запасы серебра, очевидно, поступали из Киликии, оно сохраняло более высокую стоимость, чем золото, до эпохи Восемнадцатой династии, или примерно до периода падения Кносса; но затем и после этого его стоимость упала, благодаря увеличению запасов, ниже стоимости более драгоценного металла. Не похоже, что сплав золота и серебра - "электрум", который так любили египтяне, - использовался минойцами.

Минойская керамика (стр. [198](#) и [204](#))

Перепечатано из "*Журнала эллинских исследований*" с разрешения Совета Эллинского общества

О социальной жизни людей в эти доисторические времена мы практически ничего не знаем. Лишь одно умозаключение, возможно, достаточно шаткое, можно сделать на основании одной из особенностей архитектуры Кносса. Здесь нет попытки изолировать жизнь дворца от жизни города и страны вокруг него. Напротив, кажется, что здание было построено почти с таким расчетом, чтобы предоставить гражданам Минойской империи все возможности для

общения с царским домом. Большой Западный двор с портиком и сиденьями вдоль дворцовой стены предполагает значительную свободу доступа населения к непосредственному окружению царской власти. Возможно, это довольно большой вывод, чтобы заключить, что "сама архитектура Кносского и Фестского дворцов может свидетельствовать о силе демократии";[*] но, по крайней мере, продуманность, с которой обеспечивался комфорт людей, посещающих дворец, и общая открытость и отсутствие ревнивого уединения, о которых свидетельствует весь стиль зданий, позволяют предположить, что отношения между царями дома Миноса и их подданными были гораздо более человечными и приятными, чем в большинстве древних царств.

[Сноска *: Mosso, "The Palaces of Crete", p. 163].

Судя по их искусству, можно сделать вывод, что в целом этот народ был несколько привлекательной расой, откровенно наслаждавшейся более приятными сторонами жизни и способной испытывать острый восторг от всех красот природы. В минойском искусстве мало мрачного; оно благоухает открытым воздухом и свободным океаном, и народ, который так радовался природной красоте и с удовольствием окружал себя своими собственными репродукциями и интерпретациями ее, вряд ли был склонен под тяжелым игом рабства или жил иначе, чем сравнительно свободной и независимой жизнью. Насколько греки классического периода впитали в себя дух этой одаренной и артистичной расы, мы можем только предполагать. Художественная позиция эллинского грека несколько отличается от его минойского или микенского предшественника, и он утратил то острое чувство природы, которое так заметно в работах более раннего поколения; Но обе расы, по крайней мере, едины в той глубокой любви к красоте, которая является доминирующей характеристикой греческой натуры, и вполне возможно, что что-то из этого чувства составляло часть наследия, которое завоеватель перенял у побежденного, и которое, в сочетании с мужественностью и интеллектуальной силой северной расы, сделало исторического грека самым ярким типом человечества, который когда-либо видел мир.

ГЛАВА XI

ПИСЬМО И РЕЛИГИЯ

Из всех открытий, сделанных на критской земле, то, которое, в конечном счете, несомненно, окажется самым важным, - это обнаружение различных систем письма, которые минойцы последовательно разрабатывали и использовали. До сих пор знания об этих системах не продвинулись дальше описания материалов и их сравнения с теми, что представлены в других письменностях, и эта задача была решена доктором Эвансом в первом томе его "Scripta Minoa". Было накоплено огромное количество материала, который был разделен на различные классы, характерные для разных периодов минойской истории. Можно прийти к общему пониманию вопросов, к которым относятся некоторые элементы материала, но фактическое чтение начертанных табличек пока оказалось невозможным. Более того, судя по всему, значительная часть материала не является литературной в подлинном смысле этого слова, а состоит из инвентарных списков и счетов, возможно, также из юридических документов и других подобных записей, представляющих чисто деловой и практический интерес. Тем не менее, было бы немаловажно, если бы удалось расшифровать записи, скажем, военного или адмиралтейского ведомства Кносса, или изучить детали ведения царского хозяйства в те далекие дни; и все еще можно надеяться, что, когда столь желанная двуязычная надпись наконец появится и сделает возможной расшифровку, мы обнаружим, что документы, представляющие более подлинный литературный интерес, не совсем отсутствуют. По крайней мере, ясно одно: как выразился доктор Эванс в резюме результатов

первого года работы, "эта великая ранняя цивилизация не была немой", а, напротив, обладала средствами выражения, вполне соответствующими ее потребностям.

В 1894 году М. Перро писал: "В нынешнем виде мы можем продолжать утверждать, что за весь этот период нигде, ни в Пелопоннесе, ни в самой Греции, ни на зданиях, ни на тысяче и одном предмете роскоши или домашнего обихода, извлеченном из гробниц, не было обнаружено ничего, что напоминало бы какую-либо письменность". Это утверждение полностью соответствовало известным на тот момент фактам; Но было совершенно немыслимо, что в то время как египтяне и вавилоняне имели свои полностью развитые письменности, а более грубые расы, такие как хетты, имели свои системы письма, люди, которые построили великолепные стены и дворцы Тирин и Микен, и сделали диадемы и украшения валообразных могил, должны были настолько отстать в одном из самых важных элементов человеческого прогресса, чтобы не иметь возможности общаться друг с другом с помощью письма. Мы уже видели, как открытия первого года работы в Кноссе навсегда разрешили этот вопрос и показали существование более чем одной формы письма. С тех пор материал быстро накапливался, и в настоящее время количество предметов - табличек, ярлыков и других изделий, - исписанных различными критскими письменами, исчисляется тысячами.

[Сноска *: Perrot et Chipiez, 'La Grèce primitive: l'Art mycénien,' p. 985].

Самая ранняя форма минойской письменности, которую можно проследить, состоит из грубых пиктографических символов, выгравированных на бисерных печатях и драгоценных камнях. Это примитивное пиктографическое письмо характерно для раннеминойского периода, а в течение последующего среднеминойского периода оно постепенно развивалось в иероглифическую систему, которая, как полагают, представляет собой некоторые аналогии с хеттской формой письма. Но на последних этапах третьего среднеминойского периода в Кноссе и других местах начинает появляться серия надписей в совершенно ином стиле. Знаки больше не являются иероглифами, а стали определенно линейными и располагаются так же, как и в обычном письме. В основном они вырезаны на глиняных табличках, которых были найдены сотни, но есть несколько случаев, когда они были написаны чернилами, очевидно, тростниковым пером, как в случае с двумя среднеминойскими чашками III в. , найденными в Кноссе, на которых есть линейные надписи, выполненные до того, как глина была обожжена. В то время как в случае иероглифических надписей символы идут безразлично слева направо или справа налево, в этом линейном письме их фиксированное направление - обычное, слева направо. Суффиксы, очевидно, использовались для обозначения пола, а пиктографические знаки, указывающие на содержание документа, также используются, хотя и более редко, чем в более поздней форме письма. Такие знаки, как правило, свидетельствуют о том, что документы, в которых они встречаются, в основном касаются деловых вопросов. Чаще всего среди этих детерминативов встречаются цветок шафрана, различные сосуды, треножники и весы, вероятно, для взвешивания драгоценных металлов.

В Кноссе эта форма линейного письма, относящаяся доктором Эвансом к классу А, по-видимому, имела сравнительно короткую моду. Документы, относящиеся к ней, найдены только в конкретном слое, связанном со Средним Миносом III, и должны датироваться, согласно последнему пересмотру хронологии д-ра Эванса, не позднее 1600 года до н. э., то есть периода, когда Средний Минос III закрывается. В последующие позднеминойские периоды линейное письмо класса А вытесняется в Кноссе другой формой, класса Б. Однако в других частях острова класс А, похоже, сохранялся как общая форма письма гораздо дольше, чем в Кноссе. В Агия Триада очень большие залежи линейного письма - более

крупные, чем Кносское изображение класса А - относятся к первому позднеминойскому периоду и современны замечательной работе стеатитовых ваз и фреске с охотничьим котом; в то время как в Фесте окончательная катастрофа дворца произошла в то время, когда линейное письмо класса А все еще было в полном употреблении. В Закро, Палайкастро, Гурнии и других местах были найдены примеры этого письма, показывающие, что оно было распространено, во всяком случае, по всему Центральному и Восточному Криту; и во всех случаях оно связано с остатками, которые относятся к концу Среднего Миноя III. и началу Позднего Миноя. Но, похоже, что эта форма письма не ограничивалась Критом, а была распространена гораздо шире. Следы этой формы или очень близкого к ней письма были найдены на Тере, а в Филадельфии на Мелосе обнаружена целая серия знаков, близко соответствующих критскому классу А. Это позволяет предположить, что язык, использовавшийся на минойском Крите, был преобладающим или, во всяком случае, был понятен и широко использовался во всем Эгейском регионе. Надпись на столе для возлияний, найденном доктором Эвансом в Диктейской пещере, относится к этому классу, как и надпись на аналогичном предмете, найденном г-ном Керрелли в Палайкастро.

Позднеминойская ваза из Мицены (стр. [206](#))

Перепечатано из *"Журнала эллинских исследований"* с разрешения Совета Эллинского общества

Когда в начале позднеминойского периода Кносский дворец был перестроен, архитектурные изменения сопровождались еще одним большим изменением. Это было полное вытеснение

линейного письма, класса А, другой похожей, но независимой формой, которая была названа классом В. Несколько примечательно, что, хотя образцы письма, обнаруженные в Кносском дворце и его ближайших окрестностях, намного многочисленнее, чем образцы класса А, использование класса В, кажется, насколько можно судить по собранным свидетельствам, было полностью ограничено Кноссом. Начало использования этой системы, возможно, относится к началу пятнадцатого века до н.э., и она была в полной силе во время великой катастрофы Кносса, в конце пятнадцатого или начале четырнадцатого века до н.э. Ее использование продолжалось и после падения Минойской державы: таблички с надписями этой формы письма были найдены в позднеминойском III. Дом святилища фетишей в Кноссе. По мнению доктора Эванса, чья "Scripta Minoa" суммирует все, что известно на сегодняшний день об этих загадочных критских письменах, класс В не является простым переростком класса А. Письмена, безусловно, родственны, и есть признаки того, что В является более высокоразвитым из двух, имея меньший выбор символов и менее сложную систему сложных знаков; но в то же время некоторые из знаков, встречающихся в В, вообще не встречаются в А, а некоторые из тех, что принадлежат к обоим письменностям, встречаются в более примитивной форме в В. Язык, выраженный в обоих письменностях, должен, однако, быть по существу одним и тем же. Поэтому можно предположить, что в вытеснении класса А классом В мы имеем еще одно свидетельство династической революции, которая, как предполагается, привела к разрушению дворца, закрывшему среднеминойский период.

Записи класса В свидетельствуют о очень значительном прогрессе в искусстве письма. Сами иероглифы имеют европейский облик. Они имеют вертикальную форму, простое и определенное начертание, что делает рельефнее громоздкую и неясную клинопись Вавилонии. Хотя по форме они не такие скорописные, как иератические или демотические типы египетского письма, здесь имеется гораздо более ограниченный выбор типов. Похоже, что иероглифы обозначали слоги или даже буквы, хотя в большинстве случаев они могли использоваться и как слова..... Пробелы и линии между словами, *разбивка* на отдельные абзацы и изменение размера символов на одной и той же табличке в зависимости от относительной важности текста показывают стремление к ясности и методу, которые ни в коем случае нельзя назвать характерными для классических греческих надписей"[*] Использовалась десятичная система чисел, самая большая сумма, о которой идет речь, - 19 000, а проценты, очевидно, были хорошо понятны, так как им посвящена целая серия табличек.

[Сноска *: 'Scripta Minoa', pp. 39, 40].

Сами таблички изначально были сделаны из необожженной, но высушенной на солнце глины, и их сохранность, как мы видели, вероятно, объясняется чрезмерным нагревом, которому они подверглись во время большого пожара, уничтожившего дворец. Сам огонь, столь губительный для других библиотек, таким образом, обеспечил сохранность архивов минойского Кносса". Очевидно, что хранение табличек было очень тщательным. Они хранились в сундуках и ларцах из различных материалов и, очевидно, были тщательно разделены по различным отделам, к которым относилось их содержимое. В одном из хранилищ у северного входа, который был "Морскими воротами" дворца, на самом большом из сидений, которыми были закреплены ящики, в которых хранились таблички, было изображено судно, что, возможно, указывало на то, что эти таблички принадлежали минойскому Адмиралтейскому совету. Один набор табличек хранился в помещении, которое по всей видимости было офисом, а частое появление в нем фигур лошадиной головы, колесницы и кирасы позволяет предположить, что это хранилище принадлежало

минойскому военному ведомству и относилось к снаряжению колесничной бригады кносской армии.

Дополнительным доказательством деловых методов минойских чиновников служит тот факт, что многие печати, принадлежавшие различным магазинам, были помечены с лицевой стороны, а их обратная сторона была подписана и завизирована, очевидно, проверяющими чиновниками, в то время как они, по-видимому, регулярно подшивались и регистрировались для справок. Действительно, минойские методы уже выдержали испытание, будучи принятыми в качестве доказательства в современном суде. В 1901 году, - рассказывает доктор Эванс, - я обнаружил, что некоторые таблички были изъяты из раскопок и вскоре после этого приобретены музеем в Афинах. Далее выяснилось, что один из наших рабочих - некий Аристидес - покинул раскопки примерно в то же время и уехал в Грецию, а в Афинах его видели предлагающим "антики" на продажу при подозрительных обстоятельствах. Изучая надписи на украденных табличках, я заметил формулу, которая показала, что некоторые или все части принадлежали к вкладу, найденному в журнале XV. Обратившись к нашим дневникам, я выяснил, что тот же Аристид принимал участие в раскопках именно этого журнала незадолго до своего поспешного отъезда. По возвращении на Крит, несколько месяцев спустя, он был арестован, и доказательства, предоставленные минойской формулой, были приняты Кандийским трибуналом как коронное доказательство его вины. Аристид - "Несправедливый" - был приговорен к трем месяцам тюремного заключения". Немногие преступники достигают такого достоинства, чтобы быть осужденными на основании доказательств, которым 3 500 лет.

Некоторые таблички содержат списки лиц обоих полов, обозначенных, по-видимому, их личными именами, причем за знаками, обозначающими имя, в каждом случае следует идеограмма, определяющая "мужчину" или "женщину", в зависимости от ситуации. Конечно, пока невозможно сказать, к какому рангу или классу могли принадлежать люди, занесенные в каталог; но можно предположить, что эти списки могут быть записями майордома о рабах-мужчинах и рабынях-женщинах, или, возможно, о ремесленниках, которые, судя по всему, жили в пределах дворца. Другой тип записей дают таблички, подобные той, что представлена на [на пластине XIV](#). Табличка содержит восемь строк хорошо написанной надписи, состоящей, по-видимому, из двадцати слов, разделенных на три абзаца. В данном случае нет ни детерминативов, ни цифр; возможно, документ представляет собой договор, а может быть, и официальное провозглашение.

КАМАРЕССКИЕ ВАЗЫ ИЗ ФИСТОСА И ХАГИИ ТРИАДЫ (стр. 120 и 197)

Г. Марагуаннис

То, что такие таблички были не единственной формой, в которой минойцы писали свои различные документы, очевидно из уже замеченного факта, что были найдены надписи, выполненные тростниковой ручкой, и, хотя сохранившиеся написаны на глиняных сосудах, очевидно, что тростниковая ручка была не очень подходящим инструментом для письма на таких материалах, и что ее существование предполагает наличие какого-то вещества, более приспособленного для скорописного письма пером-пергаментом, возможно, или папируса, который можно было легко получить из Египта. К сожалению, такие материалы, на которых,

по всей вероятности, были бы написаны настоящие литературные документы минойцев, если бы таковые существовали, вряд ли могли пережить пожар, уничтоживший дворец, или, если по какой-то случайности они избежали этого, последующее воздействие климата; так что все подлинно литературные фрагменты, которые еще могут быть обнаружены, нужно искать на больших табличках, и в лучшем случае это могут быть не более чем краткие отрывки. Мы не можем ожидать от Крита такого богатства папирусов, какое сохранил для археолога Египет.

К совершенно иной категории, чем обычные минойские таблички, относится диск, найденный в Фесте в 1908 году. Его общий характер уже был описан. Длинная надпись, покрывающая обе его грани, написана иероглифами, которые в некоторой степени напоминают минойскую пиктографическую систему, но не являются таковой. Гребенчатые шлемы, которые часто встречаются в качестве знаков, круглые щиты, манера одеваться как мужчин, так и женщин, стиль архитектуры, изображенный в иероглифическом рисунке дома или пагоды, не являются минойскими; и в целом все указывает на то, что диск является продуктом какой-то смежной культуры, возможно, ликийской, в которой использовался язык, близкий к языку минойского Крита. Надписи на диске тщательно сбалансированы и расположены, каждая сторона содержит одинаковое количество групп знаков, с одной дополнительной группой на стороне А, которая отделена от предыдущей части надписи тире. Некоторые наборы групп знаков повторяются в одном и том же порядке, как если бы они составляли некий рефрен. На основании этих признаков было высказано предположение, что вся надпись представляет собой метрическую композицию, короткое стихотворение или гимн - возможно, один из листов анатолийской Книги псалмов, остальные страницы которой исчезли. Существует мнение, что язык и религия западного побережья Малой Азии были тесно связаны с языком и религией Крита, и вполне возможно, что когда минойцы развили свой собственный язык, несколько отличающийся от материкового, они сохранили в некоторых частях своей религиозной службы старую форму речи, общую для них и их анатолийских родственников, как своего рода священный язык[*].

[Сноска *: См. Приложение, стр. 264].

Таким образом, совершенно очевидно, что цивилизация минойского Крита, отнюдь не будучи немой, обладала разнообразными и вполне адекватными средствами самовыражения. Старая критская традиция о том, что финикийцы не изобретали буквы алфавита, а лишь изменили уже существующие, вполне оправдана, поскольку, похоже, именно так они и поступили. Финикийский ум, если и не был оригинальным, то, во всяком случае, практичным. Большим камнем преткновения на пути древних письменностей была их сложность - недостаток, который минойские пользователи линейного письма класса В, очевидно, уже начали признавать и пытались исправить. Финикийцы пошли еще дальше в процессе упрощения и создали для своего использования из уже существовавших вокруг них элементов удобную короткую и простую систему знаков. Положение, которое они заняли после гибели морской империи минойцев как великие перевозчики и посредники Средиземноморья, обеспечило их системе распространение и полезность, недоступные никакой другой системе письма; так постепенно финикийский алфавит занял свое место в качестве основы всех последующих письменностей. Несомненно, это была большая и важная услуга, которую они оказали таким образом; но, тем не менее, начало европейской письменности следует связывать не с ними, а с их предшественниками - минойцами, и глиняные таблички Кносса, Фесстоса и Агия Триады являются прямыми предками всей письменной литературы Европы.

При попытке рассмотреть минойскую религию мы сталкиваемся с тем, что пока невозможно представить сколько-нибудь связный взгляд на этот предмет. Как в случае с их литературой мы имеем фактические записи, но не можем их прочесть, так и в случае с их религией очевидна значительная масса фактов, но у нас нет возможности скоординировать их так, чтобы прийти к какому-либо определенному представлению о религиозной системе. Некоторые ритуалы мы можем увидеть и даже понять что-то о Божестве, к которому они были обращены, но теология отсутствует. Соответственно, не остается ничего другого, как представить фрагментарные факты, которые очевидны.

Минойцы, кажется, совершенно ясно, никогда не были, как их преемники греки, обладателями хорошо населенного Пантеона; главным объектом их поклонения не было мужское божество, подобное греческому Зевсу. Есть, правда, следы мужского божества, которое было принято греками, когда они получили преобладание на острове, в качестве представителя их собственного верховного божества, и которое стало критским Зевсом. Но в минойские времена это существо занимало очень подчиненное место, и, несомненно, главным объектом поклонения была богиня - богиня природы, Великая Мать - *ποτνια θηρων*, Владычица диких существ - которая была источником всей жизни, высшей и низшей, ее хранильницей в период земного существования и владычицей в подземном мире.

Функции этого великого божества, как было верно подмечено, в значительной степени совпадают с теми, которые утверждает для себя Артемида в поэме Браунинга "Артемида прологизирует":

По небу я качу свою ясную луну;
Я в аду проливаю покой на мой бледный народ;
На земле я, заботясь о тварях, охраняю
Каждого беременного желтого волка и лисицу-суку гладкую,
И каждый пернатый матерый выводок,
И всех, кто любит зеленые призраки и одиночество".

Она была богиней и воздуха, и земли, и подземного мира, и сохранились изображения, в которых выражены ее различные атрибуты. Как богиня воздуха, она представлена женской фигурой, увенчанной голубями; как богиня подземного мира, ее эмблемами являются змеи, которых мы видим обвившимися вокруг фигуры фаянса в Кноссе или терракоты в святилище Гурния. Ее фигура часто встречается на печатях и геммах, стоящая на вершине скалы или горы, со львами-хранителями, по одному с каждой стороны, и иногда с мужчиной-жертвой на заднем плане.

Самая ранняя форма ее поклонения, которая оказалась очень устойчивой, была, по-видимому, аниконической. Божество не было воплощено в каком-либо нарисованном изображении, но было присуще таким предметам, как грубые природные вкрапления, найденные в Доме святилища фетишей, или, как предполагалось, обитало в священных деревьях, на которых иногда сидели голуби, указывающие на присутствие богини как властительницы воздуха, или которые были обвиты змеями, показывая ее присутствие как богини земли и подземного мира. На месте священных деревьев часто встречаются священные столбы, которые, похоже, были объектами поклонения, по крайней мере, до позднеминойского II периода, так как на королевской вилле в Кноссе, относящейся к этому периоду, есть комната с колоннами, похожая на гораздо более ранние комнаты с колоннами в Большом дворце. Небольшая группа из трех колонн, найденная в Кноссе, очевидно, представляет божество в ее аспекте небесной богини, поскольку на капителях колонн сидят голуби. Иногда, как в случае с Львиными воротами в Микенах и другими изображениями, мы

имеем столб с двумя поддерживающими его львами, предвосхищающими антропоморфную фигуру богини на скале. Возможно, что в некоторых случаях фигуры двойных топоров, стоящих между рогами посвящения, также рассматривались как воплощения божества. Подобный способ изображения божества встречается на ранних стадиях многих религий, и священный столб, установленный Иаковом в Вефиле, можно привести в качестве примера его присутствия в начале древнееврейского культа.

В целом минойская Великая Мать воспринималась как благодетельное существо, дарующее "все блага и совершенные дары", но ее связь со львом и змеей показывает, что в ее характере была и более загадочная и ужасная сторона. Когда поздние греки пришли на остров и нашли это божество в своем владении, она стала отождествляться, в различных аспектах своей многогранной природы, с различными богинями эллинского пантеона. В первую очередь она стала Реей, матерью богов, которая бежала на Крит, чтобы родить своего сына Зевса. Иначе она была Гера, сестра и супруга Зевса, и в этом случае история брака великой богини и верховного бога, вероятно, представляет собой слияние религиозных идей двух рас: завоеватели переняли божество покоренной расы и объединили ее с богом неба, которого они привезли с собой со своей северной родины. Она также сохранилась как Афродита, как Деметра и, в качестве повелительницы диких зверей, как Артемида.

Предположение о связи Зевса с минойской богиней, возможно, было дано северным завоевателям одной из особенностей критской религии, которую они обнаружили уже существующей. На некоторых оттисках печатей и гравированных геммах есть указания на то, что великая богиня природы иногда ассоциировалась с мужским божеством. Однако это существо, по-видимому, занимало неясное и низшее положение. В большинстве сцен, где он представлен, он либо находится на заднем плане, либо благоговейно стоит перед сидящим женским божеством. Судя по всему, ахейцы присвоили этому незначительному богу статус представителя своего Зевса, приписали ему рождение от Великой Богини в ее собственной пещере-святилище Дикте и наделили его многими атрибутами, которыми она обладала ранее. Так что в эллинские времена верховным божеством острова всегда был критский Зевс, Зевс Двойного Топора, хотя на самом деле он вовсе не был критским богом или, в лучшем случае, второстепенным божеством, одетым в заимствованные плюмажи и с навязанным ему величием.

Что касается форм поклонения Великой Матери Крита, то о них известно сравнительно немного. Наиболее поразительной особенностью является кажущееся полное отсутствие того, что мы должны называть храмами. В этом отношении Крит представляет собой любопытный контраст с Египтом: в Египте мы имеем обилие огромных храмов, но практически не сохранившихся дворцов; на Крите ситуация прямо противоположная, и мы имеем огромные дворцы, но не имеем храмов. Причина этого, как отмечает доктор Маккензи, заключается в том, что минойская религия носила исключительно домашний характер. В Кноссе все святилища - либо домашние, либо дворцовые. Божества - домашние и династические, имеющие родовой характер и репутацию предков, которую нужно поддерживать". Одним словом, поклонение в минойской религии было, по сути, семейным поклонением. Несомненно, были и публичные церемонии, в которых царь, который, кажется, был жрецом, а также царем (если, конечно, он не рассматривался как воплощение божества), выполнял главную роль; но не могло быть ничего похожего на привычную публичность частей поклонения богу, которая наблюдалась в больших перистильных дворах египетских храмов и в процессионной организации части их службы. В Кноссе, - говорит доктор Маккензи, - мы обнаружили, что в каждом доме была тенденция выделять комнату для

семейного поклонения. Таких святилищ во дворце оказалось больше одного. Эти святилища находились в очень уединенной части дома и обычно не имели прохода".

[Сноска *: *Annual of the British School at Athens*, vol. xiv., p. 366].

О том, какими были эти святилища, можно судить по фрагментарной фреске, найденной в Кноссе, изображающей один из столпообразных храмов, где Великой Богине поклонялись в ее эмблемах священных столбов. Сооружение состоит из высокой центральной камеры, по обе стороны от которой расположены более низкие крылья. Материал, из которого оно построено, по-видимому, дерево, облицованное и украшенное в некоторых частях шашечной резьбой по черно-белой штукатурке. Все здание опирается на большие каменные блоки, над которыми в центральной камере возвышается массивный кусок здания, украшенный сначала чеканкой, а затем, над ней, двумя полурозетками, окаймленными *куано*. Над ним возвышается открытая камера святилища, в которой нет ничего, кроме двух колонн знакомого минойско-микенского типа, сужающихся кверху от капителей. Они возвышаются между священными рогами, которые встречаются практически в каждой религиозной сцене как эмблемы освящения (ср. "рога алтаря" в еврейском храмовом богослужении). В нижних камерах по обе стороны находится по одному столбу, снова поднимающемуся между рогами освящения. Минойская женщина, одетая в голубовато-зеленое платье, сидит спиной к стене правой нижней камеры, и масштаб святилища определяется тем, что ее место находится на одном уровне с полом камеры, а голова - на одной линии с балкой крыши, которая опирается на столицу священного столба. Остатки настоящего святилища, обнаруженные в 1907 году рядом с Центральным двором в Кноссе, показывают, что фреска не преувеличивает размеры священных зданий. Святилище Гурния, расположенное в центре города, имеет площадь около двенадцати футов, а его открыватель считает, что высота стен священного помещения не превышала восемнадцати дюймов. Здесь же находились освященные рога, голуби и змеи, обвинившиеся вокруг изображения богини.

Какого рода акты поклонения были связаны с минойской религией? Жертвоприношения, безусловно, занимали важное место, и бык, вероятно, был главной жертвой, приносимой богине. В одной из сцен на саркофаге из Агия Триада быка приносят в жертву, и его кровь капает в сосуд, поставленный под его головой. Позади стоит фигура женщины, чьи руки вытянуты, предположительно для того, чтобы держать шнуры, которыми связана жертва. Двое детей скрючились на земле под быком, возможно, для того, чтобы в свою очередь принести жертву. Приношение также было частью церемонии, и на том же саркофаге есть две сцены, в которых оно происходит. В одном случае ([плита XXVIII.](#)) сосуд, в который наливают подношение, стоит между двумя священными двойными топорами с сидящими на них птицами; в другом случае сосуд для возлияний стоит на алтаре с двойным топором позади него. Три сосуда диктейского стола для возлияний наводят на мысль о троекратном подношении, подобном подношению молока и меда, сладкого вина и воды, которое в гомеровский период совершалось теням мертвых и нимфам.

Как и положено в культе богини, главную роль в ритуале, по-видимому, играли жрицы. Мужчины также участвуют в церемониях, но не так часто и, очевидно, в подчиненных ролях. Часть ритуала, очевидно, состояла из танцев, и музыка также имела свое место, о чем свидетельствуют фигурки лиристов и флейтистов на саркофаге из Агия Триада. Вопрос о том, существовало ли у минойцев поклонение предкам или жертвоприношения мертвым, поднимается благодаря нескольким реликвиям. Над валом-могилей в Микене стоял круглый

алтарь, где, должно быть, совершались жертвоприношения либо теням мертвых, либо от их имени, а сцены на саркофаге из Агия Триады, так любопытно напоминающие египетскую церемонию "открытия рта", наводят на мысль о вере в продолжение существования духа, либо как объекта, который можно умиловить жертвоприношением, либо как существа, которое необходимо поддерживать в развоплощенном состоянии с помощью подношений мяса и питья.

Отношение минойского царя к религии своей страны представляет определенный интерес, хотя известных фактов едва ли достаточно, чтобы дать почву для более чем предположений. Сама структура дворца в Кноссе свидетельствует о важности той роли, которую он играл в духовных делах, и о той тесной связи, которая существовала в минойской, как и во многих других древних конфессиях, между царской властью и религией. Во дворце есть не только несколько святилищ и алтарей, но и, как отметил доктор Маккензи, вполне вероятно, что так называемые ваннные комнаты в Кноссе и Фесте - вовсе не ваннные комнаты, а небольшие часовни или лаборатории, так что в целом религия занимает очень большое место в обустройстве царского жилища. Фактически, цари и царицы Кносса были царями-жрецами и царицами-жрицами, главами духовной и материальной жизни своего народа; и совсем не исключено, что, исходя из того, что известно о религиозных взглядах других древних народов, царь-жрец рассматривался как воплощение божества. Если так, то какого божества? Именно здесь, по всей вероятности, мы подходим к сути легенды о Минотавре. Характерным мифическим чудовищем Крита, - говорит мисс Джейн Харрисон, - был быкоголовый Минотавр". За легендой о Пасифае, превращенной в чудовище по недомыслию иммигрантов-завоевателей, едва ли можно сомневаться, что скрывается некая священная мистическая церемония ритуального брака (*ιερὸς ὕμνος*) с первобытным быкоголовым божеством..... Фракийский бык-Дионис, придя на Крит, нашел там чудовищного бога, двоюродного брата себе самому..... О ритуале бога-быка на Крите мы знаем, что он частично состоял из разрывания и поедания быка, и за этим стоит страшное подозрение о человеческом жертвоприношении". Фактические свидетельства существования такого божества с головой быка, найденные на минойских стоянках, несколько скудны, самый яркий пример - печать из Кносса, изображающая монстра с головой животного, возможно, быка, на человеческом теле, и, очевидно, считающегося божественным, поскольку он сидит и благоговейно приближается к человеческому поклонению; но, если принять во внимание всеобщую популярность легенды о Минотавре, этого, вероятно, достаточно. Какое отношение это чудовищное божество имело к другим объектам минойского поклонения, не ясно.

[Сноска *: *Annual of the British School at Athens*, xiv., p. 366. Это предположение также высказано Моссо, "Дворцы Крита", стр. 64-66].

[Сноска **: 'Prolegomena to the Study of Greek Religion', pp. 482, 483].

Возможно, это божество было тем, представителем и воплощением которого считался царь, и в таком случае борьба с быками, которая была столь постоянной чертой дворцовых состязаний, имела более глубокое значение и в действительности была частью церемониала, связанного с поклонением критскому богу-быку. В этой связи профессор Мюррей подчеркивает некоторые факты в связи с легендарной историей Миноса, которые, как представляется, связывают критскую монархию с обычаем, нередко наблюдаемым в связи с другими древними монархиями и вероисповеданиями. Следует помнить, что в легенде о Миносе говорится, что он "правил девять лет, сплетничая с Великим Зевсом", и что каждые девять лет он отправлялся в пещеру Зевса или бога-быка, чтобы поговорить с Зевсом, получить новые заповеди и дать отчет о своем правлении. Десятилетний период

повторяется в рассказе о кровавой дани семи юношей и семи девиц, которые приносились в жертву Минотавру каждый девятый год. Не является ли это искаженным воспоминанием о том, что царственное воплощение бога-быка первоначально занимало свой пост только девять лет, и что по истечении этого срока он отправлялся в Диктейскую пещеру, святилище своего божества, и был там заклан в жертву, а из пещеры выходил его преемник и приветствовался как омоложенное воплощение божества, чтобы царствовать в свой черед, а затем погибнуть, как и его предшественник? В этом случае семь юношей и семь девиц, которые были принесены в жертву Минотавру в конце девятилетнего периода, могли быть убиты вместе с ним, чтобы стать его спутниками и слугами в подземном мире, или, что более вероятно, они могли быть приняты в качестве его заместителей на более поздней стадии обычая, так что смерть царя была просто ритуальной.

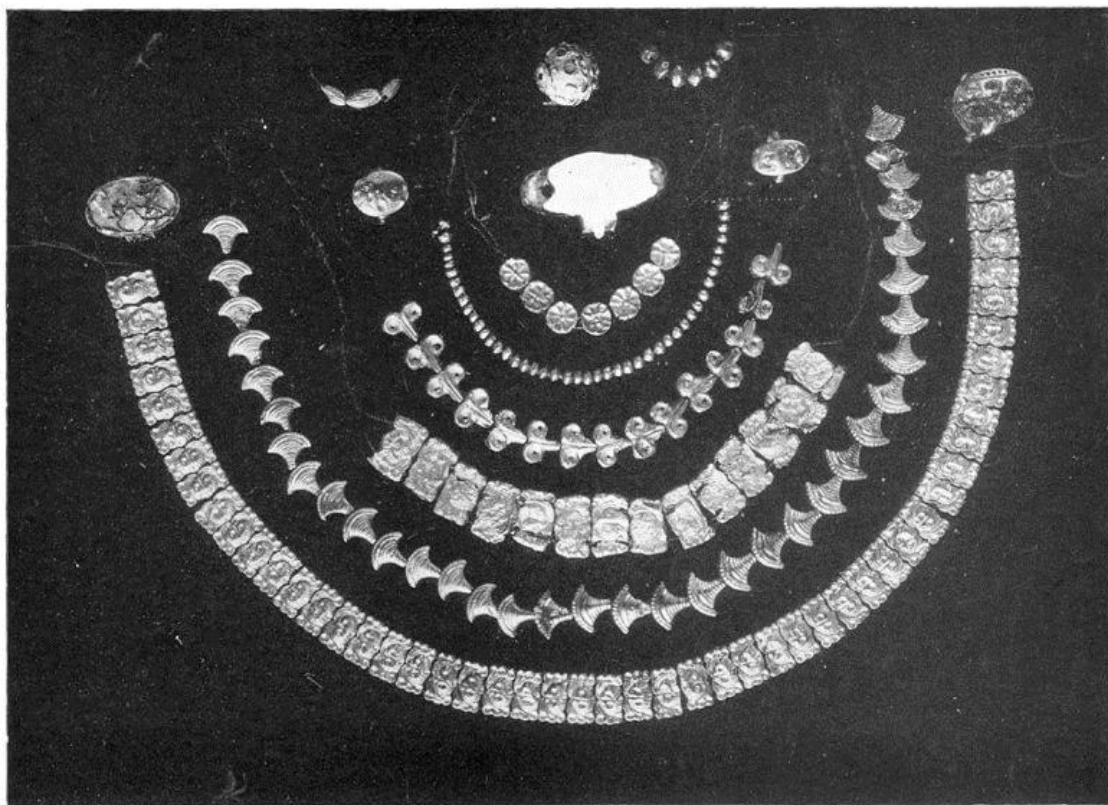
[Сноска *: 'The Rise of the Greek Epic', pp. 127, 128].

Конечно, такое объяснение легенды о Миносе и истории о человеческой дани пока является лишь предположением и не подлежит абсолютному доказательству, но постоянное повторение девятилетнего периода, по крайней мере, очень поразительно, и стоит вспомнить, что обычай, в точности похожий на предложенный, существовал в связи с несколькими древними монархиями и, более того, сохранился до наших дней. В древнем Эфиопском царстве царь был обязан зарезать себя по приказу жрецов. Подобный обычай преобладал в Вавилонии и среди древних пруссов, а некоторые современные африканские племена умерщвляют своего короля при первых признаках старости или немощи, которые начинают проявляться в нем. Профессор Флиндерс Петри показал, что величайший из египетских праздников, праздник Сед, является церемонией, сохранившейся с тех времен, когда фараон, царь-жрец и представитель Бога на земле, был заклан через определенные промежутки времени. Во всех подобных случаях цель, очевидно, заключается в том, чтобы воплощение божественности всегда находилось в расцвете сил и никогда не знало упадка. Без сомнения, невозможно утверждать, что подобная особенность принадлежала минойской религиозной политике; свидетельства не таковы, чтобы быть уверенными, но не исключено, что в обычае, подобном этому, кроется интерпретация основных черт легенды о Минотавре.

[Сноска *: "Исследования на Синае", с. 181-185].

Такова была империя морских царей Миноса, как она предстала перед нами в результате раскопок и исследований последних десяти лет. Помимо фактической информации, полученной об этой великой расе, которая впредь должна рассматриваться как один из истоков греческой цивилизации и образования, а значит, в значительной степени и всей европейской культуры, возможно, самым поразительным и интересным результатом, который был достигнут, является замечательное подтверждение широких очертаний тех традиций о Крите, которые сохранились в легендах и рассказах греческих историков. Теперь видно, что басня о Минотавре - это не просто дикая и чудовищная фантазия, а отражение, смутное и гротескное, увиденное сквозь туман веков, обычаев, которые действительно существовали в дворцовой жизни Кносса и, вполне вероятно, были частью религиозной практики страны. Убийство Минотавра афинским Тесеем вполне может быть отголоском завоевания Минойской империи материковыми племенами. История, в которой Тесей приносит из дворца Амфитриты кольцо, брошенное Миносом в море, почти наверняка является символическим выражением перехода морской власти в Эгейском море от некогда всемогущих минойцев к ахейцам и другим беспокойным племенам, которые на протяжении многих поколений после падения Кносса властвовали над океаном, были ужасом для всех мирных народов и угрозой для существования даже такой великой державы, как Египет.

Теперь никто не мечтает колебаться, принимая утверждения Геродота и Фукидида о великой морской империи Крита. Кем бы ни был Минос, на которого они ссылаются, - был ли он на самом деле одним великим историческим монархом, который привел славу царства к кульминации, или это имя было титулом целой расы царей, - вопрос не столь важный. В любом случае, морская мощь минойского Крита была реальностью, которая продолжалась не одно, а много царствований; и практически несомненно, что в течение долгого исторического периода вся морская торговля Европы, Азии и Африки находилась в руках этих самых ранних владык океана.

РАБОТЫ ГОЛДСМИТОВ ИЗ ПЧЕЛИНЫХ ТОМБОВ, ФЕСТОС (стр. 216)

Г. Марагуаннис

Воспоминания о падшей державе, сохранившиеся в греческом сознании, были связаны главным образом с деспотическим аспектом господства, которое Кносский владыка осуществлял над Эгейским морем; но в Египте на протяжении веков сохранялась традиция, которая более справедливо относилась к славе минойского Крита. В "Тимее" Платон рассказывает историю о том, как Солон отправился в Египет, и жрец в Саисе поведал ему, что давным-давно в западном море существовал великий остров, где чудесная центральная власть властвовала не только над всей своей землей, но и над другими островами и частями континента. Пытаясь осуществить всеобщее завоевание, это островное государство вступило в войну с Грецией и Египтом, но было побеждено афинянами и в наказание за свои грехи затоплено морем, оставив после себя лишь опасные для судоходства гряды грязевых отмелей, отмечающих место, где оно находилось. В "Тимее" и "Критии" Платон со значительными подробностями описывает особенности островного государства, причем подробности таковы, что он мог бы почти описать то, что египетский жрец, первоначально рассказавший эту историю, несомненно, пытался описать - реальный порт и дворец Кносса, с жизнью, которая там происходила. Например, большая гавань с ее судоходством и

купцами, прибывающими со всех концов, тщательно продуманные купальни, стадион и торжественное жертвоприношение быка - все это полностью, хотя и не исключительно, минойское; но когда мы читаем, как на быка охотятся "в храме Посейдона без оружия, но с шестами и петлями", мы имеем безошибочное описание кольца с быками в Кноссе, того самого, что больше всего поразило иностранцев и что дало начало легенде о Минотавре.'[*]

[Сноска *: 'The Lost Continent,' *Times*, February 19, 1909. Анонимный автор был первым, кто отождествил Крит с "затерянной Атлантидой"].

Границы, которые Платон отводит империи потерянного государства, практически идентичны тем, по которым, как известно, распространялось минойское влияние, а описание самого острова таково, что позволяет почти с уверенностью утверждать, что Крит был тем самым оригиналом, с которого он был срисован. Остров был путем к другим островам, и с этих островов можно было попасть на весь противоположный континент, который окружал настоящий океан". Так Платон описывает Атлантиду, а если рядом с его фразой привести современное описание Крита - "полуостров между тремя континентами, омываемый великим Ливийским мысом и соединенный островками поменьше с Пелопоннесом и материковой частью Анатолии", - то можно не сомневаться, что эти два описания относятся к одному и тому же острову.

Единственная трудность, мешающая принять эту идентификацию, заключается в том, что утверждается, что потерянная Атлантида лежит за Геркулесовыми столбами; но, несомненно, это утверждение объясняется неправильной интерпретацией Солоном слов своего египетского информатора или попыткой сайтского жреца приспособить свою древнюю традицию к более широким географическим знаниям своего собственного времени. Согласно древнеегипетской концепции мироздания, небеса опирались на четыре столба, которые на самом деле были горами; и, вероятно, в первоначальном рассказе затерянный остров был помещен за этими столбами, чтобы метафорически заявить, что он очень далеко, как и было в те ранние времена для мореплавателей. Но ко времени Солона границы навигации были расширены намного больше, чем у первых мореплавателей. Финикийские торговцы продвинулись на запад по крайней мере до Испании; флот Нехо обогнул Африку; поэтому "самый дальний западный остров", который, естественно, означал Крит для египтянина из Восемнадцатой династии, впервые описавшего катастрофу Минойской империи, должен был быть перенесен за Гибралтарский пролив, чтобы удовлетворить более широкие представления людей времен Солона и Нехо.

Почти наверняка в рассказе Платона приводится сайтская версия реальных египетских записей о величии и окончательной катастрофе этого великого островного государства, с которым Египет так долго поддерживал отношения. Несомненно, для людей последней части Восемнадцатой династии внезапное исчезновение минойской торговли и влияния в результате свержения Кносса казалось таким же странным и загадочным, как если бы Крит действительно был поглощен морем. Остров так и не смог вернуть себе утраченное господство и постепенно погрузился в то ничтожество, которое было характерно для него на протяжении всего классического периода. Так что, хотя ни жрец Саиса, ни его греческий аудитор, ни тем более Платон и не мечтали об этом, чудесное островное государство, память о котором сохранила египетская традиция, действительно было минойским Критом, а люди из потерянной Атлантиды, чьи портреты Продус видел в Египте, были не кто иные, как Кефтиу из гробниц Сен-мута и Рех-ма-ра.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ РЕЗЮМЕ

До 1580 г. до н. э. даты, указанные в сводке, должны рассматриваться как предварительные, а пределы возможной ошибки очень велики. Критские исследователи в основном принимают берлинскую систему египетской датировки, предпочитая ее той, которую отстаивает профессор Флиндерс Петри ("Исследования на Синае", с. 163-185), на том основании, что развитие минойской культуры вряд ли могло потребовать столь длительного периода, как тот, который дает синайская датировка. Однако следует помнить, что этот вопрос еще не решен, и более длительная система профессора Петри должна рассматриваться как по крайней мере возможная.

КРЕТЕ.	ЕГИПЕТ (БЕРЛИН).	ЕГИПЕТ (ПЕТРИ).
ДО Н.Э.		
10000-3000, Эпоха неолита.		
с. 3000-2600, Ранний Минойский период I.	Династии I.-V., 3400-2625 гг. до н. э.	Династии I-V, 5510-4206 гг. до н.э.
с. 2600-2400 " " " II.	Династия VI., 2625-2475 гг.	Династия VI., 4206-4003 гг.
с. 2400-2200 " " III.	Династии VII.-X., 2475-2160 "	Династии VII.-X., 4003-3502 "
с. 2200-2000, Среднеминойская I. (ранние дворцы в Кноссе и Фесте).	Династия XI., 2160-2000 гг.	Династия XI., 3502-3459 гг.
с. 2000-1850, Средний Миной II. (керамика пещеры Камарес; в конце периода разрушение Кносса).	Династия XII., 2000-1788 гг.	Династия XII., 3459-3246 гг.
с. 1850-1600, Средний Минойский период III. (Поздний Кносский дворец; первая вилла Агия Триада; ранний период, статуэтка Себека-узера; поздний, алебастрон Хиана).	Династии XIII.-XVII., 1788-1580 гг. до н.э.	Династии XIII.-XVII., 3246-1580 гг. до н.э.
	(Период смуты и господства гиксосов).	
1600-1500, Позднеминойская I. (Начало строительства позднего дворца Фест).		
1500-1400, Поздний Минойский период II. (завершение строительства позднего дворца Кносс; около 1400 г. падение Кносса).	Династия XVIII., 1580-1350 гг. до н.э.	Династия XVIII., 1580-1322 гг. до н.э.
	(Кефтиу на стенах гробниц Сен-мута и Рех-ма-ра).	
1400-- Поздний Минойский период III. (период частичного повторного завоевания и упадка).	Династия XIX., 1350-1205 гг. до н.э.	Династия XIX., 1322-1202 гг. до н.э.
с. 1200 (?) Гомеровский век.	Династия XX., 1200-1090 гг.	Династия XX., 1202-1102 гг.
	(Критские племена, упомянутые и изображенные Рамсесом III,	

Мединет Хабу).

Династия XXI., 1090-945 гг. до н.э.	Династия XXI., 1102-952 гг. до н.э.
---	---

(Пираты Закру упоминаются Вэнь-Амоном, папирус Голенищева).

БИБЛИОГРАФИЯ

В следующем кратком списке представлены наиболее доступные для обычного читателя книги о минойской и микенской цивилизациях:

Annual of the British School at Athens, vols. vi.- . (Отчеты о раскопках Эванса, Хогарта и других, а также множество интересных статей о результатах открытий. Хорошо иллюстрировано).

Journal of Hellenic Studies, vols. xx.- . (Статьи Эванса, Холла, Маккензи, Рауса и других. Восхитительные иллюстрации).

BROWNE, H.: *Homeric Study*. (Отношения гомеровской и минойской цивилизаций).

BURROWS, R. M.: *The Discoveries in Crete*. (Грамотное обсуждение результатов раскопок).

EVANS, A. J.: *Критские пиктограммы и дофиникийская письменность*. (Предыдущий том д-ра Эванса о минойской письменности.) *Essai de Classification des Époques de la Civilisation Minoenne*. (Краткое описание минойских периодов.) *Микенское дерево и культ столбов*. (Перепечатка из *Journal of Hellenic Studies*, vol. xxi.) *Доисторические гробницы Кносса*. (Изопата и т.д.). *Scripta Minoa*. (Новейшее и наиболее полное обсуждение минойской письменности.) Статьи в газете *Times* и *Monthly Review*.

HALL, E. H.: *The Decorative Art of Crete in the Bronze Age*.

HALL, H. R.: *Egypt and Western Asia*. (Отношения Крита и Египта.) *Древнейшая цивилизация Греции*. (Рассматривает микенские открытия до 1901 г.) Различные статьи в *Трудах Общества библейской археологии*, *Журнале эллинских исследований* и т. д.

HARRISON, J. E.: *Prolegomena to the Study of Greek Religion*. *Религия Древней Греции*.

HAWES, C. H. and H.: *Crete the Forerunner of Greece*. (Краткое и интересное пособие.)

HAWES, H. B.: *Gournia, Vasiliki, and other Prehistoric Sites on the Isthmus of Hierapetra, Crete*.

ХОГАРТ, Д. Г.: *Авторитет и археология*; (Содержит резюме ранних микенских открытий.) *Иония и Восток*. (Отношения восточной и ранней греческой цивилизаций.) Статьи в *Cornhill Magazine* и *Fortnightly Review*.

ЛАНГ, А.: *Гомер и его эпоха*.

MOSSO, A.: *The Palaces of Crete and their Builders*. (Главным образом полезен своими многочисленными иллюстрациями).

MURRAY, G.: *The Rise of the Greek Epic*. (Чрезвычайно яркая и наводящая на размышления книга).

RIDGEWAY, W.: *The Early Age of Greece*.

SCHUCHNHARDT, C: *Schliemann's Excavations*. (Полезный обзор работ Шлимана в переводе Э. Селлерса).

SEAGER, R. B.: *Excavations on the Island of Pseira, Crete*. Филадельфия, 1910. (Прекрасно иллюстрировано.)

Цоунтас и Манатт: *Микенская эпоха*.

О хронологии Древнего Египта см.

BREASTED, H.: *History of Egypt*. (1906. Сокращенное издание, 1908.)

PETRIE, W. M. F.: *History of Egypt*, vols. i.-iii. *Исследования на Синае*.

Для топографии Крита интересными и полезными будут "*Путешествия по Криту*" Пэшли и "*Путешествия и исследования по Криту*" Спратта, хотя они были опубликованы в 1837 и 1865 годах соответственно. Для истории острова в средневековье и современности можно обратиться к "*Краткой популярной истории Крита*" Дж.

Antiquités Crétoises" Г. Марагианниса, Кандия, Крит, содержит пятьдесят превосходных фотографий минойских реликвий, главным образом из Фестуса и Агия Триады, с кратким введением синьора Пернье, представителя Итальянской археологической миссии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕВОДЫ ФЕСТСКОГО ДИСКА

Было предложено два перевода Фестского диска. Первый принадлежит профессору Джорджу Хемплу из Стэнфордского университета (США) и опубликован в журнале *Harper's Magazine* за январь 1911 года под названием "Разгадка древней загадки" (The Solving of an Ancient Riddle). Вторая работа, написанная мисс Ф. Мелиан Стауэлл из колледжа Ньюхэм, появилась в журнале *Burlington Magazine* за апрель 1911 года под названием "Толкование Фестского диска".

Обе работы отличаются значительной изобретательностью; но беда в том, что они не согласны друг с другом ни в малейшей степени. Профессор Хемпл утверждает, что диск - это запись посвящения быков в святилище в Фесте, во искупление грабежа, совершенного критскими морскими разбойниками в каком-то святилище великой богини в Малой Азии. Мисс Стауэлл, напротив, считает, что диск - это матрица для отливки пары кимвалов, а надпись - призыв, который поклоняющиеся должны были произносить богине.

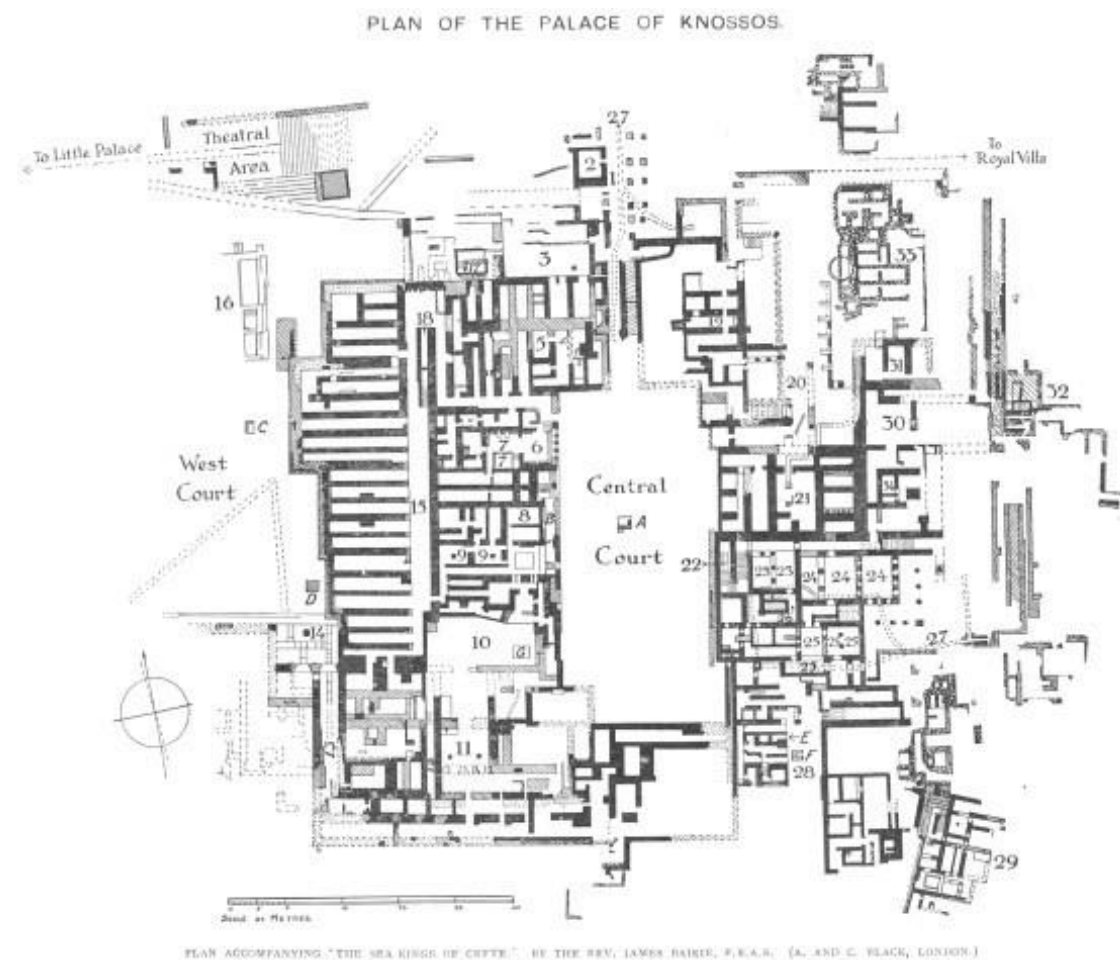
Сравнение фрагментов этих двух интерпретаций покажет, что определенность едва ли может быть достигнута. Профессор Хемпл так переводит начальные строки Лика А:

"Вот, пророчица Ксифо посвящает трофеи, наложенные на пророчицу. Зевс, охраняй нас. В молчании отложи самые лакомые части еще не зажаренного животного. Афина Минерва, будь милостива. Молчать! Жертвы были преданы смерти. Молчать!"

Сравните перевод тех же строк мисс Стауэлл:

'Lady, O hearken! Хитрая! Ах, королева! Я буду петь, Леди, о, ты должна освободить! Божественная, могущественная королева! Божественная, дарующая дождь! Госпожа, госпожа, приди! Госпожа, будь милостива! Богиня, будь милосердна! Вот, Владычица, я взываю к тебе с грохотом! Афина, узри, Воительница! Помоги! Госпожа, приди! Леди, молчи, я приношу жертву - Леди, подойди!

КОНЕЦ

КЛЮЧ К ЦИФРАМ

1. Северный вход и портик.
2. Бастион и караульный дом.
3. Северная площадь.
4. Комната собирателя цветов.
5. Комната с вазами-штирлицами, под ней - замурованная яма.
6. Преддверие Тронного зала.
- 7, 7. Тронный зал с резервуаром.
8. Храмовые хранилища.
- 9, 9. Восточный и Западный столбы-купели.
10. Двор Алтаря.
11. Южный пропилей.
12. Коридор Чашника.
13. Коридор процессии.
14. Западный портик.
15. Длинная галерея с журналами на западной стороне.
16. Северо-западный дом с бронзовыми сосудами.
17. Северная баня.

- 18. Залежи пиктографических табличек.
- 19. Северо-восточные журналы.
- 20. Коридор тягловой доски.
- 21. Комната оливкового прессы.
- 23, 23. Зал колоннад со световым колодцем.
- 24, 24, 24. Зал двойных осей, со световым колодцем.
- 25, 25, 25, 25. Мегарон королевы, со световым колодцем.
- 26. Хранилище фигурок из слоновой кости.
- 27, 27. Построенные сливы.
- 28. Двор святилища.
- 29. Юго-восточный дом со Столбовой комнатой.
- 30. Двор маслобойни.
- 31. Журналы с большими пифоями.
- 32. Восточный бастион.
- 33. Ранние постройки, частично находящиеся в постоянном пользовании.
- 34. Мастерская скульптора (на верхнем этаже).
- A. Алтарь-основание в центральном дворе.
- B. Святилище богини-змеи.
- C, D. Алтарная база в Западном дворе.
- E. Святилище богини-голубя и двойные топоры.
- F. Алтарь-основание во дворе святилища.
- G. Основание алтаря во дворе алтаря.